

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXXV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1895.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
М. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера, въ С.-Петербургѣ,
Н. Климеля, въ Ригѣ. — Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Цена 1 руб. 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюль 1896 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровский*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о тридцати пяти присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1893 года Академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ.....	1—15
I. Разборъ сочиненія К. И. Арабажина: Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность (1791—1835). Рецензія члена-корреспондента Академіи А. Н. Пыпина.....	16—47
II. Разборъ изслѣдованія Александра Филиппова: «О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою». Москва, 1891. Составленный орд. проф. Н. Д. Сергѣевскимъ	48—67
III. Разборъ сочиненія В. С. Иконникова, «Опытъ русской историографіи». Т. I. Книга первая и вторая. Кіевъ. 1891—1892. Составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.....	68—79
IV. Разборъ сочиненія Н. А. Бѣлозерской: «Василій Трофимовичъ Нарѣжнѣй. Историко-біографическое изслѣдованіе». Составленный академикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ.....	80—89
V. Разборъ книги А. Карнѣева: «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи физиолога», составленный орд. акад. И. В. Ягичемъ.....	90—146

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 сентября 1893 г. Академикомъ Н. Ѳ. Дубровинимъ.

На нынѣшнее соисканіе наградъ графа Уварова было представлено восемь сочиненій; для ихъ разсмотрѣнія и оцѣнки была назначена Академіею, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, В. Г. Васильевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова, А. А. Куника и Н. Ѳ. Дубровина.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія cadaго изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока комиссія принуждена была два сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе, а затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ шести сочиненій, положила присудить одному *большую*, а двумъ сочиненіямъ *малыя* Уваровскія преміи.

Увѣнчанное большою наградю сочиненіе принадлежитъ профессору университета Св. Владиміра В. С. Иконникову и напеча-

тано подъ заглавіемъ: *Опытъ русской исторіографіи*, т. I, книги I и II. Кіевъ 1891—1892.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

«Въ русской исторической наукѣ, говоритъ онъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощущается недостатокъ сочиненія, которое представляло бы съ одной стороны обзорѣніе источниковъ, въ теченіе полутора вѣка обнародованныхъ какъ правительственными учрежденіями, такъ и частными лицами, съ опредѣленіемъ ихъ относительнаго значенія и достоинства, а съ другой разсмотрѣніе появившихся многочисленныхъ изслѣдованій по русской исторіи, съ указаніемъ насколько и какъ отечественные ученые воспользовались въ нихъ изданными матеріалами, насколько они своими трудами содѣйствовали уясненію прошлой жизни государства. Однимъ словомъ, не доставало сочиненія, посвященнаго критическому изученію источниковъ и литературы русской исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи».

По составленному авторомъ плану сочиненіе должно раздѣляться на двѣ части: *первая* — обзорѣніе архивовъ и библіотекъ, въ которыхъ хранятся рукописные и печатные матеріалы, и указаніе на труды лицъ, содѣйствовавшихъ собиранію и обнародованію этихъ матеріаловъ, а *вторая* представлять систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторію развитія ея науки.

Сдѣлавъ безпристрастную оцѣнку предшествовавшихъ библиографическихъ трудовъ, имѣвшихъ тотъ общій недостатокъ, что въ нихъ нельзя найти ничего кромѣ заглавія актовъ и статей и указанія, гдѣ они напечатаны, г. Иконниковъ даетъ намъ свой «Опытъ русской исторіографіи» — трудъ, который могъ быть исполненъ только благодаря замѣчательной начитанности, рѣдкому трудолюбію и настойчивости въ достиженіи однажды опредѣленной цѣли.

Первый томъ соч. Иконникова, обнимающій собою болѣе чѣмъ 2200 страницъ, раздѣляется на два отдѣла: первый состоитъ изъ семи главъ, изъ коихъ въ трехъ первыхъ излагается обстоятельная методологія предмета, а въ остальныхъ четырехъ главахъ — исторія собиранія, хранения и обнародованія матеріаловъ по русской исторіи.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ девяти главъ и посвященъ исключительно обзору архивовъ, библіотекъ и музеевъ. Обзоръ этотъ составляетъ заслугу г. Иконникова, такъ какъ до него наша

публика, даже ученая, имѣла смутное представленіе о многихъ библиотекахъ и архивахъ.

Прослѣдивъ за сочиненіемъ г. Иконникова и указавъ на нѣкоторые впрочемъ незначительные недостатки, нашъ уважаемый рецензентъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію.

«Изъ представленнаго нами, говоритъ онъ, сжатаго изложенія капитальнаго труда г. Иконникова достаточно видно его значеніе какъ для науки, такъ и для занимающихся отечественною исторіею, у которыхъ она должна сдѣлаться настольною книгою. Встрѣчаются въ трудѣ В. С. Иконникова нѣсколько недосмотровъ и пропусковъ, но они теряются и исчезаютъ въ подавляющей массѣ собранныхъ данныхъ и нисколько не вредятъ достоинствамъ труда. Если можно въ чемъ упрекнуть автора, то только въ одномъ, а именно, что въ главахъ, посвященныхъ изложенію методологій исторіи, онъ иногда не высказываетъ своего мнѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, а приводитъ массу мнѣній разныхъ ученыхъ, не рѣдко противорѣчивыхъ, и предоставляетъ читателю выбирать изъ нихъ то, которое имъ признается болѣе справедливымъ. Кромѣ того противъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ здѣсь мнѣній можно и спорить.

Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти недостатки нисколько не умаляютъ заслуги В. С. Иконникова передъ русскою историческою наукою.

Въ виду какъ несомнѣнныхъ достоинствъ «Опыта русской историографіи», такъ и того обстоятельства, что онъ является единственнымъ въ нашей литературѣ и въ высшей степени необходимымъ, академикъ А. Ѳ. Бычковъ полагаетъ «что со стороны Академіи Наукъ будетъ вполнѣ справедливо, если она увѣнчаетъ автора этого труда, положившаго на него многіе годы усиленныхъ занятій, полною Уваровскою преміею и тѣмъ побудитъ его къ скорѣйшему выпуску въ свѣтъ втораго тома, который долженъ представить систематическій обзоръ источниковъ по русской исторіи и послѣдовательный ходъ ея разработки».

Малыя Уваровскія преміи присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ.

А) А. Карнѣевъ — *Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физиолога*. С.-Петербургъ, 1890.

Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено академику И. В. Ягичу.

По мнѣнію рецензента, «трудъ г. А. Карнѣева представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей литературѣ, не богатой монографическими изслѣдованіями. Онъ занимается сравнительнымъ изученіемъ одного вопроса средневѣковой христіанской литературы, въ которомъ и русская словесность принимала участіе наравнѣ съ многими другими литературами Востока и Запада. Это такъ называемый *Физиологъ*.

Изслѣдованіе этого вопроса въ полномъ объемѣ принадлежитъ къ самымъ сложнымъ и трудно-исполнимымъ задачамъ. Но удачный выборъ какой либо одной части цѣлаго можетъ увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ и въ то же время оказать большую услугу цѣлому. Такъ и поступили нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи. Одни изучали преимущественно греческіе или латинскіе, другіе восточные, третьи западно-европейскіе тексты его. Такимъ образомъ вопросъ о Физиологѣ въ новѣйшее время значительно подвинулся и для многихъ литературъ приобрѣлъ большой научный интересъ.

«Весь этотъ ходъ занятій по вопросу о Физиологѣ, говоритъ нашъ почтенный товарищъ, совершался до сихъ поръ почти исключительно на почвѣ иностранныхъ литературъ, участіе наше было крайне ничтожное. Но этими образцами чужой дѣятельности былъ ясно намѣченъ путь, по которому слѣдовало русскому ученому направить свои занятія по тому же вопросу, если и онъ съ своей стороны пожелалъ бы способствовать освѣщенію той или другой еще темной стороны его. Г. Карнѣевъ внялъ этому указанію. Взявшись за изученіе этого предмета, онъ вскорѣ убѣдился въ томъ, что въ русской ученой литературѣ Физиологъ давно уже напрашивается на подробное изслѣдованіе въ различныхъ редакціяхъ славянскаго перевода, отчасти изданнаго, но не разобраннаго, отчасти даже и не изданнаго. Какъ послѣдствія показали, обильная жатва ожидала его. Въ похвалу ему мы должны сказать, что онъ не пожалѣлъ труда и большихъ усилій, но зато и сочиненіе его вышло богато результатами».

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ сочиненія академикъ Ягичъ признаетъ то, что г. Карнѣеву удалось отыскать полный русско-славянскій списокъ Физиолога, въ той редакціи, которую можно считать древнѣйшею. Счастливою находкою полнаго славянскаго Физиолога древнѣйшей редакціи было намѣ-

чено и направленіе изслѣдованія. Найденный списокъ давалъ автору надежду на разрѣшимость вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между различными редакціями Физиолога и задача соч. Карнѣева сосредоточилась на сравнительномъ анализѣ важнѣйшихъ рецензій Физиолога, съ цѣлью точнаго опредѣленія старшаго типа его.

Не соглашаясь съ нѣкоторыми положеніями и выводами автора, рецензентъ указываетъ на недосмотры и пробѣлы, какъ напримѣръ по вопросу объ южно-славянскомъ Физиологѣ. Незнакомство автора съ текстомъ послѣдняго отразилось невыгодно и на ходѣ изслѣдованія во второй части, которая вслѣдствіе того вышла не такъ полна, какъ могла бы быть.

«Во второй главѣ сочиненія г. Карнѣева, говоритъ академикъ И. В. Ягичъ, примыкающей къ анализу Физиолога, какъ непосредственное введеніе въ него, сдѣланы «Перечень и описаніе текстовъ», а потомъ прибавлены и выводы. Все это, въ сравненіи съ очень обширнымъ изложеніемъ исторіи вопроса, поражаетъ неожиданною сжатостію. Мы приступаемъ къ чтенію этихъ страницъ, какъ-то неподготовленные, слѣдимъ внимательно за изложеніемъ автора, но не видимъ подробныхъ доказательствъ, почему все имъ излагаемое непремѣнно должно быть такъ, какъ онъ намъ рассказываетъ. Все это производитъ на насъ впечатлѣніе изложенія догматическаго. Еслибы авторъ большую часть этого изложенія помѣстилъ ниже, т. е. за анализомъ Физиолога, аргументація его, смѣю думать, вышла бы несравненно удобопонятнѣе и въ то же время убѣдительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно говорить, напримѣръ, о выводахъ раньше анализа, на которомъ построены выводы? Вотъ гдѣ по моему выказался формальный недостатокъ сочиненія русскаго ученаго.

«Книга г. Карнѣева, продолжаетъ рецензентъ, не можетъ похвалиться наглядностью изложенія, она не отдѣлана окончательно, въ ней попадаются въ различныхъ частяхъ оговорки, поправки, дополненія или измѣненія. Замѣчанія самаго важнаго свойства сдѣланы иногда вскользь, какъ бы по случаю и мимоходомъ. Но несмотря на эти недостатки, не затрогивающіе существенныхъ сторонъ вопроса, сочиненіе г. Карнѣева — трудъ весьма почтенный. Оно не должно остаться незамѣченнымъ въ обширной литературѣ о Физиологѣ».

Благодаря труду г. Карнѣева теперь разработанъ и объясненъ какъ нельзя лучше первый такъ называемый *par excellence* Физиологъ и «нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, говоритъ въ своемъ

заключеніи академикъ Ягичъ, что сочиненіе г. Карнѣева вполне достойно того, чтобы ему была присуждена премія. Я могу предложить это съ самую теплою рекомендаціею.

Б) Н. А. Бѣлозерская, *Василій Трофимовичъ Нарѣжскій. Историко-біографическое изслѣдованіе* (Оттиски изъ Русской Старины, съ обширными рукописными прибавленіями).

Оцѣнка этого сочиненія была поручена комиссіею нашему почтенному товарищу академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

«Изученіе русской литературы XVIII и XIX вѣка, говоритъ онъ, подвигается весьма успѣшно: появляются критическія изданія старыхъ писателей, отдѣльные бібліографическіе и біографическіе этюды о нихъ, есть и общіе курсы. Нельзя конечно считать, чтобы не явилась потребность въ дополненіяхъ, уясненіяхъ того, что сдѣлано, чему въ особенности помогаютъ появленіе новыхъ матеріаловъ и новыя изслѣдованія въ области исторіи. Есть наконецъ такіе вопросы, которые едва затронуты, и то мимоходомъ, исторіей литературы. Такъ мы еще очень мало знаемъ о русскомъ романтизмѣ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, изученіе котораго весьма важно для полнаго и обстоятельнаго пониманія поэзіи Лермонтова. Кто помнитъ впечатлѣнія повѣстей Бестужева, критики и повѣстей Полеваго, драмъ Кукольника, а изъ иностранныхъ романовъ и лирики Гюго, романовъ Бальзака, тотъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что всѣ они подготовили почву для пониманія Лермонтова. Такимъ же малоизвѣстнымъ эпизодомъ представляется исторія русскаго романа во второй половинѣ XVIII вѣка и до тридцатыхъ годовъ XIX в., скорѣе даже до Гоголя. Дѣятельность Нарѣжнаго, представляющая важное явленіе въ первой четверти нашего вѣка, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Кромѣ мимоходныхъ замѣтокъ объ ея значеніи, мы ничего не имѣемъ; изъ произведеній Нарѣжнаго читается только «Бурсакъ»; о біографіи его имѣются у насъ только краткія свѣдѣнія. Этотъ недостатокъ восполняется трудомъ Н. А. Бѣлозерской, который сначала появился въ Русской Старинѣ, а теперь лежитъ передъ нами въ дополненномъ и исправленномъ видѣ съ помощью рукописныхъ замѣтокъ».

Трудъ Н. А. Бѣлозерской — плодъ обширной начитанности и результатъ неутомимыхъ розысканій; большая часть его содержа-

нiя составляетъ новое явленiе въ исторiи русской литературы и важный вкладъ въ исторiю общественности. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованiе съ краткаго обзора состоянiя литературы и критики при появленiи первыхъ произведенiй Нарѣжнаго, указываетъ на то, что Нарѣжный не находился въ сношенiи-съ тогдашними литературными кружками и почти не участвовалъ въ журналахъ той эпохи. По мнѣнiю рецензента замѣчанiя эти лучше было бы помѣстить въ бiографiи Нарѣжнаго.

Слѣдя въ частности за разбираемымъ сочиненiемъ, нашъ уважаемый сочленъ останавливается на нѣкоторыхъ неточностяхъ въ сближенiяхъ, выводахъ и отчасти въ хронологiи. Такъ, напримѣръ, по поводу исторической повѣсти «Ксенiя — княгиня Галицкая», вышедшей въ 1808 году, Н. А. Бѣлозерская замѣчаетъ, что сочинитель выписываетъ цѣлыя страницы изъ Исторiи Государства Россiйскаго, чего, разумѣется, не могло быть, такъ какъ исторiя Карамзина появилась въ 1818 г. Извѣстный романъ Измайлова «Евгенiй» отнесенъ авторомъ къ нравоучительно-сатирическимъ, тогда какъ его слѣдовало бы отнести къ реалистическимъ.

Важное достоинство труда Н. А. Бѣлозерской состоитъ въ томъ, что она постоянно указываетъ насколько въ произведенiяхъ Нарѣжнаго отразились тѣ или другiя черты предшествующей повѣствовательной литературы. Бiографiя Нарѣжнаго до сихъ поръ была мало извѣстна и Н. А. Бѣлозерская собрала о немъ все, что могла: ей удалось получить нѣсколько официальныхъ актовъ, доставленныхъ невѣсткою автора «Бурсака»; тщательное же изученiе его сочиненiй, при знанiи современныхъ ему обстоятельствъ, помогли ей составить нѣсколько въ высшей степени вѣроятныхъ предположенiй.

Такимъ образомъ, передъ нами является опредѣленное живое лицо, а подробный анализъ его произведенiй воспроизводитъ его нравственную физиономiю.

Книга Н. А. Бѣлозерской заканчивается краткою, но вѣрною характеристикою литературнаго значенiя Нарѣжнаго. Книгу сопровождаютъ многочисленныя примѣчанiя, официальные акты, касающiеся жизни Нарѣжнаго, и хронологическiй списокъ его сочиненiй.

«Слѣдя шагъ за шагомъ за изложенiемъ Н. А. Бѣлозерской, говоритъ академикъ Бестужевъ-Рюминъ, мы приходимъ къ убѣжденiю, что ея употреблено много труда: просмотрѣно все, что только нужно было просмотрѣть, отчего трудъ ея вполнѣ воз-

награжденъ, такъ какъ ей удалось освѣтить ярче, чѣмъ было прежде, значеніе литературной дѣятельности Нарѣжнаго въ связи съ его біографіей. Если общій характеръ литературы той эпохи и того общества остается еще не вполне выясненнымъ, то это задача новыхъ тружениковъ. Нашъ авторъ напелъ только указанія, конечно очень плодотворныя, но самъ принужденъ былъ дѣлать обширныя розысканія. Вотъ почему считаемъ вполне справедливымъ ходатайствовать о присужденіи Н. А. Бѣлозерской второй Уваровской награды».

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова, комиссія признала заслуживающими наградъ сочиненія Александра Филиппова, И. И. Шимко и К. И. Арабажина, но за раздачею всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи наградъ, комиссія, на основаніи п. I, § 16 правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, признала справедливымъ присудить имъ *почетные отзвѣты*.

1. Александръ Филипповъ — *О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою*. Москва, 1891.

Для оцѣнки этого труда Академія обращалась къ просвѣщенному содѣйствію профессора С.-Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевского.

«Исторія русскаго уголовного права до-петровской эпохи, говоритъ рецензентъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, имѣетъ свою литературу. Рядъ монографій, весьма содержательные отдѣлы въ курсахъ и учебникахъ даютъ ясныя и законченныя картины по основнымъ вопросамъ преступленія и наказанія. На оборотъ, эпоха Петра Великаго и весь XVIII вѣкъ остаются понынѣ неразработанными ни въ монографіяхъ, ни въ систематическихъ курсахъ. А между тѣмъ какой громадный интересъ, какое богатое содержаніе заключается въ развитіи уголовного права этого періода! Въдѣ въ этотъ періодъ совершился переходъ отъ законченныхъ типичныхъ началъ и возрѣній XVII вѣка къ тому, чѣмъ мы живемъ теперь и вѣроятно долго еще будемъ жить; притомъ переходъ въ высшей степени осложненный и крупными измѣненіями въ условіяхъ государственнаго и соціальнаго быта, и величайшимъ разнообразіемъ происходящихъ, такъ сказать, случайныхъ воздѣйствій и вліяній. На столько-то мы знаемъ XVIII вѣкъ, чтобы опредѣлить

его общее значеніе въ исторіи уголовного права, какъ переходной эпохи; но въ чемъ именно заключается этотъ періодъ, какъ совершалась замѣна однихъ представленій другими, какъ возникали институты новые, которыхъ не знала старая Русь, и какъ исчезли многіе старые, — этого мы не знаемъ.

«При такомъ положеніи дѣла, изслѣдованіе профессора А. Н. Филиппова представляетъ собою во-первыхъ, лучъ свѣта въ темной области нашего знанія, а во-вторыхъ — работу большой трудности. Автору пришлось начинать новое дѣло и идти путемъ разработки сырого матеріала, котораго или вовсе не касалась, или очень мало касалась предъидущая литература. И мы должны признать, что громадный матеріалъ исчерпанъ имъ въ полнотѣ и совершенствѣ. Правда, авторъ ограничивается лишь печатнымъ матеріаломъ; но этотъ печатный матеріалъ для Петровской эпохи громаденъ и всеобъемлющъ».

Профессоръ Сергѣевскій замѣчаетъ, что трудъ г. Филиппова есть какъ бы начало систематической исторіи уголовного права XVIII вѣка. Такая тема для отдѣльной монографіи едва-ли могла бы быть названа удачной, такъ какъ она представляется исключительно внѣшнимъ моментомъ — періодомъ Петра Великаго — не совпадающимъ вовсе съ какимъ либо опредѣленнымъ типичнымъ состояніемъ карательныхъ институтовъ. Этотъ періодъ не есть ни начало новаго, ни окончаніе стараго; на оборотъ, въ этомъ періодѣ находится всего по немногу — и стараго и новаго, и существеннаго и случайнаго, но больше всего стараго.

«Самому автору, говоритъ рецензентъ, пришлось разбить свое изслѣдованіе на два совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованія: наказаніе по указамъ и наказаніе по воинскому артикулу. Но если бы принять въ руководство не внѣшній признакъ, а внутреннее содержаніе институтовъ, то періодъ Петра Великаго можно было бы разбить на три и на четыре части. Въ томъ-то и дѣло, что для выясненія уголовно-карательныхъ институтовъ царствованіе Петра, взятое въ цѣломъ, отдѣльно отъ предшествующей и послѣдующей эпохи, не представляетъ собою ничего законченнаго и ничего цѣлаго. Какъ тема для самостоятельной монографіи такой предметъ мало годится; но для работы, полагающей въ литературѣ начало историческому изслѣдованію всего XVIII вѣка, такая програма должна быть признана вполне плодотворною. Интересно замѣтить, что всѣ черты наказанія, которыя авторъ признаетъ наиболѣе характеристическими для петровскаго законода-

тельства, принадлежать предъидущей эпохѣ, развиты и установлены до Петра и уже въ XVII вѣкѣ сложились въ законченныя устойчивыя картины».

Не признавая въ уголовномъ правѣ эпохи Петра Великаго ничего цѣльнаго и законченнаго, профессоръ Сергѣевскій съ этой точки зрѣнія смотритъ на трудъ г. Филиппова и во многомъ съ нимъ не соглашается. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что весь общій очеркъ, вся первая часть книги не имѣетъ никакой внутренней связи съ изслѣдованіемъ о наказаніи и книга съ большимъ удобствомъ читается со второй части, чѣмъ съ первой. Такимъ образомъ общій очеркъ является какъ бы особымъ сочиненіемъ, приложеннымъ къ книгѣ и не имѣющимъ съ нею связи. Указавъ затѣмъ на нѣкоторыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ изслѣдованіи, на ошибочность взглядовъ автора и неправильное освѣщеніе имъ нѣкоторыхъ фактовъ, на поклоненіе авторитетамъ, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не вызываемое, и наконецъ, на осторожность автора въ отношеніи выводовъ и обобщеній, профессоръ Сергѣевскій приходитъ къ слѣдующему общему выводу:

1) «Книга профессора Филиппова заключаетъ въ себѣ богатѣйшій историко-законодательный матеріалъ, прекрасно систематизированный, собранный въ полнотѣ и сгруппированный въ такомъ порядкѣ, что передъ читателемъ ясно и подробно рисуются законченныя картины наказаній въ періодъ царствованія Петра Великаго. Этого одного уже достаточно для признанія сочиненія достойнымъ искомой награды.

2) «Что касается до болѣе широкихъ выводовъ и обобщеній, то здѣсь авторъ оказывается менѣе самостоятельнымъ, воздерживается отъ нихъ или даетъ формулы уклончивыя.

3) «Существеннымъ недостаткомъ книги является стремленіе автора изобразить періодъ царствованія Петра Великаго въ качествѣ отдѣльной эпохи въ исторіи наказанія, съ индивидуальнотипичными чертами. Результатомъ такого стремленія явилось неправильное освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ предмета и нѣсколько противорѣчій въ книгѣ.

4) «Прочіе недостатки не могутъ и не должны имѣть вліянія на общую оцѣнку труда».

2. И. И. Шимко. *Новая данная для біографіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ*. С.-Петербургъ. 1891 г.

По порученію комиссіи сочиненіе это было разсмотрѣно академикомъ Л. Н. Майковымъ.

Сущность его отзыва заключается въ слѣдующемъ:

Книга г. Шимко, состоящая изъ 148 страницъ текста и 7 страницъ приложений, знакомитъ насъ съ содержаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ опытъ обработки документовъ, найденныхъ авторомъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи касательно нашего дипломата-писателя прошлаго вѣка, князя А. Д. Кантемира, его братьевъ и сестры. Въ I-й главѣ сочиненія излагаются общія свѣдѣнія о сохранившихся въ этомъ архивѣ фамильныхъ бумагахъ князей Кантемировъ; во II-й главѣ характеризуется личность княжны Маріи Дмитріевны Кантемиръ; въ III-й главѣ излагается содержаніе переписки князя Антіоха съ сестрой и братьями; наконецъ, въ главѣ IV-й идетъ рѣчь о духовномъ завѣщаніи князя Антіоха и о томъ, какъ оно было приведено въ исполненіе; въ приложеніи напечатаны шесть писемъ князя Антіоха къ княжнѣ Маріи на греческомъ и италіанскомъ языкахъ.

Г. Шимко справедливо оцѣнилъ интересъ и важность найденныхъ имъ документовъ. Собственно для біографіи знаменитаго сатирика они имѣютъ лишь второстепенное значеніе, разъясняютъ только его семейныя и имущественныя отношенія; но изъ этихъ документовъ раскрывается внутренній бытъ и степень благосостоянія семьи Кантемировъ въ теченіе большей части прошлаго вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что за люди были родственники князя Антіоха. Оказывается, что его братья и ихъ потомство были людьми очень обыкновенными, безо всякихъ выдающихся достоинствъ. За то сестра князя Антіоха, княжна Марія Дмитріевна, обрисовывается какъ личность очень замѣчательная. Г. Шимко поступилъ совершенно правильно, посвятивъ значительную часть своего сочиненія изображенію этой личности. Княжна Марія обладала яснымъ умомъ и замѣчательнымъ по своему времени образованіемъ, которое рѣзко выдѣляло ее изъ среды современныхъ ей русскихъ женщинъ даже высшаго сословія. Она была старше своихъ братьевъ и, оставшись въ дѣвцахъ, сосредоточила на младшемъ изъ нихъ, князѣ Антіохѣ, всю свою любовь и нѣжность. Разлученная съ братомъ его заграничною дипломатическою службой, она вела

съ нимъ дѣятельную переписку и въ письмахъ своихъ сообщала ему не только о семейныхъ дѣлахъ, но и о своихъ занятіяхъ, чтеніи и общественныхъ сношеніяхъ. Нѣкоторыя изъ писемъ княжны Маріи г. Шимко приводитъ цѣликомъ въ переводѣ съ итальянскаго и греческаго, изъ другихъ сообщаетъ выдержки, и все, что имъ извлечено изъ этого источника, отличается интересомъ, содержитъ въ себѣ характерныя историческія и біографическія подробности.

Таковы достоинства труда г. Шимко. Существенный его недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ подчинилъ себя вновь найденнымъ имъ матеріаламъ и не сдѣлалъ почти никакого сличенія ихъ съ тѣмъ, что уже могъ бы найти въ ученой литературѣ. Такъ, ему, повидимому, остались неизвѣстными письма князя А. Д. Кантемира, напечатанныя въ «Архивѣ князя Воронцова», а также свѣдѣнія касательно завѣщанія князя Антіоха, находящіяся въ этомъ изданіи. Не знаетъ г. Шимко и того, что сообщается въ депешахъ Кампредона касательно княжны Маріи и ея отношеній къ императору Петру I; не знаетъ и упоминаетъ о ней въ походныхъ журналахъ Петра. Наконецъ, говоря о характерѣ ея образованія, г. Шимко не собралъ свѣдѣній объ ея учителяхъ, что также было возможно и вполне уместно въ данномъ случаѣ. Поэтому, признавая вполне несомнѣннымъ интересъ историческихъ матеріаловъ, впервые обнародованныхъ г. Шимко, мы должны въ то же время сказать, что онъ далъ имъ недостаточную ученую обработку.

Въ виду такого заключенія комиссія, согласно съ представленіемъ академика Майкова, сочла возможнымъ поощрить любознательный и полезный трудъ г. Шимко присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

3. *Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность (1791—1835)*. Исслѣдованіе кандидата К. И. Арабажина. Удостоено историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго университета св. Владиміра награды золотой медалью и премією имени Н. И. Пирогова. Кіевъ, 1891.

Разсмотрѣніе этого сочиненія любезно принялъ на себя членъ-корреспондентъ Академіи А. Н. Пыпинъ.

«Польская литература, говоритъ онъ, кромѣ общаго значенія ея въ средѣ литературъ славянскихъ, должна бы представлять для насъ и особый частный интересъ, какъ по тѣмъ историческимъ отношеніямъ, какія издавна возникли и понынѣ существуютъ между двумя народами, такъ и по особеннымъ отношеніямъ польской литературы къ русской. Относительно послѣдняго, историческія разысканія все больше раскрываютъ факты старинныхъ связей русской до-петровской письменности съ польскими источниками. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ утверждается, по видимому, гораздо болѣе прочный, чѣмъ когда нибудь прежде, интересъ къ современной польской литературѣ.

«Но въ то время, какъ польская политическая исторія вызываетъ все болѣе значительное количество самостоятельныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ, исторія польской литературы до сихъ поръ очень мало привлекала нашихъ изслѣдователей, а между тѣмъ этимъ путемъ можетъ быть приобрѣтено пониманіе той внутренней жизни общества, въ которой кроются мотивы и самой политической дѣятельности.

«Вслѣдствіе такой неравномѣрности въ научныхъ изслѣдованіяхъ, замѣчаетъ рецензентъ, о которой мы говорили и источникомъ которой является новостъ и неустановленность самой науки, въ нашей ученой литературѣ нерѣдко встрѣчаются спеціальныя труды, не имѣющіе такого цѣлаго, къ которому они могли бы логически примкнуть. Таковы бывали многіе появлявшіеся у насъ труды по славянской исторіи и литературѣ — отдѣльные эпизоды изъ сербской или чешской, болгарской и т. п. исторіи и литературы и именно по преимуществу древней, — когда у насъ не имѣется собственно книгъ по цѣлой сербской, чешской, болгарской исторіи. Книги подобнаго рода по необходимости остаются интересны и доступны только для тѣснаго круга специалистовъ, остаются памятниками учености ихъ авторовъ и только въ очень отвлеченномъ смыслѣ, какъ говорится, обогащаютъ литературу. И въ то же время слышатся жалобы, что общество мало поддерживаетъ эту научную литературу. Къ такого рода книгамъ можетъ присоединиться и названное сочиненіе о «Казимирѣ Бродзинскомъ».

Книга г. Арабажина представляетъ исполненіе факультетской задачи и тема избрана не самимъ авторомъ.

Во введеніи къ сочиненію онъ излагаетъ литературу предмета; затѣмъ біографическій очеркъ; наиболѣе обширный отдѣлъ посвященъ литературнымъ взглядамъ Бродзинскаго, характеристикѣ его

какъ поэта, этнографа и славянофила; изображается его дѣятельность педагогическая и ученая, наконецъ опредѣляются его сочиненія масонско-мистическія.

Прослѣдивъ со всею подробностью за сочиненіемъ К. И. Арабажина и указавъ на нѣкоторыя неточности и недосмотры, почтенный рецензентъ приходитъ къ тому заключенію, что авторъ внимательно изучилъ свой матеріалъ, далъ подробную біографію Бродзинскаго и обстоятельный разборъ его сочиненій, въ отношеніи ихъ содержанія и значенія въ современной и позднѣйшей литературѣ.

«Недостаткомъ изслѣдованія является, говорить А. Н. Пыпинъ въ заключеніи своего разбора, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ неточностей, не вполне правильная оцѣнка историческихъ условій, въ которыхъ происходила дѣятельность писателя: предъявляя ему слишкомъ высокія требованія, авторъ приходитъ часто къ отрицательнымъ заключеніямъ и въ концѣ-концовъ остается неразъясненнымъ, почему Бродзинскій пользовался нѣкогда славой не въ одной польской литературѣ».

Есть недостатки и въ приемахъ изложенія. Авторъ нерѣдко обстоятеленъ до излишества, сообщая подробностей больше, чѣмъ ихъ требуется для объясненія дѣла. Въ разборѣ «Мировоззрѣнія» Бродзинскаго, его понятій философскихъ, психологическихъ, эстетическихъ, литературно-теоретическихъ, біографъ, какъ будто забывъ на этотъ разъ о несамостоятельности Бродзинскаго, сличаетъ его воззрѣнія прямо съ идеями Аристотеля, Канта, Лесинга и др., приводитъ даже мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о разныхъ вопросахъ психологіи и т. п., когда нужно было только указать непосредственные источники Бродзинскаго и ихъ примѣненіе въ его работахъ. Неумѣстныя сближенія, какія дѣлаетъ авторъ по поводу теорій Бродзинскаго и которыя косвенно побуждаютъ автора повышать критическія требованія, повторяются, когда, говоря о наступленіи полной зрѣлости его дарованія, авторъ вспоминаетъ для сравненія съ Бродзинскимъ о Байронѣ, Шиллерѣ, Мицкевичѣ и Пушкинѣ.

«Но вообще изслѣдованіе г. Арабажина исполнено съ большимъ стараніемъ, и, какъ трудъ начинающаго ученаго въ мало затронутой у насъ историко-литературной области, заслуживаетъ вниманія и имѣлъ бы право на вторую изъ Уваровскихъ наградъ».

По присужденіи премій комиссія въ изъявленіе глубокой признательности положила назначить, отъ имени Академіи, *золотыя* Уваровскія медали члену-корреспонденту Академіи А. Н. Пыпину и профессору С.-Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскому.

I.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ К. И. АРАБАЖИНА: КАЗИМИРЪ БРОДСКИИ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ (1791—1836).

(Исслѣдованіе кандидата К. И. Арабажина. Удостоено Историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго университета св. Владимира награды золотой медалью и преміи имени Н. И. Пирогова). Кіевъ, 1891. 8°. XV и 378 стр.

Рецензія члена-корреспондента Академіи А. Н. Пыпина.

Польская литература, кромѣ общаго значенія ея въ средѣ литературы славянскихъ, должна бы представлять для насъ и особый частный интересъ, какъ по тѣмъ историческимъ отношеніямъ, какія издавна возникли и понынѣ существуютъ между двумя народами, такъ и по особеннымъ отношеніямъ польской литературы къ русской. Относительно этого послѣдняго историческія разысканія все больше раскрываютъ факты старинныхъ связей русской допетровской письменности съ польскими источниками. Когда для московской Россіи еще закрыты были прямыя сношенія съ западно-европейскимъ образованіемъ, польская книга была передаточнымъ путемъ западно-европейскихъ влияній въ русской письменности: этимъ путемъ приходила литература — легкой повѣсти, драмы, а также и книги серьезнаго содержанія. Отсюда приходило въ южную и западную Русь то школьное устройство, которое черезъ кіевскую академію наложило свой отпечатокъ на наши духовныя школы, сохранявшійся даже до XIX столѣтія. Вліянія польской образованности и нравовъ ярко сказываются въ жизни Малороссіи, а затѣмъ и въ самой Россіи, при царѣ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, при царевнѣ Софьѣ, въ канунъ петровской реформы, продолжаютъ

потомъ въ кругу высшаго духовенства, учившагося въ южно-русскихъ и даже польскихъ школахъ, и отчасти даже въ средѣ русскаго «шляхетства». Раздѣлы Польши ввели въ составъ русской жизни польскіе или по-польски воспитавшіеся русскіе элементы. Времена императора Александра I, вообще благосклонно относившагося къ Польшѣ, повели къ нѣкоторому литературному сближенію, которое поддерживалось возникавшими въ то время общеславянскими интересами: у насъ стали хорошо извѣстны имена Линде, Лелевеля, Нарушевича и др., — и для этой эпохи была очень характерна дружеская связь величайшаго польскаго поэта съ величайшимъ поэтомъ русскимъ. Была возможность и обратныхъ вліяній, которыя впрочемъ остаются неизслѣдованными.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ утверждается повидимому гораздо болѣе прочный, чѣмъ когда-нибудь прежде, интересъ къ современной польской литературѣ: появилось большое количество переводовъ изъ Мицкевича; имена первостепенныхъ польскихъ беллетристовъ настоящаго времени, какъ Сенкевичъ, Элиза Оржешко, Болеславъ Прусь, стали общеизвѣстными и популярными именами.

Но въ то время, какъ польская политическая исторія вызываетъ все болѣе значительное количество самостоятельныхъ русскихъ трудовъ, основанныхъ между прочимъ на русскомъ архивномъ матеріалѣ (назовемъ труды Костомарова, Геннадія Карпова, гг. Трачевскаго, Любовича, Карѣева и др.), исторія польской литературы до сихъ поръ очень мало привлекала нашихъ изслѣдователей. Можно указать лишь весьма немногія, болѣе или менѣе случайныя работы нашихъ специалистовъ, касавшіяся старой или новой польской литературы, какъ напр. труды Макушева, гг. Ламанскаго, Тихонравова, Владимірова; Мицкевичу посвящена была въ 1859 г. биографія, написанная П. П. Дубровскимъ, нынѣ очень устарѣлая и другимъ трудомъ не замѣняемая; до изложенія исторіи польской литературы въ общемъ обзорѣ, г. Спасовича, была только переводная книга Кондратовича (1862). Новѣйшіе, болѣе обстоятельные труды по этому предмету, какъ напр. богатая фактическими указаніями книга Куличковскаго, остаются у насъ неизвѣстны. Наша литература о славянствѣ отличается вообще большой неравномѣрностью: рядомъ съ важными спеціальными трудами существуютъ крупныя пробѣлы, остаются въ тѣни или въ неизвѣстности самыя основныя историческія явленія, и эта неравномѣрность является особенно прискорбною по отношенію къ литературѣ поль-

ской. Мы такъ давно и такъ фатально связаны съ польскимъ народомъ, что изученіе его исторіи и литературы могло бы быть для насъ не только дѣломъ простой любознательности, но и интересомъ общественнаго свойства, не только научной, но извѣстнаго рода нравственной обязанностью. Если о политическихъ судьбахъ польскаго народа имѣется, какъ мы сказали, нѣсколько сочиненій своихъ и переводныхъ, то по литературѣ русскій читатель ограниченъ лишь двумя, тремя книгами или слишкомъ общаго, или узкаго детальнаго характера. Между тѣмъ очевидно, что именно путемъ изученія литературы можетъ быть приобрѣтено пониманіе той внутренней жизни общества, въ которой кроются мотивы самой его политической дѣятельности.

Можно отнестись къ Польшѣ какъ угодно — или видѣть въ ней только непримиримаго врага, или желать примирить вражду между двумя народами, какъ нѣчто ненормальное и тягостное между племенами, живущими въ одномъ политическомъ союзѣ и во многомъ родственными. Въ томъ и другомъ случаѣ, изъ побужденій осмотрительности или по чувству справедливости, не говоря уже объ интересѣ научномъ, изученіе внутренней жизни общества было бы только желательно. Съ точки зрѣнія общеславянскихъ интересовъ одною изъ элементарныхъ потребностей должно было бы стать внимательное и безпристрастное изслѣдованіе тѣхъ историческихъ отношеній, какими создается современное настроеніе племенъ и обществъ. Если до сихъ поръ русско-польскія отношенія такъ смутны, то немалую долю въ этомъ занимаетъ взаимное незнакомство народовъ и обществъ между собою, и въ этомъ смыслѣ было бы желательно, чтобы у насъ изученія въ духѣ спокойной критики направлены были на самые существенные вопросы польской исторіи, общественности и литературы. Если до сихъ поръ этого еще мало было съ нашей стороны, то понятно, что этого нѣтъ и съ другой стороны: можно думать между тѣмъ, что какъ изученіе русской исторіи помогло бы польскому обществу понять серьезно отношенія къ сильному государству, съ которымъ связана его судьба, такъ изученіе русской литературы открыло бы ему во внутренней жизни русскаго народа сочувственныя стороны, на которыхъ могла бы основаться и нѣкогда укрѣпиться нравственная солидарность. Мы не обольщаемся, что это могло бы случиться скоро; но думаемъ, что серьезная литература должна была бы по крайней мѣрѣ не забывать о существованіи этихъ вопросовъ, которымъ, быть можетъ, предстоитъ сдѣлаться насущными вопро-

сами. При отсутствіи какихъ-либо другихъ способовъ выраженія общественной мысли, литература въ особенности или даже исключительно является выраженіемъ общественнаго мнѣнія и средствомъ для его воспитанія; потому она всего ближе могла бы поставить эти вопросы и по мѣрѣ возможности содѣйствовать ихъ разъясненію.

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ не показаться страннымъ, напри- мѣръ, то явленіе, что въ то время какъ русская литература начи- наетъ возбуждать оживленный интересъ въ чуждой, долго смо- трѣвшей на нее свысока, Европѣ, эта литература продолжаетъ оста- ваться весьма посредственно извѣстной въ Польшѣ, въ предѣлахъ одного государства, у народа единоплеменнаго, къ которому пови- димому могла проникнуть всего скорѣе: такова сила политической отчужденности.

Вслѣдствіе той неравномѣрности въ научныхъ изслѣдованіяхъ, о которой мы говорили и источникомъ которой является новостъ и неустановленность самой науки, въ нашей ученой литературѣ не- рѣдко встрѣчаются специальные труды, не имѣющие такого цѣлаго, къ которому они могли бы логически примкнуть. Таковы бывали многіе появившіеся у насъ труды по славянской исторіи и литературѣ — отдельные эпизоды изъ сербской или чешской, болгарской и пр. исторіи и литературы и именно по преимуществу древней, когда у насъ не имѣется однако собственныхъ книгъ по цѣлой сербской, чешской, болгарской исторіи. Книги подобнаго рода по необходи- мости остаются интересны и доступны только для тѣснаго круга спеціалистовъ, остаются памятникомъ учености ихъ авторовъ и только въ отвлеченномъ смыслѣ, какъ говорится, «обогащаютъ» литературу. И въ то же время слышатся жалобы, что общество мало поддерживаетъ эту литературу. Ненормальность положенія выходитъ очевидная. Къ такого рода книгамъ можетъ присоеди- ниться и названное сочиненіе о Казимирѣ Бродзинскомъ ¹⁾.

Въ настоящемъ случаѣ выборъ темы не былъ дѣломъ самого автора: книга его представляетъ исполненіе факультетской задачи. Для начинающаго ученаго требовалась конечно тема не обширная, удобная для разработки въ сравнительно небольшой срокъ; тема частная, но для которой вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было бы знакомство съ цѣлымъ историческимъ періодомъ, съ цѣлымъ разрядомъ обще-

¹⁾ При первомъ появленіи книги мы имѣли уже случай останавливаться на ней нѣсколько подробнѣе.

ственныхъ и литературныхъ явленій. Казимиръ Бродзинскій представлялъ въ этомъ отношеніи тему, не лишенную интереса: имя — въ свое время очень извѣстное въ польской литературѣ, и даже у насъ; время — еще довольно близкое къ современному періоду литературы, но и достаточно далекое для исторической оцѣнки, такъ какъ борьба, въ которой онъ принялъ участіе, уже завершилась. Но, выполнивъ съ успѣхомъ факультетскую задачу, трудъ г. Арабажина можетъ имѣть и болѣе широкое значеніе въ ряду очень не многихъ у насъ специальныхъ изслѣдованій о польской литературѣ.

Сочиненіе распадается на слѣдующіе отдѣлы: въ обширномъ введеніи авторъ излагаетъ литературу предмета, т. е. перечисляетъ все, что было писано о Бродзинскомъ, и важное, и еще больше неважнаго; затѣмъ біографическій очеркъ; наиболѣе обширный отдѣлъ посвященъ «міровоззрѣнію» Бродзинскаго, а именно его литературнымъ взглядамъ, его положенію въ спорѣ между классиками и романтиками, и его взглядамъ общественнымъ и эстетическимъ; далѣе, въ отдѣльныхъ главахъ Бродзинскій характеризуется какъ поэтъ, какъ этнографъ и славянофилъ, изображается его дѣятельность педагогическая и ученая, наконецъ опредѣляются его сочиненія масонско-мистическія.

Такъ какъ тема сочиненія была дана извнѣ, то автору не пришлось объяснять, почему дѣятельность Казимира Бродзинскаго могла потребовать specialнаго изученія. Основаніе къ выбору темы заключалось, безъ сомнѣнія, въ томъ, что Бродзинскій издавна имѣлъ въ польской литературѣ большое имя: въ немъ цѣнили поэта, который былъ предшественникомъ романтической школы, ученаго критика, наконецъ писателя, принадлежавшаго къ числу славянофиловъ 20-хъ и 30-хъ годовъ и вызывавшаго къ изученію народности и народной поэзіи.

По всѣмъ этимъ отношеніямъ выводъ нашего автора былъ скорѣе отрицательный, нежели положительный: изучивъ факты, г. Арабажинъ пришелъ къ заключенію, что дѣятельность Бродзинскаго, какъ поэта, ученаго критика, этнографа, далеко не отличалась тѣми достоинствами, какія приписывались ей почти неизмѣнно польскими историками.

«Быть можетъ, — пришлось автору говорить въ предисловіи, — кому-нибудь личность Казимира Бродзинскаго въ моемъ освѣщеніи покажется малозначительной и не заслуживающей того вниманія, которое я ему удѣляю. Но прежде всего не слѣдуетъ забывать,

что въ изученіи литературной эволюціи переходная пора важна не менѣ эпохъ наибольшаго расцвѣта литературы, а Казимиръ Бродзинскій именно и является типическимъ представителемъ такой переходной эпохи, въ которой, на ряду съ чертами прошлаго, кроются въ зародышѣ всѣ элементы новаго литературно-общественнаго и художественнаго настроенія. Биографія Бродзинскаго и анализъ его произведеній непрерывной цѣпью связуютъ изученіе новой польской литературы съ ея прошлымъ. Въ этомъ смыслѣ изученіе Бродзинскаго представляетъ интересъ, увеличивающійся еще въ виду того обстоятельства, что и на самомъ Бродзинскомъ, и на его времени можно подробно прослѣдить вторженіе въ польскую литературу западно-европейскихъ идей и настроеній (преимущественно періода Sturm und Drang) и ихъ своеобразное претвореніе на мѣстной славянской почвѣ. Въ польской наукѣ и критикѣ значеніе Бродзинскаго, какъ кажется намъ, нѣсколько приподнято, преувеличено, но и въ этомъ отношеніи изученіе его дѣятельности можетъ доставить рядъ весьма небезынтересныхъ выводовъ. Наконецъ время Бродзинскаго для русской науки представляетъ особый интересъ потому, что на почвѣ, создавшей и отчасти созданной Бродзинскимъ, выросла и расцвѣла довольно многочисленная группа поэтовъ такъ называемой польско-украинской школы. Всѣ эти обстоятельства придають особенное значеніе постановленной историко-филологическимъ факультетомъ темѣ по исторіи богатой талантами польской литературы, достаточнымъ знакомствомъ съ которой, къ сожалѣнію, не можетъ еще похвалиться русское славяновѣдѣніе».

Бродзинскій (1791—1835) былъ уроженцемъ польской Галиціи. Его первое дѣтство прошло въ деревенской обстановкѣ, въ небольшомъ помѣстьѣ его отца; но дѣтство его было до крайности печальное: онъ рано потерялъ мать и, когда отецъ его женился во второй разъ, Бродзинскому пришлось встрѣтить одинъ изъ самыхъ ужасныхъ типовъ мачихи. Это была еще молодая, но крайне сварливая и просто злобная женщина, буквально выгонявшая изъ дому маленькаго мальчика, которому, не находя защиты у отца, приходилось жить въ семьяхъ знакомыхъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ беззащитномъ ребенкѣ. Этою личною судьбой объясняется отчасти и характеръ его поэзіи.

«Тяжкія испытанія ранняго дѣтства наложили на всю жизнь Казимира Бродзинскаго особенную складку болѣзненной грусти и меланхоліи въ его характерѣ.

«Это меланхолическое, грустное настроеніе характеризуетъ и его

первыя поэтическія начинанія и объясняется исключительно грустными впечатлѣніями дѣтства, а не литературной манерой, считавшей меланхолію очень важнымъ условіемъ успѣха по литературнымъ понятіямъ начала этого вѣка.

«Грусть была у Бродзинскаго вполне искреннимъ настроеніемъ, а не подражательностью, какъ напр. у Карамзина и у другихъ писателей сентиментальнаго и сентиментально-романтическаго направленія.

Спасаясь отъ мачихи въ поля и лѣса и въ крестьянскія семьи, Бродзинскій съ дѣтства освоился съ крестьянскимъ бытомъ, и это опять осталось не безъ вліянія на его характеръ, отношеніе къ народу и самую литературную дѣятельность.

«Знакомство съ крестьянами, постоянное пребываніе въ ихъ средѣ сдѣлало Казимира, по его собственному признанію, человекомъ робкимъ со всѣми тѣми, кто не принадлежалъ къ крестьянству, и отъ этой робости онъ не могъ исправиться даже въ зрѣломъ возрастѣ.

«Во всякомъ случаѣ радушіе и доброта крестьянъ внушили Бродзинскому чувства признательности и симпатіи къ простому люду, который *встѣхъ насъ поитъ и кормитъ, а придетъ война, онъ же проливаетъ за насъ кровь.*

«Среди крестьянъ Бродзинскій познакомился съ народной поэзіей. Онъ съ жадностью внималъ рассказамъ своей няньки Розы и деревенскихъ бабъ о разныхъ «страхахъ» и привидѣніяхъ, съ удовольствіемъ слушалъ сказки; все это при богѣзненно-развитомъ воображеніи не могло не наполнить его фантазіи образами страшныхъ чудовищъ, привидѣній, русалокъ, упырей, и такъ какъ умъ его былъ засоренъ всякаго рода предрасудками, то неудивительно, что все это развило въ характерѣ Бродзинскаго сильную пугливость, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться въ теченіе всей своей жизни.

«Здѣсь мы вступаемъ уже въ область совершенно романтическихъ условій развитія ребенка. Реакція просвѣтительнымъ идеямъ XVIII-го вѣка, вызвавшая то сложное настроеніе общества, которое мы называемъ романтизмомъ, направила нѣкоторую часть молодого поколѣнія въ комнату нянекъ и мамокъ, замѣнившихъ собою французовъ - воспитателей, и здѣсь-то и зародилась, по мнѣнію Брандеса, настоящая романтическая поэзія».

Впослѣдствіи, въ поэзіи Бродзинскаго занимаютъ важное мѣсто изображенія этого сельскаго быта, но общее направленіе литера-

туры было еще такъ далеко отъ реальной простоты, что эти изображенія все еще сильно отзывались сантиментальной идилліей XVIII-го вѣка.

Школьная жизнь Бродзинскаго также была мало благоприятна. Ему пришлось учиться въ школахъ, устроенныхъ во время Іосифа II и цѣлью которыхъ было распространеніе нѣмецкаго языка и австрійскаго патриотизма; патриотизмъ польскій и вліяніе польскихъ преданій странно перемѣшивались съ оффиціальнымъ направленіемъ школы и нерѣдко ему уступали. Бродзинскій явно подчинялся этому направленію, писалъ даже патриотическія стихотворенія въ австрійскомъ духѣ; человѣкъ чувства, онъ вообще былъ мало способенъ къ политическому возбужденію, подчинялся ближайшимъ вліяніямъ и въ большинствѣ случаевъ былъ оппортунистомъ, что въ разгарѣ политическихъ страстей не однажды приводило его въ столкновеніе съ патриотами болѣе рѣшительныхъ и именно революціонныхъ стремленій. Въ тревожные годы съ 1809 до 1814, Бродзинскій былъ увлеченъ водоворотомъ событій, вступилъ даже въ ряды польской арміи и сдѣлалъ походъ 1812 года. Воинъ онъ былъ, конечно, плохой и, къ счастью, нашлись люди, которые обратили вниманіе на юношу, уже проявившаго поэтическую талантливость; ему дали занятія административнаго свойства и въ теченіе войны онъ могъ не прерывать своихъ литературныхъ упражненій, — а именно на своей военной службѣ онъ попалъ подъ команду поэта Реклевскаго, который былъ кромѣ того другомъ старшаго брата Бродзинскаго, Андрея, также поэта. Реклевскій принадлежалъ къ школѣ классическихъ поэтовъ идиллическаго направленія и его вліяніе отразилось несомнѣнно на Бродзинскомъ, который въ это время близко съ нимъ сошелся. На войнѣ Бродзинскій потерялъ и своего брата, и Реклевскаго, убитыхъ въ 1812 году, и зимою 1813 года съ остатками Наполеоновской арміи прибылъ въ Краковъ съ чиномъ артиллерійскаго офицера, полученнымъ подъ Москвою; подъ Лейпцигомъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ и отпущенъ на честное слово, мирно прожилъ въ Польшѣ въ сельскомъ уединеніи до 1814 года, когда императоромъ Александромъ объявлена была амнистія полякамъ, участвовавшимъ въ войнѣ противъ Россіи. Бродзинскій поселился въ Варшавѣ и остался тамъ навсегда. Въ первые годы онъ состоялъ на службѣ въ разныхъ административныхъ вѣдомствахъ, пока наконецъ въ 1821 году былъ приглашенъ профессоромъ литературы въ варшавскій лицей, а въ слѣдующемъ году приглашенъ былъ читать лекціи въ университетѣ.

Ученое образованіе Бродзинскаго было невелико. Оно закончилось гимназіей; одно время онъ былъ вольнымъ слушателемъ краковскаго университета, но не получилъ никакой ученой степени. Вступленіе въ варшавскій университетъ въ качествѣ профессора сдѣлалось возможнымъ не по ученой правоспособности, а только по той репутаціи, какую получилъ онъ своими литературными трудами.

Биографъ подробно рассказываетъ, какъ складывалась литературная дѣятельность Бродзинскаго, съ его первыхъ опытовъ, гдѣ большой опорой служили ему указанія брата и Реклевскаго. Бродзинскій началъ писать очень рано; въ книжкѣ его брата Андреа, вышедшей въ 1807 году, помѣщено нѣсколько стихотвореній Казимира. Поэзія его опредѣлилась съ самаго начала условіями его личной жизни и литературными вліяніями. Онъ много читалъ, особенно нѣмецкихъ поэтовъ прошлаго вѣка, и всего сильнѣе подѣйствовала на него псевдо-классическая идиллія въ стилѣ Геснера. Содержаніе его стихотвореній — или субъективная лирика, окрашенная меланхолическимъ настроеніемъ, или «сельскія пѣсни», гдѣ сказалось вынесенное изъ дѣтскихъ лѣтъ любящее отношеніе къ крестьянству, но получившее фальшиво-сентиментальный тонъ Геснеровской идилліи. Темы общественнаго характера у него отсутствуютъ или являются только подъ вліяніемъ данной минуты и окружающей среды. «Патріотизмъ Бродзинскаго, — говорятъ авторъ, — не шелъ дальше писанія стиховъ на родномъ языкѣ. Судьбы родного края, его прошлое были совсѣмъ неизвѣстны Бродзинскому; политикой онъ не занимался и не понималъ ея. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ слѣдующаго 1809 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія польскихъ войскъ въ Галицію, Бродзинскій переводитъ стихотвореніе Коллина, проникнутое нѣмецко-австрійскимъ патріотизмомъ, и дѣлаетъ это по предложенію австрійскихъ властей» (стр. 30). Впослѣдствіи онъ объяснялъ это тѣмъ, что стихотворенія Коллина были проникнуты духомъ патріотизма и сельскими картинами, и онъ не думалъ тогда о томъ, что это нѣмецъ писалъ противъ французовъ, — а къ французамъ обращены были тогда самыя горячія польскія сочувствія. Сдѣлавши переводъ стихотворенія Коллина, и еще недавно мечтавъ о казенной стипендіи въ Вѣнѣ, Бродзинскій вступаетъ въ томъ же году въ ряды польскаго войска, которое должно было вскорѣ сражаться рядомъ съ французами; въ армию онъ поступаетъ опять не по собственной инициативѣ, а по убѣжде-

ніямъ товарищей и «слѣдуя общему настроенію». Понятно, что война его не увлекала. Отъ 1812 года сохранился отрывокъ его дневника. «Замѣчательно то, — говоритъ біографъ, — что во всѣхъ сохранившихся отрывкахъ изъ его дневника мы совершенно не замѣчаемъ никакого патріотическаго пыла и воодушевленія. Напротивъ, всюду видимъ и читаемъ выраженіе грусти, тоски, какое-то пассивное отношеніе къ совершающимся событіямъ» (стр. 38).

Разсматривая далѣе военно-патріотическія стихотворенія Бродзинскаго, написанныя подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ, біографъ проводитъ параллель между ними и одновременными стихотвореніями Жуковскаго и Кёрнера и приходитъ въ нѣкоторый ужасъ отъ крайней бѣдности стихотвореній польскаго поэта. Напримѣръ: «оба поэта (Кёрнеръ и Бродзинскій) сочиняли свои стихи въ одну и ту же пору, по однимъ и тѣмъ же поводамъ. Оба участвовали въ военныхъ походахъ 1812—1813 годовъ; оба бились за свободу и независимость своей родины; оба были молодые люди и даже однолѣтки (род. въ 1791 году); но какая огромная разница въ характерѣ ихъ творчества, въ ихъ настроеніи! Въ то время какъ стихи Кёрнера исполнены необыкновенной силы, энергіи, проникнуты глубокимъ чувствомъ, возвышенными стремленіями къ свободѣ, чести и независимости, стихотворенія Бродзинскаго кажутся какимъ-то разслабленнымъ сантиментально-меланхолическимъ лепетомъ» (стр. 266). Была, разумѣется, разница въ дарованіи, но авторъ забылъ еще разницу общественной и литературной почвы у того и другого.

Біографъ не высокаго мнѣнія и о сельскихъ пѣсняхъ Бродзинскаго. Подробно пересмотрѣвъ ихъ, онъ замѣчаетъ: «Мы разобрали всѣ пѣсни, именуемыя крестьянскими, и не нашли ни одной, заслуживающей вниманія. Сантиментализмъ, ходульность, напыщенность — главныя черты ихъ содержанія. Никакого движенія впередъ не видно въ этихъ стихотвореніяхъ. Народный элементъ въ нихъ ничтоженъ и выражается въ замѣнѣ по временамъ ненародныхъ именъ благозвучными народными названіями.

«Заслугу поэта можно видѣть, пожалуй, въ томъ, что онъ признавалъ въ крестьянинѣ чловѣка и требовалъ въ своихъ «пѣсняхъ» уваженія къ нему. Такое направленіе было, однако, слишкомъ еще неопредѣленно и поверхностно. . . .

«Поэтическихъ достоинствъ сельскія пѣсни не имѣютъ, народный элементъ въ нихъ ничтоженъ и въ этомъ отношеніи хвалебные отзывы польской критики доказываютъ только, что ей и до сихъ

поръ чужды дѣйствительное, здравое пониманіе и знаніе народности и связанное съ нимъ чувство демократизма. На ея опѣнкѣ фатальнымъ образомъ сказывается традиціонная неспособность польскаго общества глядѣть на народъ трезво, а не сквозь призму шляхетскихъ предразсудковъ. Историческое значеніе «сельскихъ пѣсенъ» незначительно (стр. 261—265).

Но гдѣ вообще въ то время «народный» элементъ имѣлъ прочное положеніе въ литературѣ? Произведенія Бродзинскаго, вѣроятно, больше удовлетворяли современниковъ, чѣмъ могутъ удовлетворять нынѣшняго критика.

Въ вопросахъ политическихъ Бродзинскій былъ человѣкомъ довольно индифферентнымъ, но когда извѣстное общественное настроеніе до него доходило и онъ отдавался его вліянію, это дѣлалось, вѣроятно, совершенно искренно, и онъ находилъ для него поэтическое выраженіе, которое способно было увлекать его читателей. Самъ биографъ считаетъ начало литературныхъ успѣховъ Бродзинскаго отъ элегіи «На смерть Юсіафа Понятовскаго». «Перенесеніе смертныхъ останковъ національнаго героя, — говоритъ авторъ, — какъ извѣстно, было поводомъ къ шумнымъ манифестаціямъ, на которыя позволеніе было дано самимъ государемъ Александромъ I. Русскіе генералы съ Кутузовымъ во главѣ шли впереди торжественной процессіи. На смерть Понятовскаго отзывался стихотвореніемъ даже Беранже. На эту же тему писали: Мольскій, Нѣмцевичъ, Бродзинскій. «Интересно сравнить, говоритъ Дмоховскій, произведенія этихъ трехъ писателей. Стихи Мольскаго, какъ и всѣ почти его произведенія — простая холодная проза, разрубленная на стихи. Стихотвореніе Нѣмцевича имѣетъ прекрасные образы и дышетъ искреннимъ чувствомъ, но выше всѣхъ и по мыслямъ, и по формѣ выраженія ихъ — элегія Бродзинскаго. Съ увлеченіемъ прочтала изумленная публика его произведеніе, выдѣляющееся по глубинѣ чувства и задушевности тона, изобилующее новыми поэтическими выраженіями, чуждое громогласной напыщенности того времени» (стр. 268—268).

И однако это стихотвореніе написано было тотчасъ послѣ того періода военной жизни Бродзинскаго (1809—1814), который, по мнѣнію биографа, остался совершенно безплоденъ для его литературнаго образованія. Бродзинскому и послѣ не однажды случилось быть выразителемъ задушевныхъ мыслей лучшихъ людей или наиболѣе одушевленныхъ патриотовъ польскаго общества.

Новый періодъ его дѣятельности биографъ считаетъ съ 1816

года, когда Бродзинскій, поселившись въ Варшавѣ, собственно говоря, въ первый разъ могъ отдаться своимъ литературнымъ занятіямъ, хотя прерываемымъ службой. Въ это время онъ между прочимъ переводитъ Оссіана и Шиллера. Знакомство съ нѣмецкой литературой приобрѣтено имъ только благодаря одному изъ своихъ учителей, нѣмцу Шмидту, профессору реторики, который, обративши вниманіе на даровитаго юношу, познакомилъ его со многими произведеніями тогдашней нѣмецкой литературы, не только съ Гагедорномъ и Удомъ, но также съ Виландомъ, Шлегелемъ и Гёте. Біографъ, говоря о переводахъ Бродзинскаго, замѣчаетъ, что онъ однако не умѣлъ вполне понять Шиллера; но такое пониманіе Шиллера, поэта другого общества, стоявшаго на гораздо болѣе высокой ступени просвѣщенія, едва-ли кому-нибудь могло быть доступно въ тогдашнемъ обществѣ польскомъ, складъ котораго вообще не отвѣчалъ этому уровню. Такимъ же образомъ не понималъ вполне Шиллера, напримѣръ, и тотъ русскій поэтъ, переводы котораго считаются классическими. Замѣтимъ пригомъ, что біографъ, сличивши нѣкоторые общіе переводы изъ Шиллера у Бродзинскаго и Жуковскаго, находитъ, что переводы польскаго писателя вообще отличаются гораздо большею точностью и болѣе поэтической передачею подлинника ¹⁾).

Въ идиллическихъ стихотвореніяхъ, судимыхъ біографомъ столь же строго, онъ находитъ «милое, граціозное, а также и реальное» и приводитъ, хотя подъ сомнѣніемъ, отзывъ современнаго критика Дмоховскаго, который однако не всегда былъ расположенъ къ Бродзинскому: «кто не увидитъ въ «Вѣславѣ» (главная сельская поэма Бродзинскаго), — писалъ Дмоховскій, — вѣрнаго изображенія народа? Кому не понравится та простота, которой дышетъ эта идиллія? Кто же не будетъ признателенъ автору за то, что онъ въ своихъ пѣсняхъ сохранилъ способъ выраженія чисто польскій и сельскій, и въ то же время милый и благородный, — достоинство, которое встрѣчается теперь такъ рѣдко» (стр. 312). Но дѣло не въ абсолютной оцѣнкѣ писателя, а въ его историческомъ значеніи, и такіе отзывы современниковъ именно указываютъ, чѣмъ онъ былъ для нихъ, слѣдовательно, въ чемъ его историческій интересъ для, новой критики.

Въ изложеніи біографа мы постоянно встрѣчаемся съ двойственными фактами подобнаго рода, и какъ намъ кажется, авторъ

¹⁾ См. эти сличенія на стр. 277—282.

отчасти утерялъ при этомъ историческую перспективу. Чтобы судить правильнѣе, автору слѣдовало бы придать больше значенія тѣмъ указаніямъ о состояніи литературнаго образованія, какія имъ самимъ собраны. Крайне неблагоприятныя политическія условія, въ какихъ находилось польское общество конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, отразились упадкомъ образованія и литературныхъ вкусовъ. Творческая дѣятельность почти прекратилась, — говорятъ авторъ, — поэтамъ оставалось лишь предаваться грустными лирическимъ изліяніямъ «на гробъ своей родины»; краснорѣчіе, достигшее въ предшествующую пору высокой степени совершенства, скромно приютилось теперь на церковной каедрѣ; небольшая кучка ученыхъ, отдавшихъ изученію родной старины и совершенно чуждыхъ влияніямъ западно-европейскимъ, не имѣла публики, съ которой могла бы дѣлиться своими изслѣдованіями и въ свою очередь пользоваться ея поддержкой. Кругъ читателей въ эту пору все болѣе и болѣе суживался, а литература и наука постепенно утратили всякое значеніе и цѣнность. «Чтобы считаться ученымъ и литераторомъ, въ то время немного требовалось: поверхностное знакомство съ французской литературой, обладаніе небольшой библіотеккой, подписка на «*Ramiętnik Warszawski*» давали каждому право на лестное званіе литератора. Кто написалъ гладкими стишками одну-другую басню, перевелъ французское стихотвореніе, считался уже поэтомъ; переводъ цѣлой трагедіи и постановка ея на сценѣ давали счастливцу званіе великаго стихотворца».

Наполеоновскія войны пробудили польское общество изъ этой апатіи; нѣсколько лѣтъ занято было патріотическимъ возбужденіемъ; паденіе Наполеона смѣнило этотъ энтузіазмъ крайней ненавистью къ французамъ, но затѣмъ великодушіе императора Александра I снова подняло духъ поляковъ и съ основаніемъ царства польскаго началась въ литературѣ оживленная дѣятельность. Въ Варшавѣ постепенно сосредоточились литературныя силы и началась усиленная работа, и затѣмъ другіе подобные центры образуются во Львовѣ, Вильнѣ, Кременцѣ (стр. 96—102).

Съ этого времени и Бродзинскій дѣятельнымъ образомъ выступаетъ впервые на литературное поприще. Очевидно, что значеніе его трудовъ должно измѣряться въ соотношеніи съ той исторической обстановкой, въ какой они совершались и какую изобразилъ самъ его біографъ.

Бродзинскій съ этого времени писалъ очень много, и между прочимъ произвелъ тогда большое впечатлѣніе его статья, посвящен-

ная вопросу, который становился въ то время предметомъ жесточайшихъ споровъ. Это былъ вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ. Биографъ даетъ понятіе о томъ, какъ стоялъ этотъ вопросъ въ литературѣ европейской, и объясняетъ, какія стороны европейскаго романтизма могли найти мѣсто въ польской литературѣ. Очевидно, что здѣсь, какъ въ то же самое время въ русской литературѣ, вслѣдствіе различія всѣхъ условій историческаго быта и просвѣщенія могли отразиться лишь нѣкоторыя стороны романтизма западнаго. Въ польской литературѣ это былъ во всякомъ случаѣ шагъ впередъ, такъ какъ романтизмъ, во-первыхъ, расширялъ знакомство съ литературами европейскими, и во-вторыхъ, устранялъ стѣснительныя рамки стараго псевдо-классицизма. Съ романтизмомъ впервые могъ войти въ литературу элементъ народности, едва признаваемый или не признаваемый совѣмъ въ старой школѣ. Въ тогдашней польской литературѣ романтизмъ получилъ еще новый оттѣнокъ по особеннымъ условіямъ политической и общественной жизни того времени. Первое увлеченіе тѣми конституціонными учрежденіями, которыя далъ Польшѣ императоръ Александръ, стало проходить уже скоро; въ обществѣ появлялось недовольство, которое мало-по-малу стало принимать характеръ чисто революціонный, и за невозможностью открытаго политическаго протеста споръ между консервативной и радикальной частью общества выразился въ литературѣ возстаніемъ романтиковъ противъ устарѣлой литературной школы, которая совпадала съ консерватизмомъ въ политикѣ. Именно въ то время появилась статья Бродзинскаго о классицизмѣ и романтизмѣ (1818). Биографъ указываетъ, что и на этотъ разъ слава, какую пользовалась эта статья, была не совѣмъ заслуженная, что вопросъ раньше былъ поднимаемъ другими и что Бродзинскій сказалъ въ своей статьѣ нѣчто неясное и нерѣшительное. Дѣйствительно, положеніе, занятое Бродзинскимъ, было нѣсколько неопредѣленно: онъ хочетъ стать на серединѣ между двумя направленіями. Самъ онъ воспитался на классицизмѣ; къ романтизму его привлекалъ по инстинкту болѣе широкій просторъ для поэтической фантазіи и народнаго элемента, но изъ-за Шиллера и Гёте (изъ послѣдняго онъ перевелъ «Вертера») онъ не хотѣлъ уступить Расина; когда за требованіями романтиковъ можно было угадывать политическій либерализмъ, онъ не усумнился возставать противъ «либераловъ и демагоговъ». Биографъ опровергаетъ взглядъ польскихъ историковъ на Бродзинскаго, какъ на предтечу романтизма, цѣлымъ рядомъ указаній, гдѣ это не подтверждается фак-

тами. Такъ, напримѣръ, Бродзинскій порицалъ произведенія Гоццинскаго и Мальчевскаго и «само собою разумѣется, — говорить биографъ, — что между авторомъ идиллическаго «Вѣслава» и творцами байроническихъ поэмъ, какъ «Марія» и «Каневскій Замокъ», не могло быть ничего общаго». Или: «не подлежитъ сомнѣнію, что Бродзинскій не сочувствовалъ Мицкевичу и не понималъ его произведеній. О его сонетахъ Бродзинскій даетъ весьма пренебрежительный и то сдѣланный какъ бы вскользь отзывъ». Весьма ограничено было его вліяніе даже на Загѣскаго, который изъ всей новой поэтической школы стоялъ къ нему всего ближе (стр. 73, 74, 372 и др.). Но не смотря на все это, оказывается, что Бродзинскій пользовался и въ то время, и особливо потомъ, великимъ уваженіемъ у романтиковъ. Объясненія тому надо искать опять въ общемъ положеніи тогдашней литературы и въ личныхъ свойствахъ Бродзинскаго, какъ человѣка и писателя. Относительно молодой романтической школы Бродзинскій былъ человѣкъ старшаго поколѣнія, но онъ былъ все-таки ближе къ ней, чѣмъ тѣ настоящіе столпы консервативнаго классицизма, для которыхъ, напримѣръ, произведенія начинавшаго Мицкевича были только «глупостью и мерзостью». Бродзинскій при всей склонности къ старому вкусу умѣлъ однако отнестись къ романтизму гораздо спокойнѣе, самъ косвенно ему содѣйствовалъ и своей собственной сельской поэзіей и переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, а позднѣе своими историко-литературными и критическими трудами. Иного въ стремленіяхъ новаго поколѣнія онъ не понималъ; но когда, какъ бывало прежде, извѣстная общественная идея доходила и до него, его чувство находило одушевленное поэтическое выраженіе, которое восхищало и самихъ романтиковъ.

Его историко-литературные труды представляютъ наибольшую массу его работъ. По обширности своего чтенія онъ былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго польскаго литературнаго круга.

«Его способность къ работѣ по истинѣ поразительна, — говоритъ биографъ; — при той ограниченности времени, какое онъ могъ удѣлять чтенію европейской литературы, становится просто непонятнымъ, когда и гдѣ Бродзинскій могъ приобрести столь значительныя познанія въ этой области. Онъ былъ знакомъ со всѣми произведеніями французскихъ и нѣмецкихъ ложно-классиковъ и переводилъ отрывки изъ нихъ; кромѣ Корнея, Расина, Вольтера, онъ читалъ Мольера. Изъ нѣмцевъ, кромѣ Геснера, ему извѣстны и

онъ часто упоминаетъ Галлера, Гагедорна, Уца, Виланда, съ которыми познакомился еще въ Тарновѣ. Въ своемъ курсѣ литературы Бродзинскій посвящаетъ отдѣльную главу очерку литературной дѣятельности Петрарки, Боккачю, Данте; изъ англійскихъ писателей ему извѣстны: Стернъ, Гольдсмитъ, Грей, Оссіанъ, Вальтеръ-Скоттъ.

«Въ его сочиненіяхъ мы находимъ отдѣльныя статейки и замѣчанія о Тассо, Мильтонѣ, Лафатерѣ, Драйденѣ, Вальтеръ-Скоттѣ, Петраркѣ и нѣкоторыхъ писателяхъ новыхъ и среднихъ вѣковъ.

«Всего болѣе былъ знакомъ Бродзинскій съ нѣмецкой литературой: писатели «Sturm- und Drangperiode»; произведенія Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте были хорошо ему извѣстны.... Изъ иностранныхъ ученыхъ Бродзинскій часто ссылается въ своихъ работахъ на имена братьевъ Шлегелей, Лессинга, Шеллинга, Канта, Ж.-П. Рихтера, Вернера, Мюллера, Грильпарцера, Картмеръ-Кэнси, Баумгартена, Вильмена, Зульцера, Винкельмана, Гердера, Дроза, Симонди, Фререта, Шлёцера....

«Древне-классическую литературу, въ особенности римскую, Бродзинскій зналъ основательно....

«Изъ новыхъ языковъ Бродзинскій зналъ основательно нѣмецкій и французскій, а переводы произведеній англійскихъ, по всей вѣроятности, онъ дѣлалъ не съ подлинника. Славянскіе языки почти всѣ были настолькоъ ему извѣстны, что онъ могъ дѣлать переводы гѣсенъ; зналъ ли онъ русскій языкъ, и сколько велики были познанія въ немъ, мы сказать не можемъ» (стр. 65—67).

Но рядомъ съ этимъ біографъ указываетъ у Бродзинскаго крайній недостатокъ поэтической и теоретической самостоятельности: «Какъ поэтъ, онъ былъ человѣкомъ очень мало наблюдательнымъ и вынесъ изъ жизни весьма небольшой запасъ художественныхъ образовъ и впечатлѣній; какъ ученый и какъ критикъ, онъ обнаруживаетъ весьма ничтожную оригинальность. Въ своихъ научныхъ и критическихъ работахъ Бродзинскій обыкновенно слѣдовалъ тому или другому европейскому образцу, но... вопросъ трактуется всегда поверхностно, авторъ избѣгаетъ философскихъ абстракцій, которыя ему кажутся туманной метафизикой; онъ стремится стать на практическую почву, благодаря чему его статьи выигрываютъ въ популярности, но много теряютъ въ содержательности и вѣрности сужденій, подчасъ совершенно искажающихъ подлинникъ». Авторъ указываетъ подобные примѣры въ заимствованіяхъ Бродзинскаго изъ философскихъ разсужденій Шиллера, изъ

Гердера, Канта, Шеллинга и пр. «Даже въ работахъ по исторіи польской литературы проявляется та же несамостоятельность ума Бродзинскаго. . . . все дѣленіе исторіи польской литературы на періоды заимствовано имъ изъ почтеннаго труда Бентковскаго» (стр. 64—65).

Эта несамостоятельность не представляетъ ничего удивительнаго. Бродзинскій не былъ умъ теоретическій; полный самоучка въ литературѣ, эстетикѣ, философіи, онъ не былъ достаточно вооруженъ и въ научномъ отношеніи. Напротивъ, надо удивляться и тому, что онъ сдѣлалъ при своихъ небогатыхъ образовательныхъ средствахъ. Его роль, которую и онъ понималъ, вѣроятно, не иначе, была лишь въ томъ, чтобы перенести въ польскую литературу тотъ кругъ философско-литературныхъ интересовъ, какіе въ то время были выработаны преимущественно въ нѣмецкой литературѣ и которые здѣсь, конечно, не были достаточно извѣстны. Его собственныя симпатіи колебались между двумя направленіями, но въ своихъ статьяхъ о классицизмѣ и романтизмѣ онъ наводилъ на вопросы, невѣдомые старой школы и развитіе которыхъ содѣйствовало самымъ успѣхамъ школы новой. Въ статьѣ о романтизмѣ и классицизмѣ онъ дѣлаетъ обзоръ главныхъ европейскихъ литературъ, начиная отъ грековъ и римлянъ, и находя, что романтизмъ не есть принадлежность какой-нибудь одной эпохи, а напротивъ, свойственъ поэзіи каждаго народа на ея первоначальныхъ ступеняхъ; изъ новѣйшихъ литературъ онъ видитъ особенное достоинство въ нѣмецкой на томъ основаніи, что она вполне народна и именно въ этомъ отношеніи ей надо подражать. Для рѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ долженъ быть романтизмъ въ польской поэзіи, онъ обращается къ польской исторіи и, не находя въ ней ни рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ, ни кровопролитныхъ войнъ, какими сопровождалось у другихъ народовъ распространеніе христіанства, ни мистической философіи, заключаетъ, что и романтизмъ польскій не можетъ быть похожъ на нѣмецкій, что характеръ его долженъ опредѣлиться національными свойствами.

«Наше рыцарство, — говоритъ Бродзинскій, — спокойно отдавалось занятіямъ земледѣльческимъ, не подчиняясь однако волѣ и расчетамъ одного лица; независимое, оно единодушно выступало противъ общаго врага.

«Мы были всегда народомъ мирнымъ, земледѣльческимъ. Мы любили свободу, независимость. Мы опередили Европу: наша республиканская форма — единственная въ своемъ родѣ. Учрежденія

нашихъ отцовъ— прямой отголосокъ обще-славянскихъ учрежденій; въ нихъ мы видимъ тѣ же начала, на которыхъ стремятся устроиться и другія государства.

«При той свободѣ, которою мы пользовались, у насъ такъ мало, сравнительно съ другими народами, совершалось злодѣяній и возмущеній, что по справедливости насъ можно считать народомъ добрымъ и гуманнымъ....»

«Любовь къ свободѣ вмѣстѣ съ самопожертвованіемъ ради блага края были такъ сильно развиты у нашихъ предковъ, что смѣло можно поставить ихъ наравнѣ съ римлянами и греками; религіозность и простота, соединенныя съ этими гражданскими доблестями, напоминая лучшія времена патріархальнаго быта, указываютъ намъ идеалъ человѣческаго общежитія, къ которому должно придти человечество послѣ цѣлаго ряда жертвъ и ошибокъ.

«Религія, король съ народомъ и народъ съ королемъ — вотъ всегдашній нашъ девизъ. Древніе производили потомство царей отъ боговъ, а мы гордимся тѣмъ, что наши первые короли взяты прямо отъ плуга; мы величаемъ нашего Казимира Великимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ мужиковъ» (стр. 124—125).

Въ объясненіе своихъ положеній Бродзинскій дѣлаетъ очеркъ польской поэзіи, начиная съ Кохановскаго, которымъ особенно восхищается, также какъ псевдо-классическими идилликами, въ которыхъ находитъ уже истинный національный романтизмъ и т. д. Самъ строгій біографъ находитъ въ этомъ очеркѣ значительную провизитательность и много мѣткихъ обсужденій. Общій выводъ Бродзинскаго состоялъ въ томъ, что не должно разрывать съ прошедшимъ; напротивъ, должно опираться на него, почерпая мотивы для литературы изъ неисчерпаемаго источника народной поэзіи, а также и добросовѣстнаго изученія исторіи, обычаевъ и народнаго характера.

«Какъ поляки, — писалъ Бродзинскій, — какъ христіане, не станемъ искать романтическихъ впечатлѣній въ религіи или въ этихъ ужасахъ мрака, какіе мы видимъ у германскихъ народовъ; какъ люди, любящіе свой край, не будемъ, вспоминая своихъ предковъ, искать образовъ въ рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ; изобразимъ ихъ какъ гражданъ-рыцарей, занятыхъ заботой о своемъ уголкѣ, занимающихся земледѣліемъ, а не сторожащихъ добычу на скалахъ, какъ хищныя птицы; не изъ-за прелестныхъ дамъ, а за свободу родины сражались они, какъ орлы вылетая изъ своихъ гнѣздъ на широкія равнины. Чудныя судьбы нашей родины пред-

ставляютъ громадное поле для нашей поэзіи. Нашъ романтизмъ — это наши города, слѣды которыхъ прикрыла теперь черная пашня, — наши мрачныя замки, гдѣ жили нѣкогда наши короли, а теперь поселяне пригѣпили къ ихъ стѣнамъ свои убогія избы, — наша столица, въ которой спятъ вѣчнымъ сномъ въ уединенныхъ мѣстахъ наши рыцари, могилы предковъ, которыя встрѣчаемъ мы повсюду на нашихъ нивахъ» и т. д. (стр. 128).

Сколько бы ни были взгляды Бродзинскаго въ частностяхъ враждебны тогдашнимъ романтикамъ, нельзя не видѣть, что въ этихъ словахъ указаны именно многія изъ темъ, на которыхъ останавливалась потомъ польская романтическая школа. Позднѣе Бродзинскій, не смотря на всю свою умѣренность, совпалъ съ этой школой въ выраженіи крайняго мистическаго патріотизма.

Въ послѣдующихъ трудахъ Бродзинскій развиваетъ свои мысли о значеніи и достоинствѣ литературы, которая должна служить просвѣщенію и вмѣстѣ оставаться вѣрной народному духу; онъ не преувеличивалъ однако значенія преданій и настаивалъ на необходимости просвѣщенія. Въ «Письмахъ о польской литературѣ» онъ объясняетъ понятіе *humanitas*, считаетъ гибельнымъ раздѣленіе между точными науками и изящной словесностью, которая, по мнѣнію многихъ, можетъ служить только для легкаго развлечения, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности наука, религія, философія и искусства должны быть тѣсно связаны. Одно изъ этихъ писемъ посвящено объясненію понятія народности. Онъ различаетъ любовь къ народности и къ отечеству: «Въ странахъ мало просвѣщенныхъ и дурно управляемыхъ, — говоритъ онъ, — немислима любовь къ отечеству! Любовь къ своему краю и къ свободѣ — это одно и то же. У насъ же возможна только любовь къ народности. Гдѣ не умерла народность, не все еще пропало». Служеніе народности должно состоять въ томъ, чтобы «совершенствовать и развивать народность, не передѣлывая однако ея, возбуждать и оживлять воспоминаніемъ прекрасныя чувства отцовъ, возносить то, чего требуетъ просвѣщеніе, отрѣшаясь отъ старыхъ ошибокъ и заблужденій, но и не впадая въ новыя, легчать народный языкъ, искусство, литературу, чтобы они были не только пріятны, но и полезны, не слишкомъ увлекаясь, но и не пренебрегая родной литературой, любить ее такой, какой она можетъ и должна быть».

Въ другой статьѣ онъ говоритъ о тогдашнемъ политическомъ положеніи польскаго народа: «Мы были въ свое время могущественнымъ народомъ, но судьба и обстоятельства намъ не благо-

пріятствовали. Свобода была слишкомъ раннимъ плодомъ на нашей землѣ; мы не сумѣли воспользоваться ею, не сумѣли ее оцѣнить; другіе сорвали этотъ незрѣвшій плодъ своею рукою. Мы пали, но не естественной смертью, присущей всѣмъ народамъ, — мы погибли, словно могучій дубъ, сраженный громомъ; остался одинъ пенъ, который начинаетъ теперь пускать свѣжіе ростки, и въ нихъ заключается наша связь съ прошедшимъ, надежды на будущее»...

«Въ настоящее время, побѣжденные однимъ изъ величайшихъ монарховъ, мы получили отъ него право на независимое существованіе и связанную съ нимъ свободу... Мы можемъ имѣть только одну цѣль: стремиться къ нравственному самоусовершенствованію, къ поднятію достоинства народнаго; мы должны догнать народы во всемъ томъ, въ чемъ отстали отъ нихъ въ годину тяжкихъ испытаній. Вотъ мирная, самая спасительная и священная наша задача». Для достиженія этой цѣли остается литература и въ ней одна дорога — единство и согласіе въ стремленіяхъ; надо оставить всѣ споры и всѣмъ, кто можетъ, идти къ общей цѣли. Онъ воображалъ даже, что литература въ самомъ дѣлѣ можетъ быть соединена въ одинъ, во всемъ согласный и дружный кружокъ: писатели, художники, переводчики и т. д. должны работать по одной опредѣленной программѣ; исчезнуть раздоры партій и народъ, обновленный единою литературой, «будетъ предаваться покою, невинности и забавамъ» (стр. 147—151).

Конечно, желаніе привести литературу къ такому «единству» было совершенно простодушно; жизнь литературы есть необходимо борьба, изъ которой и выходятъ ея пріобрѣтенія. Эта мечта произошла, безъ сомнѣнія, подъ впечатлѣніемъ того положенія польскаго общества, какое Бродзинскій изображалъ въ приведенныхъ выше словахъ и гдѣ, по его мнѣнію, единственнымъ спасеніемъ народности оставалось полное единодушіе на поприщѣ образованія.

Эти мысли о народности, объ истинномъ польскомъ романтизмѣ Бродзинскій излагалъ въ обширной дидактической поэмѣ о «Поэзіи», изданной по частямъ въ 1816 и 1821 годахъ: поученіе писателю, чтобы онъ воспѣвалъ родной край, его природу, простой бытъ его народа, дѣянія предковъ и проч., опять совпадаетъ съ тѣмъ, что вскорѣ потомъ дѣйствительно изображала романтическая школа. Биографъ замѣчаетъ: «Эти превосходные совѣты суждено было выполнить не Бродзинскому, а главнымъ образомъ поэтамъ польско-украинской школы, возникшей и развившейся почти совер-

шенно независимо отъ вліяній нашего поэта, тогда какъ только немногія произведенія Бродзинскаго служатъ практическимъ оправданіемъ его теоретическихъ положеній» (стр. 275). Другими словами, у него не было для этого достаточно дарованія, но то впечатлѣніе, какое оставляютъ въ самомъ біографѣ нѣкоторыя разсужденія Бродзинскаго и эпизоды его поэзіи, можетъ свидѣтельствовать, что польскіе критики, у которыхъ по времени впечатлѣніе было сильнѣе, имѣли право связывать дѣятельность Бродзинскаго съ развитіемъ романтизма.

Къ тому же 1818 году относится еще одно «знаменитое» произведеніе Бродзинскаго — его элегія о польскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что въ образованномъ польскомъ обществѣ съ конца прошлаго вѣка очень сильно былъ распространенъ французскій языкъ, и заброшенный польскій языкъ начиналъ грубѣть. Въ своемъ тогдашнемъ настроеніи Бродзинскій не могъ оставаться къ этому равнодушнымъ и посвятилъ свою пьесу скорби объ упадкѣ родного языка и осужденію пристрастій общества къ чужеземному и особливо французскому. По словамъ біографа, именно Бродзинскому должно быть приписано то, что съ этого времени въ польскомъ обществѣ именно произошелъ поворотъ въ пользу родного языка. «Элегія оказала желанное дѣйствіе на общество, вездѣ стали изгонять изъ салоновъ французскій языкъ, замѣняя его роднымъ, польскимъ». Гоненіе на иностранныя слова дошло даже до преувеличеній.

Имя Бродзинскаго называлось обыкновенно въ ряду тѣхъ писателей, которые въ польской литературѣ привѣтствовали славянское возрожденіе, настаивали на изученіи народности и были, наконецъ, въ личныхъ отношеніяхъ съ вожаками возрожденія у западныхъ славянъ, напримѣръ у чеховъ. Біографъ и въ этомъ случаѣ не находитъ у Бродзинскаго той заслуги, какая обыкновенно за нимъ считается.

Въ упомянутыхъ выше «Письмахъ о польской литературѣ» (1820) Бродзинскій уже говоритъ о необходимости изученія славянства, указываетъ успѣхи славяновѣдѣнія, дѣлаетъ характеристику славянъ (выписывая ее почти цѣликомъ изъ «Ideen» Гердера) и выражаетъ намѣреніе сообщать иногда переводы произведеній славянской поэзіи. Онъ съ гордостью говоритъ о славянскомъ племени, простирающемся отъ Эльбы до Камчатки, отъ сѣверныхъ морей до Средиземнаго, и винить польскую литературу въ скудости свѣдѣній о славянскихъ народахъ, «которые входили въ самыя

близкія связи съ нашимъ краемъ, языкъ которыхъ и обычаи должны бы насъ интересовать хотя ради пользы нашей литературы», — и однако «или почти совсѣмъ для насъ чужды, или слишкомъ мало интересуютъ читателей» (стр. 147, 330—331).

Извѣстны только отношенія Бродзинскаго съ чешскими патриотами Ганкой и Челяковскимъ, особливо съ послѣднимъ. Въ письмахъ Челяковскаго къ его друзьямъ остались самые сочувственные отзывы о польскомъ писателѣ. Челяковскій восхищается его «Вѣславомъ» и «Легіонистомъ». Это — «премилый человекъ и откровенный любитель народной поэзіи»; у него уже много чешскихъ пѣсенъ въ польскомъ переводѣ; онъ собирается переводить Краледворскую рукопись; онъ сообщалъ, что «общество любителей наукъ въ Варшавѣ собирается взяться за изданіе славянской энциклопедіи, т. е. такого сочиненія, въ которомъ были бы приняты въ соображеніе всѣ предметы, такъ или иначе относящіяся къ славянству». Это было въ 1824 году; во второмъ томѣ «Славянскихъ народныхъ пѣсенъ» Челяковскаго, вышедшемъ въ 1825 г., находится посвященіе Бродзинскому, и эпиграфомъ взяты его слова. «Какъ славянофилъ, Челяковскій высказывается *опредѣленно* Бродзинскаго», — замѣчаетъ здѣсь біографъ (стр. 334), — но сравненіе между ними едва ли умѣстно: оба писателя, какъ самыя литературы, которымъ они принадлежали, стояли въ совершенно различныхъ положеніяхъ. Для чешскихъ патриотовъ, какъ Челяковскій, панславянская постановка вопроса составляла самую сущность ихъ дѣла, потому что чешское возрожденіе находило себѣ опору именно въ представленіи цѣлаго славянства. Въ литературѣ польской дѣло стояло совершенно иначе, и Бродзинскій жаловался на равнодушіе польскаго общества къ славянскимъ единоплеменникамъ. Для однихъ панславянство составляло жизненную стихію и орудіе борьбы, для другихъ — только еще отдаленный интересъ.

Біографъ такъ излагаетъ отношенія Бродзинскаго къ Россіи въ связи съ этимъ славянскимъ интересомъ: «Бродзинскаго отнюдь нельзя назвать руссофиломъ. Симпатіи и преданность Бродзинскаго къ Александру I объясняются главнымъ образомъ оппортунистическими соображеніями, но въ его многихъ произведеніяхъ и отдѣльныхъ замѣчаніяхъ вообще нельзя не усмотрѣть нѣкотораго нерасположенія къ Россіи. Въ своемъ курсѣ литературы, въ главѣ о славянахъ, Бродзинскій, говоря о малороссахъ, рекомендуетъ ихъ языкъ вниманію «всѣхъ друзей славянства» и полагаетъ, что всему славянству было бы много выгоды, если бы Кіевъ остался цен-

тральнымъ пунктомъ южной Руси, какъ столица отдѣльнаго государства... Тѣмъ не менѣе Бродзинскій защищаетъ Трембецкаго, довольно, впрочемъ, умѣренно, полагая, что онъ вполне искренно стоялъ за Екатерину, хотя она въ дѣйствительности «руководилась не славянскою идеей, а идеей грабежа».

Панславянскіе интересы Бродзинскаго были очень умѣренны: «Бродзинскій прежде всего и больше всего былъ полякъ и горячій патріотъ. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы у него и намека на идею общеславянскаго языка, волновавшую тогда славянскихъ ученыхъ (?); никогда бы не поступился онъ сокровищами родного языка ради этой идеи, и отъ Россіи онъ ждалъ защиты и охраны правъ польскаго языка и народности. Особеннаго увлеченія славянскимъ возрожденіемъ не видно въ дѣятельности Бродзинскаго». Въ этомъ отношеніи Бродзинскій не отдѣлялся отъ общаго теченія польской литературы не только въ то время, но и донинѣ, а что касается «идеи общеславянскаго языка», она вовсе не была и у славянскихъ ученыхъ такъ распространена, какъ предполагаетъ авторъ: напротивъ, всѣ заботы были направлены на разработку мѣстныхъ нарѣчій, — въ это самое время совершалась напр. извѣстная реформа литературнаго сербскаго языка Вука Караджича, а позднѣе Колларъ говорилъ не о единствѣ языка, а именно только о «взаимности» отдѣльныхъ славянскихъ литературъ.

Биографъ находитъ, что Бродзинскій мало интересовался и народной поэзіей. Указавъ, какъ съ конца прошлаго вѣка и въ особенности въ первыя десятилѣтія нынѣшняго въ литературѣ европейской и славянской все больше распространяется изученіе народной поэзіи, біографъ указываетъ и различные труды Бродзинскаго въ этомъ направленіи. Такъ онъ перевелъ знаменитую «жалобную пѣсню» объ Асанъ-агиницѣ изъ знаменитаго путешествія аббата Фортиса, пѣсню о Радославѣ изъ сборника Гердера, дѣлалъ переводы изъ Краледворской рукописи, изъ сербскихъ пѣсенъ и т. д., чѣмъ обыкновенно въ тѣ времена и ограничивался интересъ къ этому предмету, — но біографъ не считаетъ возможнымъ видѣть въ Бродзинскомъ «усерднаго и убѣжденнаго собирателя (?) народныхъ пѣсенъ», и въ доказательство приводитъ слова Бродзинскаго (1826), которыми послѣдній старается оправдать свое «смѣлое» намѣреніе познакомить общество съ народными пѣснями. Посылая въ одинъ журналъ сербскія женскія пѣсни, Бродзинскій замѣчаетъ, что выбралъ ихъ потому, что онѣ менѣе другихъ про-

тиворѣчать съ «теперешними» (1826) требованіями общаго вкуса, и затѣмъ продолжаетъ:

«Долженъ сознаться, что, хотя собраніе и переводъ на польскій языкъ пѣсенъ братнихъ народовъ и доставляетъ мнѣ при другихъ моихъ трудахъ весьма пріятное развлеченіе, — однако я не безъ колебанія рѣшился исполнить ваше приглашеніе, сообщая свои переводы соотечественникамъ, потому что боюсь, какъ бы эти невинныя произведенія не вызвали криковъ, будто истинному вкусу грозитъ опасность... Я вовсе не думаю, чтобы пѣсни славянъ можно было поставить какъ образцы, и не стану ихъ восхвалять больше, чѣмъ слѣдуетъ; но если англійскія и нѣмецкія баллады, часто сочиненныя по образцу неудачныхъ народныхъ пѣсенъ, могутъ насъ занимать, то почему бы эти невинныя, милыя братнія произведенія не могли пріятно развлечь и даже нѣсколько повліять на духъ народной поэзіи! Я думаю, что не только у насъ, но и всюду, гдѣ пройдетъ наконецъ помѣшательство на оригинальности, эти естественныя, чистыя, согласныя пѣсни могутъ найти поклонниковъ. Каждый любящій человѣчность и спокойствіе будетъ видѣть въ нихъ прекрасный образецъ невинности и человѣческаго счастья» (стр. 342).

Биографъ встрѣчаетъ эти слова съ нѣкоторымъ, даже большимъ негодованіемъ. «Итакъ, — говоритъ онъ, — занятіе пѣснями для Бродзинскаго только «милое и пріятное развлеченіе» между дѣломъ; на литературу же пѣсни только, «можетъ быть», «нѣсколько» повліяютъ; да и вообще читать ихъ не вредно, разъ читаетъ публика баллады англійскаго и нѣмецкаго производства! Такое легкомысленно-пренебрежительное отношеніе къ народной поэзіи просто непонятно въ концѣ 20-хъ годовъ этого столѣтія, — и биографъ припоминаетъ Гердера, припоминаетъ, что даже нашъ Каченовскій, печатая переводныя статьи Бродзинскаго въ «Вѣстникѣ Европы» ¹⁾, выпустилъ изъ нихъ многія «слишкомъ легкомысленныя и ни съ чѣмъ несообразныя» сужденія Бродзинскаго.

Но выраженія Бродзинскаго въ этой цитатѣ вовсе не были особенно странны для середины двадцатыхъ годовъ. Гердеръ здѣсь въ счетъ не идетъ, какъ писатель другой литературы и другихъ мотивовъ; можетъ быть, лучше Бродзинскаго понималъ предметъ Ляхъ Ширма, указываемый биографомъ; но вообще для двад-

¹⁾ 1826, № 7—8: «О народныхъ пѣсняхъ славянскихъ, изъ письма г. Бродзинскаго».

цатыхъ годовъ отношеніе Бродзинскаго къ народнымъ пѣснямъ не представляется столь исключительнымъ. Мы говорили объ особенномъ положеніи западныхъ славянскихъ литературъ, но и тамъ собственно народный элементъ не получилъ особаго значенія надъ литературной рутиной, исходившей изъ другихъ источниковъ: у чеховъ продолжались устарѣлые вкусы нѣмецкаго происхожденія; у сербовъ народный языкъ Вука получалъ презрительныя прозвища. У поляковъ была уже давняя литература, которая составляла національную гордость безъ этихъ ссылокъ на красоты первобытной народной поэзіи; еще господствовали старые псевдо-классики, которые (совершенно также какъ и у насъ) не понимали народной поэзіи и, безъ сомнѣнія, Бродзинскій имѣлъ въ виду именно этихъ людей, когда считалъ нужнымъ извинять введеніе народной пѣсни (точно также какъ, переводя Кракедворскую рукопись, счелъ нужнымъ смягчать слишкомъ реальныя подробности). Возникавшій романтизмъ подалъ примѣръ того, какъ можно утилизировать содержаніе народнаго преданія, особливо его фантастику; стали замѣчать оригинальныя богатства народной рѣчи; вслѣдъ за Гердеромъ говорили, что народная поэзія должна стать основой литературы; но какъ именно ея содержаніе и форма могутъ быть применены къ существу литературы, къ ея гораздо болѣе широкому горизонту, это едва-ли было ясно въ двадцатыхъ годахъ. И когда народная пѣсня ставилась непосредственно рядомъ съ этой старой литературой (въ большинствѣ еще псевдо-классической), любитель народной поэзіи приходилъ въ недоумѣніе: рядомъ съ разнообразными и утонченными формами книжной литературы, рядомъ съ ея содержаніемъ наивная народная пѣсня легко могла показаться мало интересной, даже грубой, и надо было сослаться на англійскія баллады, чтобы оправдать появленіе пѣсни въ литературномъ журналѣ. Подобное было и въ нашей литературѣ, и для примѣра напомнимъ предисловіе Калайдовича къ его изданію «Древнихъ русскихъ стихотвореній», которое отдѣляется отъ статьи Бродзинскаго лишь нѣсколькими годами.

Въ сужденіяхъ Бродзинскаго о славянскихъ народныхъ пѣсняхъ біографъ находитъ только рядъ общихъ мѣстъ; таково было однако большинство тогдашнихъ разсужденій; но самъ біографъ отмѣтилъ не весьма обычныя замѣчанія о пѣсняхъ польскихъ: «Польскій народъ, — говорилъ Бродзинскій, — не сохранилъ военныхъ (историческихъ?) пѣсенъ, а женскихъ пѣсенъ меньше, чѣмъ у другихъ народовъ; ни сербской нѣжности, ни малорусской

меланхоли. Шляхетское сословіе до излишества размножилось, выдѣлилось изъ народа, придавивъ несчастнаго земледѣльца, который поэтому и не могъ сохранить, не говоря уже о свободѣ и сельскомъ счастьѣ, хотя бы дѣтскую наивность. Роскошь павовъ, развратъ и безобразія мелкой шляхты, которая толпилась при помѣщичьихъ усадьбахъ и для которой крестьянинъ былъ жертвой и забавой,— все это должно было возмутить его внутренней покой, измѣнить его внѣшность и привычки. Притѣсненія, пропинація и евреи довершили остальное». Біографъ находитъ, что значеніе Бродзинскаго «какъ этнографа» было ничтожно, но что его переводы народныхъ пѣсенъ нравились и что, быть можетъ, онѣ усиливали въ обществѣ интересъ къ народной поэзіи; въ противоположность ему, біографъ указываетъ романтиковъ, которые стремились уже искать въ народной поэзіи ея внутренняго смысла, и историческаго, и бытового, и въ примѣръ приводитъ замѣчательный сборникъ Вацлава Загѣскаго (1833). Но Бродзинскій вовсе не намѣревался быть этнографомъ-собирателемъ: онъ былъ только популяризаторъ предмета, и въ этомъ смыслѣ его имя справедливо осталось въ исторіи; въ свое время, какъ мы видѣли, его статьи считались поучительными и для русскихъ читателей, которымъ сообщалъ ихъ Каченовскій. Что онъ могъ горячо принимать къ сердцу этнографическіе интересы, объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ біографа объ отношеніи его къ трудамъ Войцickaго. Въ 1828 году Общество любителей наукъ поручило Бродзинскому разсмотрѣніе представленнаго на конкурсъ сочиненія Войцickaго о народныхъ пѣсняхъ. «Бродзинскій былъ въ восторгѣ отъ этой работы, съ чувствомъ благодарилъ Войцickaго за трудъ и подарилъ ему собственный сборникъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Когда Войцickaій принесъ ему свой сборникъ историческихъ пѣсенъ, Бродзинскій пришелъ въ такой энтузіазмъ, какъ будто это было его собственное сокровище» (стр. 78).

Не будемъ говорить о педагогическихъ трудахъ Бродзинскаго, въ которыхъ біографъ также находитъ немалыя достоинства, и отмѣтимъ еще тѣ труды по исторіи польской литературы, въ которыхъ біографъ видитъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ Бродзинскаго: «Самое крупное произведеніе Бродзинскаго, которымъ онъ могъ такъ же гордиться, какъ Карамзинъ своей русской исторіей, это — курсъ критической исторіи польской литературы, первый серьезный трудъ въ польской литературѣ, требовавшій массы энергии, огромныхъ знаній и рѣдкой любви къ отечественной наукѣ.

Въ 6—8 лѣтъ, при массѣ другихъ занятій, выполнилъ Бродзинскій свою задачу въ условіяхъ, крайне неблагоприятныхъ для успѣшнаго ея окончанія. Ученыхъ работъ и пособій по исторіи польской литературы почти не существовало... Въ польской наукѣ царилъ духъ затхлой мертвечины, рутины; преобладало археологическое, нумизматическое направленіе, молодость неохотно обращалась къ наукѣ, и въ ней безраздѣльно хозяйничали псевдо-классики. «Главной заслугой Бродзинскаго слѣдуетъ признать то, что онъ первый обратилъ вниманіе на тѣсную связь исторіи польской литературы и западно-европейской». Въ настоящее время книга Бродзинскаго, конечно, потеряла значеніе; въ особенности должно было устарѣть изложеніе древняго періода, гдѣ, по весьма распространенной тогда манерѣ ¹⁾, Бродзинскій позволялъ себѣ весьма рискованныя толкованія о древности, дѣлалъ невозможныя словопроизводства и т. п.; но въ замѣчаніяхъ о литературѣ болѣе поздней біографъ находитъ достоинства, и позднѣйшіе историки не однажды повторяли его сужденія. Въ оцѣнкѣ Яна Кохановскаго, — говоритъ біографъ, — Бродзинскій обнаруживаетъ художественное чутье. Ему же первому принадлежитъ честь изученія польскихъ идиликковъ Шимоновича и Зиморовича, на которыхъ онъ впервые обратилъ вниманіе не только польскаго, но и всего славянскаго міра. Вообще «заслуги Бродзинскаго въ дѣлѣ изученія исторіи польской литературы нельзя не признать весьма значительными, и вліяніе его курса могло бы быть даже очень велико, если бы лекціи его были своевременно изданы, а не лежали въ рукописи около 50 лѣтъ» (стр. 355—358).

Лучшимъ временемъ поэтической дѣятельности Бродзинскаго біографъ считаетъ годы 1816—1821. Затѣмъ она ослабѣваетъ и вспыхиваетъ снова къ концу его жизни, въ эпоху польскаго возстанія. «Нѣкоторыя стихотворенія Бродзинскаго, написанныя въ это время, — говоритъ біографъ, — исполнены огня и патріотизма». Лучшимъ біографъ считаетъ стихотвореніе: «1830 годъ», гдѣ ярко изображено положеніе польскаго народа, созданное Вѣнскимъ конгрессомъ, и привѣтствуется пробужденіе народа (стр. 319—320).

Къ той же эпохѣ относятся мистико-патріотическія стихотворенія Бродзинскаго. Въ его поэзіи давно уже возникъ особый отдѣлъ произведеній, связанныхъ съ его участіемъ въ польскихъ масонскихъ ложахъ. Первое вступленіе Бродзинскаго въ масонскій орденъ относится къ 1815 году, къ самому началу его дѣятельнаго участія

¹⁾ Въ польской литературѣ она еще не вывелась до сихъ поръ.

въ литературѣ. Масонскія связи послужили тогда, между прочимъ, къ расширенію его литературныхъ и общественныхъ отношеній и повидимому участіе въ «орденѣ» понималось имъ серьезно: по крайней мѣрѣ оно отразилось цѣлымъ рядомъ его специально-масонскихъ стихотвореній. Въ польскихъ ложахъ получили, конечно, значительную роль ближайшіе патріотическіе интересы, но было и общее масонское содержаніе—проповѣдь гуманности, дружелюбія и вѣротерпимости; эта послѣдняя сторона ученія повидимому въ особенности отвѣчала собственнымъ взглядамъ и настроенію Бродзинскаго. Въ 1822 году масонскія ложи были запрещены въ Россіи; масонская дѣятельность Бродзинскаго должна была прекратиться, но не прекратилось его нравственно-религіозное настроеніе, и бюграфъ даетъ любопытныя указанія о томъ, какъ развилось это настроеніе къ эпохѣ польскаго возстанія.

«Довольно положительное масонское мировоззрѣніе Бродзинскаго къ началу 30-хъ годовъ переходитъ въ особое мистическое настроеніе, возникшее у многихъ польскихъ поэтовъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій 1830—1831 года, когда душевное равновѣсіе было окончательно нарушено и самыя дорогія, завѣтныя мечты и надежды поляковъ были жестоко попораны суровой дѣйствительностью. Вѣра въ свои силы была утеряна, польское общество растратило временно всѣ лучшія свои силы, реакція и утомленіе явились на смѣну жизнедѣятельнаго, бодрого романтизма, встрѣчая соотвѣтственный отзвукъ и въ настроеніи европейскаго общества. Вѣра въ Провидѣніе, въ Бога замѣняетъ вѣру въ свои силы и помощь друзей. На этой почвѣ легко создается настроеніе, которое называютъ мессіанизмомъ. Г. Урсинъ справедливо опредѣляетъ мессіанизмъ какъ вѣру въ благодать и любовь Бога, почившую на данномъ народѣ. Главнымъ представителемъ этого направленія считается Мицкевичъ, но для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что основателемъ этого направленія слѣдуетъ признать К. Бродзинскаго, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ котораго мы находимъ всѣ черты мессіанизма на нѣсколько лѣтъ раньше, чѣмъ появились *Книги пилигримства*» (Мицкевича).

Бродзинскій уже издавна имѣлъ преувеличенное представленіе о своемъ народѣ, который являлся ему образцомъ совершенства, и въ 1831 году у него возникла идея сравнить воскресеніе возставшаго народа съ воскресеніемъ Христа. Онъ высказалъ эту мысль въ стихотвореніи «На день воскресенія Господня» и еще болѣе настойчиво въ рѣчи о народности, сказанной 3 мая 1831 года:

«Народъ польскій,—такъ излагаетъ біографъ эту рѣчь,—признается въ ней наиболѣе чистымъ и наиболѣе годнымъ для воспріянія небеснаго огня; онъ страдаетъ во имя Христова для блага всего человѣчества. Польскій народъ—«философъ по вдохновенію», онъ—Коперникъ въ мірѣ нравственномъ. Его терновый вѣнокъ замѣнится вѣнцомъ побѣды; его предопредѣленіе—стать на стражѣ общей свободы и независимости, выстрадать ее для человѣчества среди бури и натиска варваровъ. Въ другомъ произведеніи, «Посланіе къ братьямъ въ изгнаніи», Бродзинскій идетъ еще дальше въ своемъ мистицизмѣ. Онъ пишетъ, въ духѣ посланій апостольскихъ, къ эмигрантамъ въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ отчасти считаетъ себя вдохновеннымъ самимъ Богомъ. Онъ увѣщаетъ ихъ возложить все упованіе свое на Бога... «Вѣруйте, что вѣра Христова возсіетъ во всей своей огненной чистотѣ черезъ Польшу, а Польша вѣрою спасена будетъ. Рядомъ съ мѣстами страданій Господнихъ будутъ поставлены мѣста страданій польскаго народа и рядомъ съ хоругвью агнца будетъ помѣщена хоругвь съ польскимъ орломъ». Между всѣми событіями священной исторіи и польской Бродзинскій видитъ поразительную аналогію, и это еще разъ убѣждаетъ его въ томъ, что не слѣдуетъ полагаться ни на свои силы, ни на друзей и союзниковъ, которые, какъ мельничный жерновъ, мелютъ для себя муку, а все упованіе нужно возложить на Бога.

«Буквально, всѣ эти мысли мы находимъ у Мицкевича либо дословно, либо въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Такъ напр., сравненіе польскаго народа съ Коперникомъ дословно повторено Мицкевичемъ въ курсѣ славянской литературы. Въ особенности же поражаютъ сходствомъ со взглядами Бродзинскаго мысли въ посланіи Мицкевича «Книги польскаго пилигримства». Такимъ образомъ, намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что въ основу мессіанизма Мицкевича положены взгляды, не разъ высказанные еще Бродзинскимъ, и на это обстоятельство въ исторіи польской литературы и до сихъ поръ еще не было обращено должнаго вниманія» (стр. 359—368).

Въ заключеніе авторъ собираетъ итоги своихъ сужденій о Бродзинскомъ. Главныя изъ этихъ сужденій мы видѣли. Онъ вообще не соглашался съ обще-распространеннымъ у польскихъ историковъ высокимъ мнѣніемъ о Бродзинскомъ и находитъ противъ этой оцѣнки много возраженій. Собственно литературное, поэтическое значеніе Бродзинскаго было очень невелико: онъ не былъ подго-

товителемъ романтической школы, которая образовалась мимо его вліяній; въ его идеяхъ не было самостоятельности: наиболѣе цѣнными являются только его политическія и историческія тенденціи, имѣвшія вліяніе на польское общество, которое плохо знало свою исторію. «Популярность Бродзинскаго, — говоритъ авторъ, — и рѣдкое единодушіе польскихъ критиковъ въ общемъ хорѣ лестныхъ о немъ отзывовъ объясняется, по нашему убѣжденію, тѣмъ, что Бродзинскій былъ средній писатель, средняго ума, средняго таланта и какъ таковой, долженъ былъ пользоваться извѣстностью въ широкомъ кругѣ посредственности». Успѣхъ историческихъ тенденцій Бродзинскаго объясняется слабымъ развитіемъ польскаго общества въ этомъ отношеніи: «серьезный трудъ при ничтожномъ умственномъ развитіи былъ этому обществу не по силамъ; поэтому, кажется намъ, оно и было падко на тѣ скороспѣлые выводы и обобщенія, которые удовлетворяли современнымъ потребностямъ историческаго и государственнаго инстинкта и въ то же время, какъ это было, напр., въ произведеніяхъ Бродзинскаго, льстили національной гордости». Наконецъ авторъ говоритъ: «Какъ самый лучший выразитель переходной поры, какъ человѣкъ лично необыкновенно привлекательный и гуманный, Бродзинскій невольно внушаетъ къ себѣ симпатію; неутомимый труженикъ, полезный популяризаторъ европейской литературы и критики, онъ заслуживаетъ глубокаго уваженія. Особенно велика заслуга Бродзинскаго въ дѣлѣ выработки и совершенствованія польскаго языка, и въ этомъ отношеніи его дѣятельность такъ же почтенна и полезна, какъ и дѣятельность Линде. И какъ у насъ въ свое время романтики считали Карамзина своимъ, такъ и польская молодежь съ уваженіемъ и любовью смотрѣла на Бродзинскаго и хотя понимала, что онъ не во всемъ ей сочувствуетъ, все же видѣла въ немъ своего друга и хотѣла, хотя отчасти, признать въ немъ своего руководителя» (стр. 373—374).

Во всемъ этомъ есть своя доля справедливаго, но какъ въ частныхъ подробностяхъ, — какія мы видѣли, — такъ и въ этомъ общемъ выводѣ должно быть сдѣлано извѣстное ограниченіе. Нѣтъ спора, что Бродзинскій не принадлежалъ къ разряду умовъ самобытныхъ и творческихъ, но въ историческихъ успѣхахъ общества и литературы имѣютъ значеніе и силы иного рода, не созиданіе системъ, а распространеніе знаній и укрѣпленіе нравственнаго чувства; и историческое значеніе дѣятеля опредѣляется въ особенности отношеніемъ его къ той средѣ, въ которой онъ дѣйствуетъ. Обще-

ство, для котораго работалъ Бродзинскій, которое имъ увлекалось, представляло собою цѣлую историческую ступень польской образованности, и ужь этимъ много объясняется характеръ дѣятельности Бродзинскаго. Біографъ упрекаетъ его въ несамостоятельности, въ эклектизмѣ, что онъ заимствуетъ то изъ Гердера, то изъ Канта, то изъ Шлегеля; но эти Гердеръ, Кантъ, Шлегель были почти невѣдомы въ польской литературѣ и представляли собою ту болѣе высокую степень образованія, которой польское общество не имѣло, въ которой однако нуждалось, а потому должно было проходить предварительную школу путемъ несамостоятельности и эклектизма. Съ польскою литературой въ этомъ отношеніи сходилась и наша литература: съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поставленъ былъ вопросъ объ усвоеніи европейскаго образованія, она въ теченіе долгаго періода шла такимъ же путемъ, повторяя направленія литературы западно-европейской. Въ такихъ случаяхъ недостатокъ самостоятельности есть черта не личная, а принадлежащая цѣлому періоду образованности.

Таковъ характеръ книги. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ указаній, авторъ весьма внимательно изучилъ свой матеріалъ, далъ подробную біографію писателя, обстоятельный разборъ его сочиненій со стороны ихъ содержанія и значенія въ современной и позднѣйшей литературѣ. Недостаткомъ изслѣдованія является, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ неточностей, не вполне правильная оцѣнка историческихъ условій, въ которыхъ происходила дѣятельность писателя: предъявляя ему слишкомъ высокія требованія, какихъ не допускала бы его эпоха, авторъ осуждаетъ писателя, и въ концѣ концовъ остается не разъясненнымъ, почему же Бродзинскій пользовался нѣкогда такой славой, и притомъ не въ одной польской литературѣ. Есть недостатки и въ приѣмахъ изложенія. Авторъ нерѣдко обстоятеленъ до излишества, сообщая подробностей больше, чѣмъ ихъ требуется для объясненія дѣла. Для примѣра укажемъ то, что говорится въ біографіи о личныхъ отношеніяхъ Бродзинскаго (стр. 71): русскіе читатели, конечно, не имѣютъ понятія о тѣхъ «извѣстныхъ» и даже «знаменитыхъ» лицахъ, которыхъ перечисляетъ авторъ, какъ «знакомыхъ» Бродзинскаго. Здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, вмѣсто подобной номенклатуры, полезнѣе было бы расширить общія указанія о характерѣ и составѣ тогдашняго польскаго общества и литературныхъ круговъ. Въ разборѣ «міровоззрѣнія» Бродзинскаго, его понятій философскихъ, психологическихъ, эстетическихъ, литературно-теоретиче-

скихъ, біографъ, — забывши объ указываемой имъ самимъ «несамостоятельности» Бродзинскаго, сличаетъ его воззрѣнія прямо съ идеями Аристотеля (цитируемаго на греческомъ языкѣ), Канта, Лессинга и др., приводитъ даже мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о разныхъ вопросахъ психологіи, эстетики и т. п., когда нужно было только указать непосредственные источники Бродзинскаго и ихъ примѣненіе въ его работахъ. Неумѣстныя сближенія, какія дѣлаетъ авторъ по поводу теорій Бродзинскаго и которыя косвенно побуждаютъ автора повышать критическія требованія, повторяются, когда, говоря о наступленіи полной зрѣлости его дарованія, авторъ вспоминаетъ, рядомъ съ Бродзинскимъ, о Байронѣ, Шиллерѣ, Мицкевичѣ и Пушкинѣ (стр. 288). Карлсбадъ называется по-чешски не Королевы-Вары (стр. 333), а Карловы-Вары, и т. д.

Но вообще изслѣдованіе г. Арабажина исполнено съ большимъ стараніемъ, и, какъ трудъ начинающаго ученаго въ мало затронутой у насъ историко-литературной области, заслуживаетъ вниманія и имѣло бы право на вторую изъ Уваровскихъ наградъ.

II.

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВА: „О НАКАЗАНІИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ СВЯЗИ СЪ РЕФОРМОЮ“. МОСКВА 1891.

Составленный орд. проф. Н. Д. Сергѣевскимъ.

Императорская Академія Наукъ сдѣлала мнѣ честь порученіемъ разбора названнаго сочиненія профессора А. Н. Филиппова, представленнаго имъ къ соисканію преміи графа Уварова. Приступая къ исполненію этого почетнаго порученія, я долженъ прежде всего сказать, что достоинства подлежащаго разбору сочиненія дѣлаютъ трудъ мой особо пріятнымъ: изслѣдованіе проф. Филиппова представляетъ собою весьма цѣнный и солиднѣйшій вкладъ въ русскую науку. Это результатъ большаго труда, выполненнаго съ большимъ умѣньемъ и съ самымъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Обязанность рецензента, однако, указывать не только достоинства, но и недостатки сочиненія. Таковыя всегда имѣются во всякомъ сочиненіи, и указывать ихъ всегда сравнительно легко; мало того, эта часть критики очень часто увлекаетъ рецензентовъ, забывающихъ правило: *la critique est aisée, mais l'art et difficile*. По обязанности критика я буду указывать недостатки сочиненія, но заранѣе прошу не придавать этимъ указаніямъ рѣшающаго значенія, такъ какъ все изслѣдованіе въ цѣломъ, внѣ всякаго сомнѣнія, по моему мнѣнію, заслуживаетъ искомой награды.

I.

Исторія русскаго уголовного права допетровской эпохи, начинающая съ древнѣйшихъ временъ, имѣетъ свою литературу. Рядъ монографій, весьма содержательные отдѣлы въ курсахъ и учебни-

кахъ даютъ ясныя и законченныя картины по основнымъ вопросамъ преступленія и наказанія. Допетровское право уже съ сороковыхъ годовъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе нашихъ изслѣдователей. Наоборотъ, эпоха Петра Великаго и весь XVIII вѣкъ остаются понынѣ неразработанными ни въ монографіяхъ, ни въ систематическихъ курсахъ. Едва въ послѣдніе годы началась разработка такъ называемой внѣшней исторіи, то есть исторіи памятниковъ. А между тѣмъ, какой громадный интересъ, какое богатое содержаніе заключается въ развитіи уголовного права этого періода! Въѣдъ въ этотъ періодъ совершился переходъ отъ законченныхъ, типичныхъ началъ и возрѣній XVII вѣка къ тому, чѣмъ мы живемъ теперъ и вѣроятно долго еще будемъ жить; притомъ переходъ въ высшей степени осложненный и крупными измѣненіями въ условіяхъ государственнаго и соціальнаго быта, и величайшимъ разнообразіемъ преходящихъ, такъ сказать, случайныхъ воздѣйствій и вліяній. На столько-то мы знаемъ XVIII вѣкъ, чтобы опредѣлить его общее значеніе въ исторіи уголовного права, какъ переходной эпохи; но въ чѣмъ именно заключался этотъ переходъ, какъ совершалась замѣна однихъ представленій другими, какъ возникали институты новые, которыхъ не знала старая Русь, и какъ исчезали многіе старые — этого мы не знаемъ. Мы найдемъ въ нашей литературѣ краткіе очерки ученій о преступленіи и наказаніи по Военскому Артикулу; найдемъ изображеніе общихъ возрѣній екатерининскаго Наказа; найдемъ кое-что, относящееся ко времени императрицы Елизаветы Петровны — одни, если можно такъ выразиться, кусочки и отрывки.

При такомъ положеніи дѣла, изслѣдованіе профессора А. Н. Филиппова «О наказаніи по законодательству Петра Великаго» представляетъ собою, во-первыхъ, лучъ свѣта въ темной области нашего знанія, а во-вторыхъ, — работу большой трудности. Автору пришлось начинать новое дѣло и идти путемъ разработки сыраго матеріала, котораго или вовсе не касалась, или очень мало касалась предъидущая литература. И мы должны признать, что громадный матеріалъ исчерпанъ имъ въ полнотѣ и въ совершенствѣ: лучшаго или большаго съ этой стороны нельзя и требовать. Правда, авторъ ограничивается лишь печатнымъ матеріаломъ; но этотъ печатный матеріалъ для петровской эпохи громаденъ и всеобъемлющъ. Въ послѣдніе года вошло, такъ сказать, въ моду привлекать къ историческимъ изслѣдованіямъ сколько-нибудь архивнаго, не напечатаннаго еще матеріала; рѣдкое изъ новѣйшихъ историческихъ сочиненій обо-

дится безъ этого украшенія — два, три документика непременно приобщаются, на нихъ дѣлаются ссылки, изъ нихъ дѣлаются выписки... Проф. Филипповъ этого не дѣлаетъ и, по нашему мнѣнію, поступаетъ совершенно правильно: когда печатный матеріалъ богатъ, когда онъ не оставляетъ пробѣловъ въ программѣ изслѣдованія, тогда прибѣгать къ рукописному архивному нѣтъ никакой надобности,—это получаетъ значеніе, дѣйствительно, одного только украшенія. Разработка архивныхъ данныхъ представляетъ собою совершенно особый трудъ и по содержанію, и по приѣмамъ работы; цѣлесообразное (а не только для украшенія) пользованіе этими данными предполагаетъ рядъ особыхъ условій и требуетъ громадной затраты времени. Какое значеніе могутъ имѣть одинъ, два документа, когда остается неизвѣстнымъ прочее содержаніе архивовъ; какое значеніе можетъ имѣть ссылка на старую рукопись или даже выписка изъ нея, дѣлаемая въ подтвержденіе или въ отрицаніе того, что доказывається документами напечатанными, когда самая рукопись не напечатана, не описана, не подвергнута критикѣ? Думаемъ, что пользованію архивнымъ матеріаломъ должна предшествовать особая разработка и изданіе этого матеріала, такая разработка, которая сама по себѣ составляетъ самостоятельный научный трудъ. Когда же печатный матеріалъ для извѣстной эпохи богатъ, нѣтъ необходимости непременно привлекать въ дополненіе—всегда ничтожное по размѣрамъ и значенію—матеріалъ рукописный. Думаемъ, что проф. Филипповъ поступилъ совершенно правильно, обративъ всѣ свои силы на то, чтобы исчерпать матеріалъ печатный,—и онъ сдѣлалъ это въ совершенствѣ. Выполненіе крупнаго пробѣла въ нашей литературѣ, именно исторіи уголовного права XVIII в., начато имъ съ большимъ успѣхомъ.

Съ этой именно послѣдней точки зрѣнія получаетъ полное объясненіе избранная проф. Филипповымъ для его изслѣдованія тема: «Наказаніе по законодательству Петра Великаго» — это есть какъ бы начало систематической исторіи уголовного права XVIII вѣка. Для отдѣльной монографіи такая тема едва-ли могла бы быть названа удачной, такъ какъ она опредѣляется исключительно внѣшнимъ моментомъ — періодомъ царствованія Петра Великаго—не совпадающимъ вовсе съ какимъ либо опредѣленнымъ типичнымъ состояніемъ карательныхъ институтовъ: этотъ періодъ, взятый цѣликомъ, не есть ни начало новаго, ни окончаніе стараго, ни періодъ законченныхъ въ своемъ развитіи, устойчивыхъ картинъ; наоборотъ, въ этомъ періодѣ мы найдемъ всего понемногу — и стараго,

и новаго, и существеннаго, и случайнаго, но больше всего стараго. Самому автору пришлось разбить свое изслѣдованіе на два совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованія: наказаніе по указамъ и наказаніе по Воинскому Артикулу. Но если бы принять въ руководство не внѣшній признакъ, а внутреннее содержаніе институтовъ, то періодъ Петра Великаго можно было бы разбить и на три, и на четыре части. Въ томъ-то и дѣло, что для выясненія уголовно-карательныхъ институтовъ царствованіе Петра, взятое въ цѣломъ, отдѣльно отъ предшествующей и послѣдующей эпохи, не представляетъ собою ничего законченнаго и ничего цѣлаго. Какъ тема для самостоятельной монографіи такой предметъ мало годится; но для работы, полагающей въ литературѣ начало историческому изслѣдованію всего XVIII вѣка, такая программа должна быть признана вполне плодотворною. Интересно замѣтить что всѣ тѣ черты наказанія, которыя авторъ признаетъ наиболѣе характеристическими для петровскаго законодательства, принадлежатъ предъидущей эпохѣ, развиты и установлены до Петра и уже въ XVII вѣкѣ сложились въ законченныя устойчивыя картины. Таково, на примѣръ, устрaшеніе и истребленіе преступниковъ, какъ цѣль наказанія; таковы формы и порядокъ исполненія наказаній,— автору постоянно приходится указывать, что все это совершалось такъ же, какъ и до Петра.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что проф. Филипповъ далъ отечественной литературѣ, въ формѣ монографіи, цѣнную часть систематической исторіи уголовнаго права, притомъ часть изъ такого періода исторіи, который до него оставался въ тѣни и не былъ вовсе разработанъ. Самъ авторъ, къ удивленію, затемняетъ такое значеніе своей книги. Онъ усиленно пытается изобразить наказаніе въ эпоху Петра какъ нѣчто цѣльное, стоящее особнякомъ съ своими типичными индивидуальными чертами. Онъ забываетъ о томъ, что, раздѣливъ сочиненіе на двѣ указанныя выше части, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ всякой возможности видѣть въ наказаніи петровской эпохи что нибудь цѣльное и однородное. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, въ чемъ же именно авторъ думаетъ найти индивидуально-типичныя черты наказанія петровской эпохи. Наказаніе, говоритъ онъ въ предисловіи, носить «боевой характеръ», какъ орудіе борьбы съ нарушителями порядка; «наказаніе при Петрѣ Великомъ выходитъ изъ своей обычной колеи и является однимъ изъ факторовъ реформы» (стр. VII). Однако, едва-ли кто будетъ спорить, что наказаніе носило боевой характеръ и до Петра, носило

и послѣ Петра; съ боевымъ характеромъ оно является даже у весьма многихъ мыслителей нашего времени — у всѣхъ послѣдователей Ломброзо и почти у всѣхъ представителей новѣйшихъ теорій, сложившихся за послѣдніе пятнадцать лѣтъ вслѣдъ за теоріей Ломброзо. Мы не можемъ даже сказать, чтобы въ нашей исторіи эпохъ Петра боевой характеръ наказанія принадлежалъ по преимуществу: эпоха допетровская, XVII вѣкъ, едва-ли не должна быть поставлена въ этомъ отношеніи впереди петровской. Дагѣ, то обстоятельство, что при Петрѣ наказаніе является «однимъ изъ факторовъ реформы», тоже не представляетъ собою ничего типичнаго: желательнаго было бы увидать такую эпоху реформъ, проводимыхъ сверху, помимо и противъ желанія народныхъ массъ, въ которой наказаніе не являлось бы однимъ изъ факторовъ, — я думаю, что исторія такого примѣра намъ не дастъ. Наконецъ, что касается утвержденія, что наказаніе «вышло изъ обычной колеи», то это утвержденіе оказывается голословнымъ и самимъ авторомъ опровергается: все изслѣдованіе автора виѣ спора доказываетъ, что наказаніе при Петрѣ вовсе не вышло изъ обычной колеи, а наоборотъ сохраняло всѣ существенныя черты стараго порядка; а если и возникало кое-что, чуждое и противорѣчащее этому старому порядку, то оно почти всегда было слѣпо заимствованнымъ изъ иностранныхъ первоисточниковъ и, какъ обстоятельно доказываетъ авторъ въ послѣдней части своего труда, не прививалось къ русской жизни.

II.

Вся книга проф. Филиппова дѣлится на три части: I. Общій очеркъ основныхъ началъ петровскаго законодательства (стр. 1—128); II. О наказаніи по указамъ (стр. 129—372); III. О наказаніи по воинскому уставу (стр. 373—457). Двѣ послѣднія части однородны по содержанию. Что же касается первой части — общаго очерка петровскаго законодательства — то присоединеніе ея къ своему сочиненію авторъ объясняетъ такъ: «изслѣдованію началъ наказанія, по законодательству эпохи, мы предпосылаемъ краткій *общій* очеркъ *основныхъ* началъ петровскаго законодательства. Это казалось намъ необходимымъ сдѣлать, во-первыхъ, потому, что нерѣдко между карательною и установительною частью законодательнаго движенія при Петрѣ В. чувствуется живое взаимодѣйствіе, а во-вторыхъ, потому, что при всемъ обиліи и разнообразіи мѣръ

принужденія въ законахъ эпохи, этими мѣрами не исчерпывалось, да и не могло исчерпываться, конечно, *все содержаніе* законодательства. Умолчать о послѣднемъ только потому, что оно не всегда можетъ быть поставлено въ прямую связь съ вопросомъ о наказаніи, значило бы на нашъ взглядъ нѣсколько односторонне изобразить эпоху» (стр. IX).

Что бросается прежде всего въ глаза въ этихъ разсужденіяхъ автора, это то, что онъ ставитъ своею цѣлью не только изобразить наказаніе петровской эпохи, но и *всесторонне* всю эпоху. Цѣль грандіозная, — такая цѣль, которая, можно сказать, совершенно заключаетъ собою и поглощаетъ въ себѣ избранную авторомъ специальную задачу. Тутъ, очевидно, какое-то недоразумѣніе: нельзя большее ставить въ служебное отношеніе къ меньшему, притомъ такое большее, которое заключаетъ въ себѣ меньшее, какъ сравнительно ничтожную часть. Очевидно, здѣсь можетъ идти рѣчь лишь объ изображеніи тѣхъ сторонъ государственнаго строя и быта, безъ знакомства съ которыми картины карательныхъ институтовъ оказались бы неясны или неполны. Общая связь между наказаніемъ и всѣмъ законодательствомъ эпохи, на которую въ вышеприведенныхъ словахъ указываетъ авторъ, конечно существуетъ въ Петровскую эпоху, какъ она существуетъ всегда и вездѣ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Но создается-ли этимъ основаніе и необходимость присоединять къ каждому специальному изслѣдованію особый очеркъ всѣхъ сторонъ законодательства? На этотъ вопросъ, думаемъ, можетъ быть только одинъ отвѣтъ — отрицательный. Задача всякаго изслѣдованія, и историческаго и догматическаго, изложить избранный вопросъ такъ, чтобы эта связь была ясна и установлена въ ея содержаніи и послѣдствіяхъ. Но приставить къ изслѣдованію объ отдѣльномъ вопросѣ цѣлый общій очеркъ всего законодательства значитъ не выполнить задачу научной обработки, а просто обойти трудное мѣсто и, взамѣнъ систематическаго, цѣльнаго и полнаго изслѣдованія, дать двѣ книги въ одномъ переплетѣ. Такъ и случилось съ нашимъ авторомъ: весь его «общій очеркъ», вся первая часть книги, не имѣетъ никакой внутренней связи съ изслѣдованіемъ о наказаніи — никакихъ реквизитовъ для ученія о наказаніи мы изъ этой части не получаемъ, и книга съ большимъ удобствомъ читается со второй части, чѣмъ съ первой. Скажу даже болѣе, самымъ слабымъ мѣстомъ «общаго очерка» является мѣсто о судопроизводствѣ (стр. 38, 39): приведены четыре мнѣнія — Кавелина, Дмитріева, Владимірскаго-Буданова, Сергѣе-

вича — и только. Положимъ, весь «общій очеркъ» имѣеть характеръ исключительно компилятивный; но, казалось бы, для вопросовъ судопроизводства, стоящихъ въ болѣе тѣсной связи съ специальнымъ предметомъ сочиненія, слѣдовало сдѣлать изъятіе и войти нѣсколько ближе и самостоятельнѣе въ ихъ разсмотрѣніе. Между тѣмъ у нашего автора, увлекшагося общимъ и, главное, *всестороннимъ* очеркомъ, преимущественное значеніе судопроизводства, какъ отражающаго въ себѣ многое изъ основныхъ положеній наказанія, пропало изъ глазъ. Судопроизводству отведено въ «очеркъ» ничтожное мѣсто; все, что можетъ дѣйствительно имѣть значеніе для ученія о наказаніи, обойдено. Авторъ не говоритъ о состязательныхъ и слѣдственныхъ приѣмахъ (судъ и розыскъ) въ ихъ историческихъ соотношеніяхъ, не говоритъ о формальныхъ доказательствахъ, о представительствѣ въ искѣ и въ отвѣтѣ; объ отношеніяхъ процесса гражданского и уголовного... Взамѣнъ этого, онъ говоритъ обо всемъ, хотя бы и не имѣющемъ никакого отношенія къ наказанію: о престолонаслѣдіи, о коллегіяхъ, о должности фискаловъ, о сѣнодѣ, даже объ отношеніяхъ іерарховъ церкви къ носителю верховной власти (стр. 21) и т. д. Управление мѣстное, городское сословіе, сельское, чиновничество, мѣропріятія въ сферѣ гражданскихъ и семейныхъ отношеній — все есть въ «очеркъ» и все написано очень хорошо, хотя и компилятивно, читается легко, съ пользою, но съ специальнымъ предметомъ изслѣдованія въ связь не поставлено, да едва-ли и можетъ быть поставлено. Вся первая часть, весь этотъ «общій очеркъ» оказывается просто пришитымъ къ книгѣ особымъ сочиненіемъ. Конечно, онъ дѣлу не вредитъ, но очень мало къ дѣлу относится.

III.

«Особый характеръ эпохи (т. е. царствованія Петра Великаго), говоритъ авторъ, сказывается въ томъ, что начало *устрашенія*, какъ цѣль наказанія, является преобладающимъ» (стр. 131). Это положеніе, являющееся дальнѣйшимъ развитіемъ высказанной авторомъ въ предисловіи мысли объ особомъ «боевомъ» характерѣ наказанія, развивается авторомъ въ главѣ первой II-й части, въ трехъ отдѣленіяхъ (I, II, III), — почему въ трехъ отдѣленіяхъ, сказать трудно. Формула объ *устрашеніи* повторяется и на стр. 146 и 174, но не только не тождественно, а въ прямомъ разногласіи. Такъ на стр. 146 говорится: «устрашеніе, какъ цѣль наказанія, играло

важную, если не преобладающую роль». На стр. 174: «устрашеніе было основною цѣлью узаконеній петровскаго времени о наказаніи». Отнесемъ это разнорѣчіе къ языку, а не къ отсутствію послѣдовательности въ самыхъ представленіяхъ автора, — неправильный пріемъ многократнаго повторенія одной и той же формулы очень легко можетъ привести писателя къ такому кажущемуся противорѣчію съ самимъ собою. Посмотримъ, какъ же доказывается эта, по мнѣнію автора, составляющая «особый характеръ эпохи», цѣль наказанія. Все, что приведено въ доказательство на стр. 131—174, представляетъ собою рядъ законодательныхъ формулъ и рядъ практическихъ случаевъ, совершенно такихъ же, какія употреблялись и бывали до Петра Великаго, въ теченіи всего XVII вѣка. Рѣшительно ничего новаго — все то же: «чтобы другимъ не повадно было»; «для страха»; «чтобы другіе того не дѣлали» и т. п. Что устрашеніе имѣло преобладающее значеніе при Петрѣ Великомъ, въ этомъ нѣтъ спора; но дѣло въ томъ, что это не есть особая черта петровской эпохи, а общая черта всего стараго права вплоть до второй половины XVIII вѣка. Интересно замѣтить, что самъ авторъ въ трехъ мѣстахъ своей книги — на стр. 147 дважды и на стр. 150 — говоритъ повторительно, что и допетровская эпоха отличалась тѣмъ же самымъ. Мало того, на стр. 143, опять таки дважды, авторъ говоритъ, что по вопросу о суровости и жестокости наказаній Петръ Великій своихъ мыслей не имѣлъ, а лишь «раздѣлялъ обычный взглядъ на необходимость» такихъ мѣропріятій и велъ «борьбу со зломъ тѣми мѣрами, какія практиковались раньше». И это совершенно вѣрно: ни по части устрашительныхъ воздѣйствій, ни по части жестокости казней и количества ихъ Петръ Великій не только самъ ничего не прибавилъ, но и прибавить-то было трудно — вполне достаточно всего этого добра было выработано предъидущей эпохой.

Кромѣ указанной ошибки въ отношеніяхъ автора къ устрашенію, какъ цѣли наказанія, замѣчается и еще нѣчто такое, что не можетъ быть обойдено молчаніемъ. Обращая вниманіе на тѣ практическіе случаи, которые приводитъ авторъ въ доказательство высказываемаго имъ взгляда на цѣль устрашенія, — невольно приходимъ къ нѣкоторому недоразумѣнію. Такъ, напримѣръ, очень характернымъ авторъ называетъ (стр. 149, 150) указъ сената о томъ, чтобы «новопостроенный (бѣглыми людьми на Дону) городокъ разорить до основанія», а самихъ бѣглыхъ наказать кнутомъ, дабы «другимъ не повадно было бѣгать». Что тутъ характернаго съ точки

зрѣнія устрашенія? — Самый обыкновенный въ старыхъ законахъ обороть рѣчи, а что касается до разоренія городка (эти слова авторъ печатаетъ даже курсивомъ), то здѣсь и вовсе нѣтъ устрашенія. «Другой случай, говоритъ авторъ, еще характернѣе» — указъ 1719 года о томъ, чтобы чиновниковъ, буде они не пришлютъ въ срокъ вѣдомостей, «сковать и держать въ приказѣ потамѣсть, пока вышеписанное исполнится» (стр. 151). Какое же тутъ устрашеніе? — Вѣдь это мѣра принужденія, очень часто практиковавшаяся и при Петрѣ, и до Петра, и послѣ Петра. «Очень характернѣе», дагѣ по мнѣнію автора, «съ точки зрѣнія *идеи устрашенія*, въ него вложенной», указъ 1722 года, повелѣвающій тѣхъ, которые объявятся въ воровствѣ у соляной продажи, нимаго не медля *потѣсить, дабы впредь могло оное воровство искоренится*» (курсивъ автора)... Становится ясно изъ этихъ «характерныхъ» примѣровъ, что авторъ подъ устрашеніемъ понимаетъ ни болѣе ни менѣе, какъ стремленіе законодателя дѣйствовать и вліять страхомъ передъ угрозой наказаніемъ — то, что на старомъ языкѣ называлось «угроженіе» или «подъ страхомъ». Но вѣдь такое «угроженіе» есть всегдашній элементъ всякой карательной санкции: въ любое изъ современныхъ уголовныхъ уложеній можно вставить эти или подобныя формулы въ каждую статью, и отъ того ни содержаніе ни на іоту не измѣнится, ни противорѣчій въ текстѣ и смыслѣ закона никакихъ не возникнетъ. Видѣтъ въ этомъ что нибудь особое, типичное, характерное — это какой-то оптический обманъ у автора, простое недоразумѣніе.

Поставивъ себя въ ложное отношеніе къ моменту устрашенія, авторъ почти не замѣтилъ одной черты петровскаго времени, которая, не принося съ собою никакихъ измѣненій въ наказаніи по существу, должна была, однако, привлечь вниманіе изслѣдователя историка. Я имѣю въ виду обрядовую, торжественно-позорную, обстановку казней, употреблявшуюся какъ средство къ увеличенію устрашительныхъ воздѣйствій. И древняя допетровская Русь знала ее, но примѣняла лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; такова, напри- мѣръ, была процедура торжественно-позорнаго вѣзда въ Москву Стеньки Разина, шествіе къ мѣсту казни самозванца Костьки Ко- нюховскаго. Наоборотъ, Западная Европа изстари выработала и развила этотъ институтъ до сложнѣйшихъ формъ. Еще въ древнѣй- шей Германіи существовалъ народный символическій обычай про- вожать преступника къ мѣсту казни крикомъ особаго рода, именно тѣмъ крикомъ, который употреблялся при преслѣдованіи волковъ, — *der Dieb und Räuber sind Wölfe und wie Wölfe werden beschrien*,

говорилось въ XIV вѣкѣ. Въ дальнѣйшемъ обрядовый, позорно-устранительный элементъ развивался все сильнѣе и сильнѣе. Наше отечество, наши предки мало были склонны къ подобнымъ театральнымъ представленіямъ — господствующею чертою нашихъ казней, при всей ихъ суровости, была необыкновенная простота. Лишь въ немногихъ случаяхъ, изрѣдка государственная власть какъ-бы раздражалась и устраивала парадныя церемоніи. Петръ Великій, вѣроятно подъ влияніемъ ближайшаго знакомства съ западомъ, придавалъ особое значеніе этой обрядовой сторонѣ, этими церемоніямъ. Уже при стрѣлецкихъ казняхъ сказалось его отношеніе къ этому предмету. А дагѣ — казнь совершенная надъ трупомъ Милославскаго, дѣло измѣнника Яшки Янина, обрядовая казнь изображенія Мазепы, казнь Гришки Талицкаго... все это далеко оставило за собою рѣдкіе образцы чего-либо подобнаго въ древнѣйшей Руси.

Эта, если можно такъ выразиться, обрядовая уголовная юстиція, имѣя въ своей исторической основѣ символическую подкладку и находясь въ ближайшей связи съ простыми, такъ называемыми, осрамительными или позорящими наказаніями, воплощаетъ въ себѣ крупную идею древнѣйшихъ наказаній. И если кому изъ нашихъ историковъ слѣдовало заняться этимъ вопросомъ, то именно историкъ петровской эпохи.

Съ такимъ же ошибочнымъ освѣщеніемъ авторъ выдвигаетъ еще другой признакъ уголовного права петровской эпохи. Въ понятіи и содержаніи преступленія, говоритъ онъ, господствующимъ является моментъ «вреда» государству. То объявляется преступнымъ и наказуемымъ, что приноситъ, по мнѣнію законодателя, вредъ. Каковы бы ни были воззрѣнія народа на извѣстное дѣяніе, но разъ оно въ качествѣ вреднаго запрещено закономъ, — оно наказывается и жестоко наказывается, единственно по усмотрѣнію законодателя, внѣ влиянія тѣхъ или другихъ этическихъ моментовъ. Ослушаніе воли законодателя и вредъ — вотъ все, что видитъ законъ въ преступленіи, и съ этой только точки зрѣнія его и оцѣниваетъ (стр. 154, 156, 157 и др.). Картина, совершенно вѣрная для петровской эпохи; но не вѣрно то, что авторъ желаетъ видѣть въ этомъ противоположеніе съ допетровской эпохой. Какъ характерную черту этой предъидущей эпохи онъ беретъ давно повторяющееся въ нашей литературѣ и совершенно шаблонное представленіе о «грѣхѣ». Преступленіе, говоритъ авторъ, въ XVII вѣкѣ разсматривалось какъ грѣхъ и наказывалось въ качествѣ грѣховнаго (стр. 154, 155). «Преступленіе, повторяетъ онъ слова

Н. С. Таганцева, представляло соединеніе двухъ сторонъ — грѣховности и ослушанія» (стр. 157). Въ этомъ усматривается полное противоположеніе петровской эпохѣ. Съ своей стороны авторъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, а ограничивается ссылкой на Таганцева и цитатой. Если бы авторъ захотѣлъ, то могъ бы найти желательное для него положеніе о грѣхѣ, не у одного Таганцева, криминалиста-догматика, а у многихъ другихъ, раньше Таганцева, даже у Болтина, который въ своихъ примѣчаніяхъ къ исторіи Ле-Клерка разсуждаетъ тоже о грѣхѣ въ содержаніи преступленія по воззрѣніямъ XVII вѣка и, сравнивая наказуемость куренія табаку съ наказуемостью чадоубійства по Соборному Уложенію, патетически восклицаетъ: неужели больше грѣха было положить въ носъ щепотку табаку, чѣмъ убить сына или дочь!

Едва-ли въ специальномъ изслѣдованіи по уголовному праву позволительно идти съ такимъ легкимъ сердцемъ по шаблоннымъ путямъ; повторять—просто повторять—положенія, которыя и первыми-то ихъ творцами никогда не были обстоятельно доказаны, а позднѣйшими воспроизводятся въ курсахъ и учебникахъ, кажется, для того только, чтобы занять пустое мѣсто, — denn eben, wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein... Не имѣя возможности представить въ настоящей рецензій сколько-нибудь подробныя соображенія по вопросу о моментѣ грѣха въ содержаніи преступленія по воззрѣніямъ XVII вѣка, я тѣмъ не менѣе, не боясь ошибки, позволю себѣ сказать, что разбираемое мнѣніе представляетъ собою одно изъ тѣхъ нерѣдко встрѣчающихся заблужденій, которыя, попавъ однажды въ литературу, затѣмъ долго повторяются и повторяются безъ всякой провѣрки и критики. Нѣтъ спора, что религіозно-этическія воззрѣнія оказывали въ XVII вѣкѣ вліяніе на наказуемость преступныхъ дѣяній — вліяніе нѣсколько иное, чѣмъ оказываютъ они въ наше время. Но говорить о томъ, что въ XVII вѣкѣ наказывались въ качествѣ преступленій не дѣянія, считавшіяся вредными, а лишь дѣянія грѣховныя; что законодатель давалъ свой запретъ не по соображеніямъ о вредности дѣяній, а по соображеніямъ ихъ грѣховности, — говорить, это значитъ, по моему мнѣнію, вносить въ науку одно изъ наиболѣе грубыхъ историческихъ заблужденій. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, наши предки были такъ глупы, что не понимали даже того, что карать страшными наказаніями, жертвовать тысячами гражданъ, и проливать потоки крови нельзя за грѣхи, а можно лишь за очень вредныя дѣянія. А особаго религіознаго изуверства или фанатизма въ

нашемъ отечествѣ ни въ XVII вѣкѣ и никогда не было. Правда, представленія о вредѣ и о благѣ государственномъ были тогда иныя, чѣмъ нынѣ, въ особенности представленія о вредѣ и благѣ не матеріальномъ, а идеальномъ, духовномъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы представленія о вредѣ и благѣ не руководили законодателямъ, чтобы они были вытѣснены представленіями о грѣхѣ и религіозной добродѣтели. Должно быть, казни «воровскихъ денежнаго дѣла мастеровъ» при Алексѣи Михайловичѣ — казни, достигшія, какъ извѣстно, громадной цифры 7000 казненныхъ — произведены были потому, что это грѣшно?!...

Представители разбираемаго воззрѣнія въ подтвержденіе своего взгляда приводятъ лишь два соображенія или доказательства. Во-первыхъ, указываютъ на постоянно повторяющіяся религіозныя формулы въ Соборномъ Уложеніи: кто «забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе»; «не бояся Бога»; «забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ» и т. д. Во-вторыхъ, указываютъ на наказуемость нѣкоторыхъ дѣяній, никому не причинявшихъ вреда, но считавшихся грѣховными, каковы: употребленіе табаку, святочныя игры, ряженье, бритье бородъ. Что касается до этого послѣдняго соображенія, то, съ одной стороны, такими дѣяніями, конечно, не исчерпывался списокъ преступленій въ XVII вѣкѣ, — такихъ дѣяній, можетъ быть, наберется не болѣе десятка, а въ такомъ количествѣ мы найдемъ ихъ въ любомъ законодательствѣ любой эпохи, даже въ нашихъ современныхъ уложеніяхъ. Съ другой стороны, позволяю себѣ думать, что признаніе этихъ дѣяній исключительно грѣховными, безъ элемента вредоносности для государственнаго порядка, есть результатъ нѣкоторой узкости нашихъ историческихъ свѣдѣній. Памятники XVII вѣка (не буду дѣлать ближайшихъ указаній по условіямъ объема рецензіи) даютъ намъ довольно ясныя указанія на то, что дѣянія эти были не только грѣховными, но и дѣйствительно вредными: имѣются, напримѣръ, указанія на то, что употребленіе табаку — «пить» табакъ — въ древней Россіи имѣло характеръ употребленіе опиума на Востокѣ и приводило нерѣдко къ несчастнымъ случаямъ; ряженье и святочныя игры являлись постояннымъ источникомъ опасныхъ дракъ и даже причиною пожаровъ; что касается до бритья бородъ, то въ страпѣ, гдѣ было сильно развито мужеложство, какъ въ нашемъ отечествѣ въ XVII вѣкѣ, преслѣдованіе бритыхъ мужчинъ — этого «блудозрѣлицнаго позорища» по выраженію одного указа — большихъ объясненій не требуетъ. Не буду спорить, что религіозная точка зрѣнія имѣла

значеніе во всѣхъ этихъ случаяхъ, но она не можетъ быть признана исключительно господствующею и едва-ли даже преобладающею. Дѣлать же отъ этихъ немногихъ случаевъ выводъ въ смыслѣ общей характеристики всѣхъ правозрѣной эпохи представляется рѣшительно невозможнымъ.

Затѣмъ, обращаясь къ первому изъ указанныхъ выше доказательствъ — къ религиознымъ формуламъ, въ изобиліи разсѣяннымъ въ текстѣ тогдашнихъ законодательныхъ актовъ, — позволю себѣ высказать мнѣніе, что формулы эти ровно ничего не доказываютъ. Слишкомъ просты и ясны тѣ основанія, по которымъ нашъ законодатель XVII вѣка прибѣгалъ къ подкрѣпленію своихъ велѣній ссылками на высшій авторитетъ. Не забудемъ, что и современный законодатель дѣлаетъ это такъ же часто, только не въ текстѣ уголовного закона и въ иныхъ формахъ. Да и не можетъ быть иначе, насколько религиозные идеалы являются въ то же время и высшими нравственными идеалами человѣческаго общества.

И такъ, — совершенно вѣрно, что въ петровскую эпоху понятіе и содержаніе преступленія опредѣлялось понятіемъ государственнаго вреда и непослушанія воли законодателя; но невѣрно то, будто бы въ предъидущую эпоху представленіе о вредѣ замѣщалось представленіемъ о грѣхѣ и въ этомъ заключалось противоположеніе двухъ эпохъ. Вся разница въ дѣйствительности заключалась лишь въ томъ, что взгляды на благо государственное, а слѣдовательно и на вредъ, сдѣлались иные по содержанію.

IV.

Независимо отъ указанныхъ вопросовъ объ устрашеніи и о понятіи и содержаніи преступленія, авторъ послѣдовательно и съ величайшей полнотою излагаетъ и описываетъ всѣ стороны избраннаго имъ предмета, — наказанія при Петрѣ Великомъ по указамъ, во II-й части своего труда, и по Воинскому Артикулу, въ III-й части. Все, что можно было извлечь изъ этого матеріала, собрано и въ точности предложено вниманію читателя. Не излагая всего содержанія этихъ цѣнныхъ страницъ разбираемаго труда, оставлюсь лишь на немногомъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить общій выводъ, дѣлаемый авторомъ по вопросу о тѣхъ основаніяхъ, которыми опредѣлялась по законодательству Петра Великаго сравнительная тяжесть преступныхъ дѣяній и, соотвѣтственно этому, примѣненіе высшаго нака-

занія — смертной казни. Въ нашей литературѣ давно уже было высказано и часто повторяется мнѣніе, что Петровское законодательство никакого опредѣленнаго критерія въ этомъ отношеніи не имѣло, что тягчайшія наказанія, а слѣдовательно и смертная казнь, назначались по произволу законодательной власти, безъ всякаго дѣйствительнаго соотношенія съ важностью или тяжестью преступления. Высказывается еще болѣе рѣзкое мнѣніе, будто бы обиліе казней, не соотвѣтствующее важности преступленій, имѣло своимъ источникомъ личный характеръ Петра — его личную, доходившую до кровожадности, жестокость и даже *трусость* (!) его. Страницы 277—307 сочиненія проф. Филиппова дѣлаютъ отнынѣ борьбу съ этимъ, по истинѣ нелѣпымъ, мнѣніемъ ненужною: самымъ обстоятельнымъ образомъ авторъ доказываетъ, что господствующее начало при опредѣленіи мѣры наказанія заключалось не въ личномъ произволѣ, и «не въ безразличіи важнаго отъ неважнаго», и не въ переживаніи чувства мести или иною стимулѣ личнаго раздраженія, — а въ практическомъ значеніи тѣхъ государственныхъ интересовъ, которые приходилось охранять тягчайшими карами.

Затѣмъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе страницы 238—257. Авторъ даетъ самое подробное изложеніе матеріала по вопросу о стремленіи къ извлеченію возможныхъ матеріальныхъ выгодъ изъ наказанія посредствомъ организаціи принудительныхъ работъ и расширенія взысканій имущественныхъ для пополненія казны. Картина получается самая подробная. Этотъ моментъ въ наказаніи — извлеченіе матеріальныхъ выгодъ — не является чѣмъ-либо новымъ въ петровскую эпоху; государственная власть въ XVII вѣкѣ стремилась къ тому же. Но при Петрѣ В. онъ осуществляется съ небывалою и, такъ сказать, неудержимою энергіею. Авторъ, давая подробное описаніе, съ массою матеріала, не считаетъ однако эту черту въ наказаніи «характерною» для вопроса о цѣляхъ наказанія; онъ отводитъ ее на второй планъ (Глава I-я, отд. III, IV). Между тѣмъ въ дѣйствительности, она, не представляя собою признака отличія петровской эпохи отъ предъидущей, сама по себѣ взятая весьма и весьма «характерна» для наказанія. Преобладаніе извлеченія матеріальныхъ выгодъ изъ наказанія передъ другими цѣлями неизбѣжно приближаетъ наказаніе какъ бы къ отбыванію повинности на пользу государства, къ службѣ государству. Поэтому въ эпохи такого преобладанія, всякаго рода наказанія легко замѣняются и замѣщаются услугами на пользу государства. По формѣ

это нѣчто въ родѣ теперешняго помилованія; но по идеѣ — совсѣмъ другое. Это совершенно чуждая нашему времени точка зрѣнія на преступника: преступникъ — рабъ государства, его рабочая лошадь, рабочій скотъ. Если этотъ скотъ работаетъ хорошо, то онъ сохранить жизнь и будетъ пользоваться нѣкоторыми, иногда значительными, благами, а если худо или работы для него нѣтъ, то даромъ кормить его не стѣитъ, и совершенно послѣдовательно, въ качествѣ роена *ordinaria*, выдвигается смертная казнь. Авторъ на указанныхъ страницахъ приводитъ много прекраснаго матеріала по этому предмету; было бы еще лучше, если бы онъ подарилъ столько же вниманія тѣмъ выводамъ и обобщеніямъ, которыя для криминалиста сами собой напрашиваются.

Остановлюсь еще на вопросѣ о значеніи сословныхъ различій. Съ неменьшимъ обиліемъ матеріала, авторъ изображаетъ передъ читателемъ ту незначительную роль, которую играло сословное положеніе преступника въ дѣлѣ наложенія наказаній (стр. 257 сл.). Какъ въ древней Руси, такъ и при Петрѣ Великомъ, говоритъ онъ, различія въ наказаніяхъ по сословному положенію виновнаго, по *общему правилу*, не было; оно имѣло мѣсто лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ, по исключенію. Доказавъ обстоятельно общее правило, авторъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ переходитъ къ исключеніямъ и приводитъ великое множество отдѣльныхъ случаевъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ числѣ этихъ исключительныхъ случаевъ добрая половина суть такіе, въ которыхъ различіе наказаній опредѣляется вовсе не сословнымъ признакомъ, а соображеніями утилитарными (о которыхъ мы только что говорили выше), именно: съ богатаго — имуществонное взысканіе; съ кого взять нечего — кнутъ, батоги... Авторъ до того увлекается подборомъ исключеній изъ имъ же выставленнаго общаго правила, что приводитъ даже примѣръ вліянія сословныхъ различій при примѣненіи пытки, — что къ наказанію, конечно, не относится. Запутавъ такимъ образомъ самъ себя, онъ лишь въ концѣ изложенія вопроса (стр. 265) приходитъ къ указанію, что различія сводились къ «удобству» наложенія того или другаго наказанія, и приводитъ два, три примѣра; но къ категоріи именно такихъ же примѣровъ относится и большая часть имъ ранѣ приведенныхъ, въ качествѣ (будто бы) ограничивающихъ его общее правило, — этого авторъ не замѣчаетъ. Въ томъ-то и дѣло, что по сословному признаку почти не было различій; но различія слагались по соображеніямъ *удобства* и соображеніямъ *утилитарнымъ*; эти же сообра-

женія опредѣлялись частью сословными признаками, а еще болѣе экономическимъ моментомъ, т. е. имущественною обстановкою преступника. Эти двѣ стороны дѣла слѣдовало различить принципиально — авторъ этого не сдѣлалъ, и у него оказались неожиданно чутъ не сотни исключеній изъ общаго правила.

Независимо отъ такого неудачнаго пользованія со стороны автора имъ же собраннымъ прекраснымъ матеріаломъ, въ вопросѣ о вліяніи сословныхъ признаковъ на наказаніе при Петрѣ Великомъ имѣется одна выдающаяся черта, вовсе не замѣченная авторомъ. Исключенія изъ общаго правила о томъ, что сословныя различія не вліяютъ на наказаніе, были до Петра Великаго; мы ихъ находимъ и при Петрѣ Великомъ. Ихъ всегда было немного — меньше даже, чѣмъ ихъ насчиталъ, какъ было сказано, профессоръ Филипповъ. Но при Петрѣ Великомъ здѣсь проявляется одна идея, которой не было въ допетровскую эпоху и которая оказала свое могучее вліяніе позднѣе, именно тогда, когда исключеніе превратилось въ общее правило. При Петрѣ Великомъ, впервые, высказывается мысль, что тѣлесныя наказанія, производимыя рукою палача, налагаютъ неизгладимый, несмываемый позоръ на человѣка — позоръ, дѣлающій невозможнымъ возвращеніе его на прежнюю высоту сословно-служебнаго положенія. «Мерзить имъ надлежитъ», говоритъ 53 гл. ген. Регламента, т. е. тѣмъ, кто побывалъ въ «катскихъ рукахъ», «а не точію къ дѣлу какому допускать». Отсюда, съ одной стороны, устраненіе отъ государственной службы и сословныхъ преимуществъ лицъ наказанныхъ палачомъ, а съ другой — освобожденіе отъ такихъ наказаній лицъ высшаго служебнаго положенія, дабы не лишаться наличнаго запаса служебныхъ силъ. Вотъ путь, начатый Петромъ Великимъ и закончившійся полнымъ освобожденіемъ высшихъ сословій отъ тѣлеснаго наказанія во второй половинѣ XVIII вѣка. Путь этотъ весьма типиченъ: онъ даетъ особую окраску всему движенію, сравнительно съ западноевропейскимъ порядкомъ. Онъ именно заключаетъ въ себѣ объясненіе того любопытнаго обстоятельства, что эти сословныя различія привели въ концѣ концовъ къ тому, что лица высшихъ состояній оказались въ XIX вѣкѣ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ лица низшихъ — они подвергались не смягченнымъ, но тягчайшимъ сравнительно наказаніямъ. И это никого не удивляло. То есть, стали удивляться этому лишь нѣкоторые наши современные криминалисты-догматики, имѣвшіе очень мало представленій объ историческомъ развитіи институтовъ отечественнаго права. А между тѣмъ здѣсь заключается типичная

особенность нашего права: все движеніе началось не съ точки зрѣнія сословныхъ привилегій (какъ на западѣ), а съ точки зрѣнія совершенно другихъ соображеній—соображеній о пользахъ государственной службы. Государство не желало имѣть на службѣ такихъ людей, которыхъ «мерзить надлежитъ». Эта въ высшей степени «характерная» черта незамѣчена проф. Филипповымъ. Онъ говоритъ о случаяхъ освобожденія служащихъ лицъ отъ позорныхъ наказаній, приводитъ примѣры и указы, но не дѣлаетъ никакого вывода, да и говоритъ лишь попутно по другому поводу, именно, по поводу такъ называемой «вознаградимости» наказаній — черты, которая для историческаго изслѣдованія не имѣетъ, собственно говоря, никакого значенія, насколько вопросъ идетъ дальше вопроса о пожизненныхъ наказаніяхъ.

Опять скажу,—если кому слѣдовало обратить вниманіе на этотъ предметъ и разработать его, то именно историку петровской эпохи.

V.

По обычаю всѣхъ критиковъ слѣдовало бы перейти къ указанію частныхъ, мелкихъ недостатковъ книги — мелкихъ ошибокъ, недомолвокъ, частныхъ противорѣчій, неправильностей языка и т. д. Таковыхъ недостатковъ во всякой работѣ бываетъ не мало; имѣются они и въ книгѣ проф. Филиппова. Но я не буду на нихъ останавливаться, во-первыхъ, потому, что они достаточно указаны въ рецензіи проф. В. Н. Латкина (Историческій Вѣстникъ, 1891, сентябрь) и указывались, сверхъ того, на магистерскомъ диспутѣ проф. Филиппова въ Московскомъ Университетѣ (Историческое Обозрѣніе, т. III, 1891). Во-вторыхъ, я не считаю нужнымъ на нихъ останавливаться потому, что мелкіе недостатки, хотя бы ихъ и много было, не могутъ оказать рѣшительнаго вліянія на общую оцѣнку такого капитальнаго труда, каково сочиненіе проф. Филиппова. Сдѣлаю лишь два замѣчанія. Первое касается одного приѣма, постоянно употребляемаго авторомъ, именно, дѣлаемыхъ имъ ссылокъ и цитатъ изъ другихъ писателей. Авторъ слишкомъ любитъ дѣлать эти послѣднія; онъ вноситъ въ свою книгу подлинникомъ цѣлыя тирады, вовсе не заслуживающія того по содержанію, хотя и принадлежащія звѣздамъ первой величины въ наукѣ,—тирады, такъ сказать, азбучныя, на которыя и простой ссылки-то дѣлать не стоитъ, или по ихъ незначительности или потому, что онѣ составляютъ повтореніе давно другими сказаннаго и сдѣланнаго общимъ мѣ-

стомъ даже въ учебникахъ уголовного права. Мало того, авторъ беретъ иногда у писателей догматиковъ положенія историческаго свойства въ то время, какъ онъ самъ, какъ историкъ, могъ бы съ несравненно большей основательностью и выработать, и формулировать все то, что ему необходимо для характеристики историческихъ явленій. Все это — совершенно лишній балластъ въ книгѣ; какое-то чрезмѣрное поклоненіе авторитетамъ, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не вызываемое. Иногда ему понравится какая-нибудь фраза у писателя; онъ ее не только цитируетъ, но и повторить безъ всякой необходимости. Такъ, напримѣръ, на 405 страницѣ цитируется фраза нашего извѣстнаго изслѣдователя Военскаго Артикула, П. О. Бобровскаго; на страницѣ 408 эта фраза повторяется. А между тѣмъ она не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего дефинитивнаго и ничего опредѣленнаго не говоритъ криминалисту: *идея* возмездія, съ цѣлью устрашенія и истребленія, въ соединеніи съ позоромъ... Но П. О. Бобровскій не юристъ и не криминалистъ, а проф. Филипповъ юристъ и авторъ спеціальнаго изслѣдованія по уголовному праву. Вѣдь если бы эту фразу не только не повторять, но и вовсе не вводить въ книгу, то отъ этого ничего не потерялось бы. Тѣ свѣдѣнія, которыя далъ русской наукѣ П. О. Бобровскій о Военскомъ Артикулѣ и которыми проф. Филипповъ вполне и весьма основательно воспользовался въ III-й части своего труда, во всякомъ случаѣ ни мало не уменьшились бы въ своемъ значеніи отъ отсутствія этой цитаты.

Указанный приѣмъ автора въ особенности поражаетъ при сравненіи съ собственной его воздержностью въ дѣлѣ выводовъ и обобщеній. Являясь передъ читателемъ во всеоружіи громаднаго матеріала, онъ, тѣмъ не менѣе, остороженъ и уклончивъ до послѣдней степени. На стр. 406, напримѣръ, говоря объ излишней для Россіи жестокости наказаній Военскаго Артикула, онъ заключаетъ: «эта чрезмѣрная жестокость въ наказаніяхъ не была *повидимому* нужна въ русской арміи, *по крайней мѣрѣ*, по вопросу о побѣгахъ»... Очень ужъ это осторожно — казалось бы автору книги въ 450 страницъ о наказаніяхъ петровскаго времени, съ присоединеніемъ общаго очерка всей эпохи, можно было бы быть и храбрѣе. Такихъ мѣстъ не мало въ книгѣ.

Второе замѣчаніе, которое я имѣю сдѣлать, касается отношеній автора къ обычному праву. На стр. 427, разсуждая объ осрамительныхъ наказаніяхъ по Военскому Артикулу, онъ обращается къ обычному праву. «Въ обычномъ правѣ *досель* осрамительныя нака-

занія поражаютъ архаизмомъ своихъ формъ... Такъ у насъ, по *обычному праву*, вору связываютъ руки и надѣваютъ на шею или на спину украденную вещь... женъ, виновныхъ въ прелюбодѣянніи, запрягаютъ въ телегу и подвергаютъ истязаніямъ... слѣдуетъ длинный списокъ подобныхъ мѣропріятій, заимствованный у Е. И. Якушкина (*Обычное право*, I. 1875). Неужели, однако, все это есть «обычное право», дѣйствующее притомъ «доселѣ»? — Что это есть нѣчто «обычное», въ томъ не спору; но чтобы это было «право» — позволю себѣ сомнѣваться. Въ литературѣ нашей, дѣйствительно, существуетъ такое смѣшеніе: всякій обычай, даже вовсе не имѣющій юридическаго содержанія, всякій установившійся обрядъ, касающійся семейныхъ торжествъ, выраженія скорби, всякій стародревній приѣмъ или способъ оскорбительныхъ насмѣшекъ и посрамленій, въ родѣ мазанія воротъ дегтемъ, и т. д. и т. д., все это, безъ дальнихъ разсужденій, возводится къ обычному праву, именуется *обычнымъ правомъ*. Запретъ мужикъ свою бабу въ телегу, а пьяная толпа одобряетъ и хохочетъ, — вотъ ужъ и «обычное право»!... Мало-ли подобныхъ «обычаевъ» существуетъ во всѣхъ слояхъ общества; мало-ли такихъ безобразій, весьма укоренившихся, существовало при крѣпостномъ правѣ. Неужели все это можно признавать «правомъ», хотя бы и «обычнымъ»? — Для юриста такое смѣшеніе непростительно. Юристъ долженъ знать, что народный обычай вообще, народное правовоззрѣніе и норма обычнаго права суть три отдѣльные понятія съ самостоятельнымъ содержаніемъ. Безъ строго проведеннаго разчлененія этихъ понятій лучше и не касаться обычнаго права.

Сводя воедино все сказанное, прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Книга проф. Филиппова заключаетъ въ себѣ богатѣйшій историко-законодательный матеріалъ, прекрасно систематизированный, собранный въ полнотѣ и сгруппированный въ такомъ порядкѣ, что передъ читателемъ ясно и подробно рисуются законченныя картины наказаній въ періодъ царствованія Петра Великаго. Этого одного уже достаточно для признанія сочиненія достойнымъ искомой награды.

2) Что касается до богѣ широкихъ выводовъ и обобщеній, то здѣсь авторъ оказывается менѣе самостоятельнымъ, воздерживается отъ нихъ или даетъ формулы уклончивыя.

3) Существеннымъ недостаткомъ книги является стремленіе автора изобразить періодъ царствованія Петра Великаго въ каче-

ствѣ отдѣльной эпохи въ исторіи наказанія, съ индивидуально-типичными чертами. Результатомъ такого стремленія явилось неправильное освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ предмета и нѣсколько самопротиворѣчій въ книгѣ.

4) Прочіе недостатки не могутъ и не должны имѣть вліянія на общую оцѣнку труда.

III.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ В. С. ИКОННИКОВА, „ОПЫТЪ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ“. Т. I. КНИГА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ. КІЕВЪ. 1891—92.

Составленный академикомъ А. Э. Вычковымъ.

Въ русской исторической наукѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощущался недостатокъ сочиненія, которое представляло бы съ одной стороны обзорѣніе источниковъ, въ теченіе полутора вѣка обнародованныхъ какъ правительственными учрежденіями, такъ и частными лицами, съ опредѣленіемъ ихъ относительнаго значенія и достоинства, а съ другой — разсмотрѣніе появившихся многочисленныхъ изслѣдованій по русской исторіи съ указаніемъ насколько и какъ отечественные ученые воспользовались въ нихъ изданными матеріалами, насколько они своими трудами содѣйствовали уясненію прошлой жизни государства. Однимъ словомъ, недоставало сочиненія, посвященнаго критическому изученію источниковъ и литературы русской исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи. Выполненіе этой нелегкой задачи и принялъ на себя профессоръ Университета св. Владиміра В. С. Иконниковъ, своими многочисленными трудами, отличающимися несомнѣнными достоинствами, уже давно снискавшій извѣстность.

По плану автора сочиненіе его должно было состоять изъ двухъ частей: первая заключала бы въ себѣ обзорѣніе архивовъ и библіотекъ, въ которыхъ хранятся рукописные и печатные матеріалы, а также указаніе на труды лицъ содѣйствовавшихъ собранію и обнародованію этихъ матеріаловъ, а вторая представляла бы систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторію ея развитія какъ науки. — Много лѣтъ было употреблено г. Иконниковымъ на задуманный трудъ, который велся съ большими перерывами и котораго печатаніе продолжалось много лѣтъ и также

съ большими перерывами. Послѣдствіемъ этого явилась необходимость въ допозненіяхъ и въ сообщеніи нѣкоторыхъ подробностей; но, благодаря имъ, трудъ доведенъ почти до настоящаго времени.

Вотъ какъ самъ г. Иконниковъ въ предисловіи къ Опыту говоритъ о началѣ и ходѣ своего сочиненія: «Въ теченіе своей преподавательской дѣятельности (а этой дѣятельности въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ) автору неоднократно приходилось излагать курсъ исторіографіи или спеціальныя отдѣлы его. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ интересомъ бібліографа онъ слѣдилъ за текущей литературой своего предмета, а во время поѣздокъ на археологическія съѣзды ему удалось собрать и не мало бібліографическихъ рѣдкостей или мѣстныхъ изданій, не всегда проникающихъ въ другіе концы Россіи. Такъ постепенно составилъ тотъ матеріалъ, который послужилъ основаніемъ для настоящаго труда.... Но не рѣдко онъ не въ состояніи былъ воспользоваться своевременно справками въ томъ или другомъ изданіи, а иногда вынужденъ былъ и вовсе отказываться отъ нихъ, не находя необходимыхъ пособій на мѣстѣ, а вслѣдствіе этого ему приходилось замедлять свою работу или подвергать ее разнымъ другимъ неудобствамъ. Съ другой стороны служебныя, литературныя и т. п. обязанности постоянно отвлекали автора отъ главнаго предмета его занятій. Впрочемъ такое отвлеченіе въ сторону являлось даже иногда потребностью для него среди однообразія и тягостей настоящей работы. А между тѣмъ, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, ему приходилось нерѣдко оставлять эту послѣднюю на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ явилась надобность въ дополненіяхъ, въ которыя авторъ внесъ потомъ и нѣкоторыя другія подробности. Вотъ почему авторъ предпочелъ назвать этотъ трудъ только опытомъ, даже болѣе: онъ готовъ считать его лишь матеріалами для будущей исторіографіи».

Исторіографическія труды, предшествовавшіе сочиненію г. Иконникова, исчислены имъ на стр. 258*—269*, причемъ сдѣлана имъ безпристрастная оцѣнка. Къ сожалѣнію, всѣ эти труды, появленіе которыхъ начинается со времени Петра Великаго, болѣею частью касались или отдѣльныхъ частей исторіографіи, не осхватывая предмета во всемъ его объемѣ, или опредѣляли значеніе трудовъ отдѣльныхъ писателей русской исторіи, или наконецъ представляли очеркъ развитія русской исторіи въ извѣстную эпоху. Болѣе замѣчательны въ исторіографическомъ отношеніи по своей полнотѣ были труды казанскаго профессора Иванова и нашего сочлена К. Н. Бестужева-Рюмина. Послѣдній въ введеніи къ написанной

имъ Русской исторіи попытался дать обзоръ источниковъ и сжатый очеркъ результатовъ, добытыхъ русскою историческою наукою въ полтора ста лѣтъ ея развитія, а также указать пути, которыми добывались и добываются эти результаты, причемъ сопровождалъ все это обстоятельными библиографическими указаніями. Трудъ г. Бестужева-Рюмина принесъ несомнѣнно большую пользу. Но со времени появленія его въ свѣтъ прошло болѣе 20 лѣтъ, и изучающимъ отечественную исторію приходилось теперь обращаться къ библиографическимъ трудамъ Ламбининыхъ и Межова, въ которыхъ кромѣ заглавія актовъ и статей и указанія, гдѣ они печатаны, изсѣдователи ничего болѣе не находили. Недостатокъ этотъ теперь устраненъ выходомъ въ свѣтъ труда В. С. Иконникова подъ скромнымъ заглавіемъ «Опытъ русской исторіографіи», труда, который могъ быть совершенъ только благодаря замѣчательной начитанности, рѣдкому трудолюбію почтеннаго профессора и похвальной настойчивости его въ достиженіи однажды предположенной цѣли.

Мы пока имѣемъ только первый томъ его сочиненія, представленный на соисканіе Уваровскихъ наградъ. Этотъ томъ, принявшій не только почтенные, но громадныя размѣры (двѣ книги перваго тома заключаютъ въ себѣ 1539 + 170 страницъ текста, 371 страницу дополненій, пропусковъ и поправокъ и 149 страницъ указателя, всего болѣе 2200 страницъ), распадается на два отдѣла. Первый отдѣлъ состоитъ изъ семи главъ. Въ начальныхъ трехъ главахъ излагается въ первый разъ обстоятельная методологія предмета, а въ остальныхъ четырехъ исторія собранія, храненія и обнародованія матеріаловъ по Русской исторіи.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о предметѣ исторіи и о взглядахъ на нее въ древности, въ средніе вѣка и въ новѣйшее время, и о томъ, какъ относились въ разныя эпохи къ историческому матеріалу.

Затѣмъ онъ переходитъ къ изложенію общаго хода исторической критики, отцомъ которой онъ по справедливости считаетъ Шлепера. Оцѣнивъ заслуги Шлепера въ дѣлѣ обработки исторіи, г. Иконниковъ дальнѣйшее развитіе критическихъ его приемовъ видитъ въ Нибурѣ, который высказалъ мысль, что главная задача историка должна состоять въ изысканіи научной истины, въ критикѣ историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ. Разрушая легенды, Нибуръ пытался возстановить то, что онѣ заслоняли собою. Ученикъ Нибура, Ранке, рассмотрѣвъ сочиненія новыхъ историческихъ писателей и приложивъ къ нимъ приемы учителя, указалъ несостоя-

тельность многихъ изъ ихъ взглядовъ и высказалъ, что слѣдуетъ отдавать предпочтеніе актамъ передъ сказаніями и лѣтописями, и увлекъ своихъ учениковъ къ изданію цѣлаго ряда важныхъ историческихъ документовъ.

У насъ вліяніе Шлецера и Нибура отразилось въ появленіи скептической школы, созданной Каченовскимъ, а вліяніе Ранке имѣло послѣдствіемъ усердное обнародованіе архивныхъ матеріаловъ. Крайности нашей скептической школы вызвали дружное противодѣйствіе. Изъ числа появившихся сочиненій противъ положеній нашей скептической школы, г. Иконниковъ по группировкѣ, силѣ и полнотѣ возраженій отдаетъ преимущество статьямъ Н. И. Надеждина. Во всякомъ случаѣ скептицизмъ въ приложеніи къ отечественной исторіи далъ нѣсколько положительныхъ результатовъ, пройденныхъ молчаніемъ авторомъ, вѣроятно въ виду отдѣльно изданной имъ монографіи объ этомъ предметѣ. Что же касается возрастающаго все болѣе и болѣе въ количественномъ отношеніи разнообразнаго историческаго матеріала, то авторъ предполагаетъ, что вполне воспользоваться имъ возможно только при монографической разработкѣ разныхъ отраслей исторической науки, что теперь и имѣетъ мѣсто. При этомъ нельзя упускать изъ вида, что при смѣнѣ разныхъ взглядовъ на содержаніе исторіи весьма часто матеріалъ, отбрасывавшійся историками и изслѣдователями какъ ни къ чему годный, служилъ впослѣдствіи богатымъ источникомъ для воссозданія той или другой стороны внутренней жизни народа и общества.

Такъ какъ при пользованіи историческими источниками слѣдуетъ относиться къ нимъ критически, отличать въ документахъ факты вѣрные отъ невѣрныхъ, то по этому случаю авторъ обстоятельно рассматриваетъ приемы внѣшней, или низшей, и внутренней, или высшей, критики и указываетъ на значеніе конъектуръ и аналогій. Затѣмъ авторъ обращается къ оцѣнкѣ свидѣтельствъ и указываетъ относительное значеніе источниковъ, напоминая при этомъ, что даже и къ официальнымъ слѣдуетъ относиться весьма осторожно; все это онъ подкрѣпляетъ не только соображеніями, но и многими примѣрами. Сказавъ, къ сожалѣнію впрочемъ безъ приведенія доказательствъ, что историкъ не мало драгоценныхъ данныхъ можетъ почерпнуть въ произведеніяхъ собственно литературныхъ, иногда предпочтительно даже предъ данными чисто историческаго характера, г. Иконниковъ останавливается на надписяхъ и изображеніяхъ, находящихся на памятникахъ вещественныхъ, и затѣмъ переходитъ къ преданіямъ, мифамъ и легендамъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, у всѣхъ народовъ фольклорная литература обратила на себя особенное вниманіе изслѣдователей, и, быть можетъ, о ней слѣдовало бы автору сказать нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что въ ней скрывается интеллектуальная и бытовая жизнь народа до появленія письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ. Глава оканчивается замѣчаніями о значеніи скептизма въ разработкѣ исторіи и указаніями тѣхъ препятствій, которыя историческая наука встрѣчала у насъ на пути своего развитія, печальнымъ результатомъ чего было поверхностное до настоящаго времени знаніе новаго періода русской исторіи. Въ концѣ этой главы, какъ и во всѣхъ другихъ, помѣщенъ довольно обширный списокъ книгъ и статей, имѣющихъ отношеніе къ предмету, составляющему ея содержаніе.

Вторая глава посвящена тѣмъ знаніямъ, которыя тѣсно связаны или соприкасаются съ исторіей. Къ такимъ знаніямъ авторъ причисляетъ: археологію съ ея отдѣльными отраслями (геральдикой, нумизматикой, древностями искусствъ и быта, палеографіей, дипломатикой, сфрагистикой), генеалогію, хронологію, историческую географію, этнографію, филологію, исторію литературы, исторію права и историческую библиографію. Сообщивъ отдѣльно о каждомъ изъ этихъ знаній теоретическія и практическія свѣдѣнія и указавъ способы ихъ примѣненія къ исторической критикѣ, авторъ этою главою оказалъ занимающимся услугу тѣмъ болѣе значительную, что у насъ по этимъ предметамъ нѣтъ ни атласовъ, ни руководствъ. Такъ напримѣръ, между прочимъ, весьма цѣнны замѣчанія, сообщаемыя г. Иконниковымъ по русской хронологіи (стр. 144*—152*). Мы знаемъ, что смѣна мартовскаго года сентябрскимъ вносила и вносить до сихъ поръ путаницу; стоитъ только припомнить различіе о годѣ преставленія препод. Сергія Радонежскаго. Нельзя не пожалѣть, что археологіи и филологіи отведено въ трудѣ мало мѣста и вообще недостаточно оцѣнено положительное ихъ значеніе въ развитіи исторіи.

Въ концѣ главы авторъ указываетъ на вспомогательныя средства, какими историку приходится иногда пользоваться при изученіи матеріаловъ съ внѣшней стороны. Химическіе реактивы вызываютъ тексты древнѣйшихъ палимпсестовъ; фотографія и гальванопластика воспроизводятъ предметы древности и искусства; гипсовые слѣпки, бумажные оттиски и др. даютъ понятія объ эпиграфическихъ памятникахъ.

Третья глава, принадлежащая къ лучшимъ частямъ рассматри-

ваемаго тома, имѣеть своимъ предметомъ вопросы внутренней, исторической критики. Авторъ въ этой главѣ говоритъ о воспроизведеніи фактовъ. Способность изслѣдователя отрѣшиться отъ взглядовъ своего времени и перенестись въ среду, иногда совершенно для него чуждую, облакаетъ въ плоть факты и придаетъ имъ правдивую жизненность. Полное пониманіе событій возможно только при умѣннѣ проникнуть въ причины, ихъ вызвавшія, и уловить дѣйствительныя слѣдствія, отъ нихъ происшедшія. Важную услугу въ правильномъ освѣщеніи историческихъ фактовъ оказываетъ сравнительное наблюденіе явленій исторической жизни чело вѣка, другими словами, сравнительный методъ, прилагаемый съ пользою къ различнымъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, но широко пользоваться имъ, впрочемъ, не слѣдуетъ, равно какъ и прибѣгать къ гипотезамъ, иногда ведущимъ къ немаловажнымъ открытіямъ въ области положительныхъ знаній. Главное содержаніе исторіи до недавняго времени составляли событія политической жизни народа; но съ того времени, какъ съ одной стороны начали собирать культурно-историческія данныя, а съ другой стороны явилась мысль освѣщать движеніе человечества одной основной идеей, въ политическую исторію стали вносить подробности о внутреннемъ состояніи государства, о нравахъ, управленіи, о положеніи образованности и т. п., стали изучать исторію съ различныхъ точекъ зрѣнія. Возникло наконецъ стремленіе у ученыхъ исторію культуры поставить въ независимость отъ политической исторіи. Нашъ авторъ не раздѣляетъ этого направленія, онъ склоняется, и совершенно справедливо, къ тому, которое объединяетъ бытовую исторію съ былевою. Г. Иконниковъ не раздѣляетъ также притязаній тѣхъ ученыхъ, которые думаютъ обновить содержаніе исторіи посредствомъ приложенія статистики, политической экономіи и даже естественныхъ наукъ, но онъ съ извѣстными ограниченіями не прочь объяснять историческіе факты и явленія посредствомъ обобщеній или общихъ идей, руководящихся этими явленіями.

Что касается внѣшней формы или историческаго изложенія, то, приведя мнѣніе объ этомъ Тэна, Ранке, Лебеля и др., г. Иконниковъ останавливается на томъ положеніи, что исторія есть наука и вмѣстѣ съ тѣмъ искусство, и справедливо требуетъ отъ историческаго повѣствованія художественности, которая состоитъ въ умѣннѣ представить эпоху живо и образно, на основаніи тщательнаго изученія матеріала, въ умѣннѣ воспроизвести факты въ ихъ послѣдовательной связи, соединить ихъ въ одно цѣлое и правильно

освѣтить ихъ; во всякомъ случаѣ красота формъ не должна быть предпочитаема истинѣ, такъ какъ въ излишнемъ угожденіи художественному элементу есть своего рода опасность.

Такъ какъ устранить личность писателя при изложеніи событій и характеристикъ историческихъ дѣятелей не мыслимо, то желательно по крайней мѣрѣ, чтобы онъ преднамѣренно не искажалъ фактовъ, чтобы въ трудѣ его отсутствовали передѣлки, дополненія, умолчанія и личный интересъ въ описываемыхъ дѣлахъ. Разсматривая подробно и обстоятельно вопросъ о субъективности и объективности, г. Иконниковъ требуетъ устраненія изъ историческихъ трудовъ тенденціозности, ненаучныхъ цѣлей, однимъ словомъ, служенія минутѣ. Обхожу многіе вопросы, затронутые въ этой главѣ г. Иконниковымъ, какъ напр. объ историческомъ законѣ, о статистическомъ методѣ, о прогрессѣ, о вліяніи времени, національныхъ чертахъ, о качествахъ, требуемыхъ отъ историка, о значеніи исторіи; всѣ эти вопросы сопровождаются многими любопытными замѣчаніями и выписками изъ сочиненій разныхъ историковъ. Въ заключеніе главы авторъ дѣлаетъ обзоръ трудовъ по русской историографіи, о чемъ было мною упомянуто выше.

Въ четвертой главѣ сосредоточены свѣдѣнія о началѣ книжнаго дѣла въ Россіи, о собираніи и перепискѣ рукописей въ старое время, о библиотекахъ княжескихъ, монастырскихъ и церковныхъ, о царскомъ архивѣ, о книгопечатаніи, о книгохранилищахъ, подвергшихся истребленію отъ времени, пожаровъ, при взятіи городовъ непріятелемъ и т. п., объ уничтоженіи весьма неразборчивомъ въ новое время дѣлѣ при приведеніи въ порядокъ архивовъ; указаны заботы Петра Великаго о сохраненіи и собираніи историческихъ матеріаловъ и памятниковъ древности, перечислены библиотеки современниковъ Державнаго преобразователя, представленъ очеркъ дѣятельности по изданію матеріаловъ В. Н. Татищева, Миллера, Бантышъ-Каменскаго, князя Щербатова, Голикова, Новикова и другихъ. Въ этой же главѣ сообщены свѣдѣнія о занятіяхъ императрицы Екатерины II русскою исторіею и объ изданныхъ по ея повелѣнію лѣтописяхъ, о первомъ ученомъ обществѣ въ Россіи при Московскомъ университетѣ, объ ученыхъ экспедиціяхъ академиковъ и частныхъ лицъ; наконецъ, о розысканіи и собраніи административными лицами предметовъ древности.

Пятая глава г. Иконниковымъ исключительно посвящена ученой дѣятельности канцлера графа Н. П. Румянцова и его сотрудниковъ: митрополита Евгенія, Малиновскаго, Круга, Френа, Аде-

лунга, Калайдовича, Строева, протоіерея Григоровича и многихъ другихъ — дѣятельности, составляющей замѣчательный эпизодъ въ исторіи развитія русской исторіографіи и справедливо носящей названіе Румянцовской эпохи. Благодаря значительному числу обнародованныхъ писемъ Румянцова къ разнымъ ученымъ и послѣднихъ къ нему, очеркъ дѣятельности ученаго кружка, средоточіемъ котораго является канцлеръ, подъ перомъ автора вышелъ цѣльнымъ и любопытнымъ. Полный списокъ изданій Румянцова, присоединенный къ очерку, и свѣдѣнія о сокровищахъ его Музея, собранныхъ имъ съ немалыми издержками, свидѣтельствуютъ, что не напрасно этому вельможѣ было присвоено названіе мецената.

Шестая глава открывается описаніемъ дѣятельности археографической экспедиціи, снаряженной Академіею Наукъ подъ начальствомъ П. М. Строева, который успѣлъ настоятельнымъ ходатайствомъ осуществить планъ, давно имъ задуманный. Этою экспедиціею было осмотрѣно болѣе 200 архивовъ и библиотекъ; собрана масса документовъ, переданныхъ учрежденной потомъ Археографической Комиссіи, занятіямъ и изданіямъ которой отведено въ трудѣ немало мѣста. Затѣмъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о трудахъ мѣстныхъ комиссій для описанія и изданія актовъ и памятниковъ древности: Кіевской, Виленской, Витебской и Кавказской. Описаніемъ дѣятельности и исчисленіемъ изданій статистическихъ комитетовъ центральнаго и губернскихъ заканчивается эта глава.

Въ седьмой главѣ, послѣдней перваго отдѣла, авторъ говоритъ объ ученыхъ обществахъ въ Россіи, о такихъ же обществахъ за границею, въ изданіяхъ которыхъ встрѣчаются изслѣдованія, касающіяся Россіи, какъ напр. въ изданіяхъ Королевскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, Азіатскихъ и Географическаго Обществъ въ Парижѣ и Лондонѣ, Краковскаго ученаго Общества, Института Оссолинскихъ и другихъ; о періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ матеріаловъ, явившихся какъ по правительственной инициативѣ, такъ и по почину частныхъ лицъ.

По связи исторіи Россіи съ исторіею Литвы и Польши г. Иконниковъ отвелъ въ своемъ Опытѣ мѣсто сборникамъ матеріаловъ по исторіи этихъ двухъ государствъ, явившимся за границею, конечно, насколько это было ему доступно.

Въ представленномъ обзорѣ періодическихъ изданій и сборниковъ г. Иконниковъ, какъ онъ самъ говоритъ, «не имѣлъ въ виду исчерпать вполне ихъ содержаніе, но желалъ указать на важнѣйшіе изъ нихъ и напомнить о томъ, какого рода матеріалы со-

общались въ этихъ изданіяхъ, чтобы читатель, который пожелаетъ ближе ознакомиться съ ними, могъ имѣть необходимыя предварительныя свѣдѣнія о матеріалахъ, находящихся часто въ изданіяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ специальной цѣли изслѣдованія.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ девяти главъ и посвященъ исключительно обзору архивовъ, библиотекъ и музеевъ, причемъ почти при каждомъ изъ нихъ излагается исторія его возникновенія, перечисляются важнѣйшіе памятники, въ немъ хранящіеся, и указываются, какія учрежденія и лица въ своихъ трудахъ пользовались его матеріалами. Обзоръ этотъ составляетъ заслугу г. Иконникова, такъ какъ до него нашъ публика, даже ученая, имѣла смутное представленіе о многихъ библиотекахъ и архивахъ. Взглядомъ на архивное дѣло въ Россіи въ разное время открывается этотъ отдѣлъ труда г. Иконникова. Въ послѣдовательномъ порядкѣ обозрѣны слѣдующіе архивы:

Московский архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Московский архивъ Министерства Юстиціи.

Московскіе дворцовые архивы, архивъ межевой канцеляріи, Государственный архивъ и С.-Петербургскій главный архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Архивъ Правительствующаго Сената.

Архивъ Св. Правительствующаго Синода.

Архивъ Государственнаго Совѣта.

Архивы Министерствъ Военнаго, Морского, Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ.

Петербургскіе дворцовые архивы.

Архивъ собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Центральные архивы: Кіевскій, Виленскій и Витебскій.

Архивъ бывшей Малороссійской Коллегіи.

Архивы генералъ-губернаторствъ: Московскаго, Оренбургскаго, Рижскаго, Виленскаго и Витебскаго.

Архивъ главнаго управленія намѣстника Кавказскаго.

Главный архивъ Царства Польскаго и архивъ старыхъ дѣлъ Царства Польскаго.

Послѣ государственныхъ архивовъ г. Иконниковъ разсматриваетъ архивы губернскіе, областныя, городскіе, войсковыя и сословныя, при чемъ сообщаетъ свѣдѣнія объ ихъ образованіи и указываетъ на то, какъ мало до сихъ поръ пользовались матеріалами, въ нихъ заключающимися.

Въ особую главу авторомъ собраны все свѣдѣнія объ епар-

хіяльныхъ, монастырскихъ и церковныхъ архивахъ и библіотекахъ, объ архивахъ и библіотекахъ римско-католической церкви и протестантскихъ общинъ въ Россіи и, наконецъ, о раскольническихъ собраніяхъ рукописей.

Библіотекамъ духовнаго вѣдомства — синодальной и типографской, духовныхъ академій, семинарій и училищъ — и духовно-училищнымъ архивамъ отведена особая глава. Въ этой главѣ видное мѣсто занимаетъ исторія образованія Синодальной библіотеки и исчисленіе главнѣйшихъ изъ сокровищъ, въ ней хранящихся, а также указаніе исследований, основанныхъ на ея рукописяхъ. При сообщеніи свѣдѣній о библіотекѣ Московской Духовной Академіи говорится о присоединенной къ ней библіотекѣ Іосифо-Волоколамскаго монастыря. О библіотекѣ Соловецкаго монастыря сказано при библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, а о библіотекахъ Новгородскаго Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря — при описаніи библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи.

Свѣдѣнія о правительственныхъ и общественныхъ библіотекахъ: Эрмитажной, Дворцовой въ Павловскѣ, Императорской Публичной, Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ и о мѣстныхъ публичныхъ библіотекахъ изложены въ особой главѣ. Большими подробностями отличаются статьи объ Императорской Публичной библіотекѣ и Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ, чему способствовали печатаемые этими книгохранилищами отчеты.

Много интересныхъ данныхъ читатель найдетъ о библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ Императорской Академіи Наукъ, университетовъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ; о коллекціяхъ статистическихъ комитетовъ, археографическихъ комиссій, Археологическаго института и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Особенное вниманіе привлекаетъ глава о семейныхъ и частныхъ архивахъ и библіотекахъ въ Россіи. Собранныя историческія свѣдѣнія о нихъ указываютъ содержаніе ихъ въ разныя эпохи, причины ихъ распространенія и постепеннаго упадка. О многихъ библіотекахъ, нѣкогда богатыхъ и извѣстныхъ, въ настоящее время уже не существующихъ, мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ данныхъ, тщательно отовсюда извлеченныхъ г. Иконниковымъ. Часть этихъ библіотекъ перешла въ общественныя книгохранилища, а другая погибла безслѣдно, частью отъ пожаровъ, а частью отъ преступнаго равнодушія наслѣдниковъ бывшихъ ихъ владѣльцевъ. Въ перечнѣ лицъ, составившихъ библіотеки и собранія докумен-

товъ, приведены и такія, въ руки которыхъ попали случайно рукописи и документы или которыхъ представили ихъ для печати.

Въ виду того, что памятники вещественные, хотя и не имѣющіе ничего общаго съ письменными документами, весьма важны для исторіи — по замѣчанію г. Иконникова, какъ знакомящіе насъ съ внѣшнею стороною жизни народа, степенью его цивилизаціи въ извѣстные періоды, указывающіе на связи и отношенія къ другимъ народамъ и даже на умственное міросозерпаніе въ его реальныхъ проявленіяхъ — авторъ Опыта русской исторіографіи внесъ въ свой трудъ цѣлую главу о музеяхъ правительственныхъ, общественныхъ, церковныхъ и частныхъ въ Россіи. Въ этой главѣ послѣ обзора мѣропріятій, клонящихся къ сохраненію памятниковъ древности, г. Иконниковъ сгруппировалъ разбросанныя данныя объ Оружейной Палатѣ, Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, Императорскомъ Эрмитажѣ, Императорской Академіи Художествъ и о музеяхъ разныхъ вѣдомствъ, городскихъ, церковныхъ и частныхъ.

Главою объ иностранныхъ архивахъ, бібліотекахъ и музеяхъ, какъ правительственныхъ, общественныхъ и церковныхъ, такъ и частныхъ, въ которыхъ находятся сочиненія и памятники, касающіеся Россіи, заканчивается трудъ г. Иконникова. Свѣдѣнія объ этихъ бібліотекахъ и архивахъ расположены по государствамъ.

Изъ представленнаго нами сжатаго изложенія капитальнаго труда г. Иконникова достаточно видно его значеніе какъ для науки, такъ и для занимающихся отечественною исторіею, у которыхъ онъ долженъ сдѣлаться настольною книгою. Пользоваться богатымъ матеріаломъ, находящимся какъ въ текстѣ и въ прибавленіяхъ къ нему, такъ и разъясненнымъ въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ, значительно облегчаютъ приложенные къ труду указатели личныхъ именъ и географическихъ названій, хотя при этомъ нельзя не пожалѣть объ отсутствіи предметнаго указателя, который придалъ бы еще болѣе цѣны «Опыту», и который, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, онъ успѣлъ составить лишь для перваго отдѣла разбираемаго тома.

Встрѣчающіеся въ трудѣ В. С. Иконникова ошибки, недосмотра и пропуски ¹⁾ теряются и исчезаютъ въ подавляющей массѣ собран-

¹⁾ Между прочимъ, въ главѣ о фамильныхъ и частныхъ архивахъ и бібліотекахъ въ Россіи не упомянута бібліотека генералъ-лейтенанта графа Дмитрія Николаевича Маурова, причисленная къ составу Тарновскаго заповѣднаго имѣнія. Въ ней находится нѣсколько замѣчательныхъ рукописей гре-

ныхъ данныхъ. Если можно еще въ чемъ упрекнуть автора, то это въ томъ, что въ главахъ, посвященныхъ изложенію методологіи исторіи, онъ иногда не высказываетъ своего мнѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, а приводитъ массу мнѣній разныхъ ученыхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, и предоставляетъ читателю выбирать изъ нихъ то, которое будетъ имъ признано болѣе справедливымъ. Кромѣ того противъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ здѣсь мнѣній можно и спорить.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти недостатки нисколько не умаляютъ заслуги В. И. Иконникова передъ русскою историческою наукою.

Въ виду какъ несомнѣнныхъ достоинствъ Опыта Русской исторіографіи, такъ и того обстоятельства, что онъ является единственнымъ въ нашей литературѣ и въ высшей степени необходимымъ, я полагаю бы, что со стороны Академіи Наукъ будетъ вполне справедливо, если она увѣнчаетъ автора этого труда, положившаго на него многіе годы усиленныхъ занятій, полною Уваровскою преміею и тѣмъ, быть можетъ, побудитъ его къ скорѣйшему выпуску въ свѣтъ втораго тома, который долженъ представить систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и послѣдовательный ходъ ея разработки.

чекскихъ и русскихъ и ея каталогъ былъ напечатанъ дважды, сначала въ Миланѣ въ 1882 году, а потомъ въ Кенигсбергѣ въ 1890. Въ послѣднемъ помѣщена довольно обширная и обстоятельная вступительная статья.



IV.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Н. А. БЪЛОЗЕРСКОЙ: „ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ“

(Оттиски изъ «Русской Старины» съ обширными рукописными прибавленіями).

Составленный Академикомъ Вестужевымъ-Рюминымъ.

Изученіе русской литературы XVIII и XIX в. подвигается весьма успѣшно: появляются критическія изданія старыхъ писателей, отдѣльные библиографическія и біографическія этюды о нихъ, есть и общіе курсы. Нельзя конечно полагать, чтобы не явилась потребность въ дополненіяхъ, уясненіяхъ того, что сдѣлано, чему въ особенности помогаютъ появленіе новыхъ матеріаловъ и новыя изслѣдованія въ области исторіи. Есть наконецъ такіе вопросы, которые едва затронуты и то мимоходомъ исторіей литературы. Такъ мы еще очень мало знаемъ о русскомъ романтизмѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, изученіе котораго весьма важно для полнаго и обстоятельнаго пониманія поэзіи Лермонтова. Кто помнитъ впечатлѣніе повѣстей Бестужева, критикъ и повѣстей Полевого, драмъ Кукольника, а изъ иностранныхъ романовъ и лирики Гюго, романовъ Бальзака времени Фергюса, тотъ не можетъ не согласиться въ томъ, что всѣ они подготовили почву для пониманія Лермонтова.

Такимъ же мало извѣстнымъ эпизодомъ представляется исторія русскаго романа во 2-ой половинѣ XVIII в. и до 30-хъ годовъ XIX, опредѣленнѣе до Гоголя. Дѣятельность Нарѣжнаго, важное явленіе въ литературѣ первой четверти нашего вѣка, извѣстна только въ общихъ чертахъ; кромѣ мимоходныхъ замѣтокъ объ ея значеніи, мы ничего не имѣемъ; изъ произведеній Нарѣжнаго читается только «Бурсакъ»; о біографіи его собраны только краткія свѣдѣнія. Этотъ недостатокъ восполняется трудомъ Н. А. Бѣлозерской, который

сначала появился въ «Русской старинѣ», а теперь лежитъ передъ нами въ дополненномъ и исправленномъ видѣ съ помощью рукописныхъ замѣтокъ.

Трудъ Н. А. Бѣлозерской — результатъ обширной начитанности и усиленныхъ разысканій; большая часть его содержанія является новостью въ исторіи русской литературы и составляетъ важный вкладъ въ исторію общественности.

Авторъ начинаетъ съ краткаго обзора состоянія литературы и критики въ пору появленія первыхъ произведеній Нарѣжнаго, причемъ останавливается также на томъ обстоятельстве, что Нарѣжный не находился въ сношеніи съ тогдашними литературными кружками и почти не участвовалъ въ журналахъ той эпохи. Можно впрочемъ спросить, не лучше ли было бы помѣстить это замѣчаніе въ біографию? Второстепенное значеніе романа въ глазахъ тогдашней критики тоже указывается авторомъ.

Отъ общихъ условій литературы той эпохи авторъ переходитъ къ опѣнкѣ романовъ, предшествовавшихъ появленію романовъ Нарѣжнаго. Н. А. Бѣлозерская отклоняетъ отъ себя изученіе романовъ, появившихся до второй половины XVIII в. Съ одной стороны она имѣла на это право въ виду существующихъ уже изслѣдованій о старомъ русскомъ романѣ въ трудахъ Л. Н. Майкова, А. Н. Веселовскаго и въ особенности А. Н. Пыпина. Съ другой стороны необходимость экскурса объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ въ сличеніи съ Фроломъ Скобѣевымъ, весьма удачно сдѣланнаго нашимъ авторомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что изученіе этихъ раннихъ романовъ весьма не бесполезно для пониманія многого въ послѣдующемъ развитіи. Замѣтимъ мимоходомъ, что объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ существуетъ любопытная статья М. Л. Михайлова въ «Библиотекѣ для чтенія» 50-хъ годовъ, едва-ли не первое указаніе на связь литературы XVII в. съ литературой XVIII в., теперь такъ прочно установленную трудами А. Н. Пыпина. Н. А. Бѣлозерская начинаетъ свое изученіе съ указанія на количество переведенныхъ романовъ. Этотъ трудъ составленъ ею преимущественно на основаніи Смирдинскаго каталога. Статистическія таблицы (если можно такъ выразиться) о числѣ переводовъ въ каждое царствованіе и о переводахъ съ каждаго языка очень любопытны. Здѣсь между прочимъ встрѣчается переводъ съ башкирскаго: это «Кузь-Курпачъ». Каз. 1812 г. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ казанскихъ ученыхъ это сочиненіе оказывается пересказомъ башкирскихъ преданій.

Романы избранной эпохи авторъ разсматриваетъ по отдѣламъ: романы съ приключеніями (*romans d'aventures*), романы нравоучительные, такъ называемыя восточныя повѣсти, пастушескія и сельскія повѣсти, сантиментальныя романы и повѣсти и попытки историческаго и реальнаго романа. Едва-ли такое дѣленіе не слишкомъ дробно, но во всякомъ случаѣ это не важно. Быть можетъ, будущій изслѣдователь пожалѣетъ объ отсутствіи систематическихъ указаній на развитіе романа въ Западной Европѣ, для чего можно найти многое въ историко-литературныхъ трудахъ западныхъ ученыхъ, начиная съ знаменитаго сочиненія Донлопа «*The history of fiction*», а также указаній на вліяніе чтенія романовъ на развитіе общества, для чего даетъ матеріалы Карамзинскій «*Рыцарь нашего времени*» съ коментаріями по статьѣ А. Д. Галахова: «Н. М. Карамзинъ» и превосходная книжка Е. Н. Щепкиной. «Старинныя помѣщики на службѣ и дома», гдѣ характеризуются по ихъ вліянію книги, прочитанныя Болотовымъ; для болѣе ранняго періода важна статья Л. Н. Майкова: «Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени». Много важныхъ замѣчаній о переводныхъ романахъ встрѣчаемъ въ «Ист. русск. сл.» А. Д. Галахова, а о вліяніи ихъ интересны сообщенія А. А. Григорьева въ «Литер. скитальч.», пока погребенныхъ въ книжкахъ стараго журнала и переизданіе которыхъ было бы весьма желательно. Съ содержаніемъ многихъ изъ этихъ романовъ знакомятъ извѣстные «Матеріалы для русской библіографіи» Н. В. Губерги. Въ числѣ романовъ съ приключеніями по крайней мѣрѣ по имени автора заслуживалъ бы упоминанія романъ Н. И. Гнѣдича: «Донъ Коррадо де Геррера или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ», 4 ч. М. 1803 г. (романъ этотъ не вошелъ въ полное Собраніе сочиненій Гнѣдича). Въ предисловіи авторъ говоритъ: «основаніе его я взялъ изъ одной повѣсти». Какая это повѣсть? — неизвѣстно. Герой является то разбойникомъ, то дѣятелемъ инквизиціи; онъ держитъ въ темницѣ отца, губитъ брата, раззоряетъ цѣлыя селенія, словомъ, является самымъ мелодраматическимъ злодѣемъ. О немъ нашъ авторъ не упоминаетъ.

По случаю исторической повѣсти «*Ксенія — княжна Галицкая*», вышедшей въ 1808 г., авторъ замѣчаетъ, что сочинитель выписываетъ цѣлыя страницы изъ «Исторіи Гос. Росс.», чего, разумѣется, не могло быть, такъ какъ исторія Карамзина появилась въ 1818 г. Извѣстный романъ Измайлова «*Евгеній*» отнесенъ авторомъ къ нравоучительнымъ сатирическимъ романамъ, хотя его слѣдовало бы отнести къ реалистическимъ: въ немъ такъ много подробностей, прямо

взятыхъ изъ тогдашней дѣйствительности, напр. хотъ бы описаніе пансіона, въ которомъ мальчики воспитываются вмѣстѣ съ дѣвочками. Преданіе о подобныхъ пансіонахъ существовало, но въ литературѣ едва-ли не въ этомъ романѣ единственное описаніе ихъ. Жаль, что, говоря объ «Евгеніи», авторъ ограничился ссылкой на «Ист. русск. слов.» А. Д. Галахова. Говоря о повѣсти «Несчастная Маргарита», слѣдовало бы указать, что она основана на нижегородскомъ преданіи о Кабакѣ Ошарѣ, которымъ впослѣдствіи воспользовался М. П. Погодинъ въ повѣсти «Преступница». Къ достоинствамъ этой части труда Н. А. Бѣлозерской относится то, что она постоянно указываетъ какъ въ произведеніяхъ Нарѣжнаго отразились тѣ или другія черты предшествующей повѣтствовательной литературы.

Біографія Нарѣжнаго до сихъ поръ была мало извѣстна, нѣтъ ничего обстоятельнѣе краткаго извѣстія объ его жизни, доставленнаго сыномъ его въ «Ист. христ.» А. Д. Галахова. Любопытно, что при недостаточности свѣдѣній о немъ въ нашихъ энциклопедическихъ словаряхъ въ «Biogr. Univers.» Мишо появилась о немъ болѣе полная статья. Н. А. Бѣлозерская собрала о немъ все, что могла: ей удалось добыть нѣсколько официальныхъ актовъ, доставленныхъ невѣсткою автора «Бурсака»; тщательное изученіе его сочиненій, при знаніи современныхъ ему обстоятельствъ, помогли ей составить нѣсколько въ высшей степени вѣроятныхъ предположеній. Такимъ образомъ является передъ нами опредѣленное живое лицо; — подробный анализъ его произведеній воспроизводитъ его нравственную фizioномію. Отецъ Нарѣжнаго принадлежалъ къ остаткамъ польской шляхты. Это его польское происхожденіе не имѣетъ впрочемъ никакого значенія, ибо относится къ довольно давнему времени, да и вѣры онъ былъ православной и считался русскимъ дворяниномъ. Были ли когда-либо предки его католиками, мы не знаемъ, а всего вѣроятнѣе, что они принадлежали и раньше къ русской народности. Со времени же отложенія Малороссіи отъ Польши, какъ указываетъ и сама Н. А. Бѣлозерская, они были принуждены принять «казацкое на себя званіе», по слову Шафонскаго. Мнѣніе что мать романиста была полька, есть чистое предположеніе, ибо самая дѣвичья фамилія ея неизвѣстна. Мы думаемъ, что малороссійское происхожденіе не приписано Нарѣжному, какъ полагаетъ біографъ, а его дѣйствительно слѣдуетъ считать малороссомъ. Бѣдность отца рано познакомила Нарѣжнаго съ жизнію мелкой малороссійской шляхты, къ изображенію которой онъ не разъ обращался

въ своихъ произведеніяхъ; приводя въ разныхъ мѣстахъ эти описанія романиста, автору удалось познакомить насъ съ тою обстановкою, въ которой жилъ Нарѣжный. Особенно искусно воспользовался онъ данными повѣсти: «Богатый бѣднякъ», которая въ связи съ темнымъ преданіемъ о романической исторіи сестры Нарѣжнаго, уяснила причины, побудившія его не возвращаться на родину. Въ этой обстановкѣ простой жизни Нарѣжный познакомился съ преданіями гетманщины и воспроизвелъ ихъ преимущественно въ «Бурсакѣ», гдѣ, не смотря на романическія прикрасы и выдуманныя событія вмѣсто извѣстныхъ историческихъ фактовъ, чувствуется стародавняя жизнь. Знакомство съ народомъ было также результатомъ дѣтства, проведеннаго въ деревнѣ. Мы не знаемъ, гдѣ Нарѣжный получилъ первоначальное образованіе, но біографъ, сближая описаніе Черниговской семинаріи, находящееся у Шафонскаго, съ картиною бурсы въ «Бурсакѣ», дѣлаетъ вѣроятное предположеніе, что онъ учился именно въ этой семинаріи. Въ 1792 г., по свидѣтельству сына, онъ поступилъ въ дворянскую гимназію при Московскомъ университетѣ. Пользуясь статьей пр. Страхова въ Юбилейномъ Сборникѣ Московскаго университета и извѣстною книгою, Шевырева, авторъ знакомитъ насъ съ гимназіею и университетомъ того времени. По домашнимъ обстоятельствамъ, въ точности неизвѣстнымъ, Нарѣжный оставилъ университетъ въ 1801 г. и опредѣлился на службу въ Грузію. Въ свои университетскіе годы Нарѣжный началъ литературную дѣятельность: опыты его помѣщались въ журналахъ: «Приятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г. и «Ипокрена» 1799 и 1800 г., гдѣ онъ писалъ и въ стихахъ, и въ прозѣ. Біографъ обстоятельно знакомитъ читателя съ этими первыми произведеніями Нарѣжнаго, между которыми особенно замѣчательны рассказы: «Роголодъ», предтеча позднѣйшихъ «Славянскихъ вечеровъ», и «Мстяцій еврей», написанный въ обличительномъ для евреевъ духа. Біографъ видитъ въ немъ отголосокъ тогдашней литературной теоріи и удивляется, отчего Нарѣжный, хорошо знавшій евреевъ въ Малороссіи, вывелъ ихъ въ видѣ мелодраматическихъ злодѣевъ. Думаемъ, что хотя въ «Россійскомъ Жилблзѣ» изображенъ добрый еврей, изъ Малороссіи, гдѣ не особенно любятъ этотъ народъ, могъ Нарѣжный вынести и другія преданія. Въ «Ипокренѣ» помѣщены два драматическихъ опыта Нарѣжнаго: «Римская ревность» и «Кровавая ночь, или конечное паденіе дома Кадмовъ». Послѣдняя любопытна тѣмъ, что она представляетъ передѣлку у Эсхиловыхъ «Семеро противъ Оивъ», и три-

логин Софокла. Съ греческими трагиками, вѣроятно, Нарѣжный познакомился по французскимъ и нѣмецкимъ переводамъ, уже существовавшимъ въ концѣ XVIII в.

Въ 1801 г. Нарѣжный поѣхалъ въ Грузію. Здѣсь онъ встрѣтилъ хаосъ перваго времени по присоединеніи: самоуправство чиновниковъ, ссоры между собою начальства, дикіе нравы туземцевъ. Н. А. Бѣлозерская, пользуясь изданіемъ актовъ Берже и извѣстнымъ трудомъ Н. Ѳ. Дубровина, рисуетъ обстоятельную картину тогдашняго Закавказья. Чрезвычайно остроумно объясняетъ она романъ Нарѣжнаго: «Черный годъ, или Горскіе князья» его личными впечатлѣніями. Этотъ отдѣлъ книги принадлежитъ къ лучшимъ ея частямъ. Въ сатирически изображенныхъ лицахъ романа указываются тогдашніе дѣятели присоединенія: Коваленскій, бывший уполномоченнымъ при послѣднемъ царѣ грузинскомъ, а послѣ гражданскимъ правителемъ Грузіи, и главнокомандующій Кнорингъ. При такомъ толкованіи романъ получаетъ особое значеніе, хотя онъ мало былъ замѣченъ современниками, ибо появился въ 1820 г. уже по смерти автора и въ такое время, когда событія, имъ изображенныя въ карикатурномъ видѣ, уже были забыты, если даже когда-либо обращали на себя вниманіе въ русскомъ обществѣ. При тогдашнемъ отсутствіи гласности и при маломъ интересѣ, возбужденномъ окраинами, о нихъ едва-ли что-нибудь знали. Биографъ полагаетъ, что романъ написанъ ранѣе и не появлялся изъ опасеній, къ тому же Нарѣжный при незначительности своихъ связей рѣдко находилъ издателя.

Въ 1803 г. Нарѣжный пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу сначала въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, откуда перешелъ въ горную экспедицію Кабинета. О службѣ Нарѣжнаго и о кругѣ его знакомыхъ сохранилось мало извѣстій. О первой знаемъ изъ официальныхъ документовъ, о второмъ изъ посвященной авторомъ романовъ, которыя собраны биографомъ, не упустившимъ также случая познакомить насколько возможно, по крайней мѣрѣ, со вторымъ, нынѣ уничтоженнымъ, мѣстомъ служенія романиста. Въ 1813 г. онъ вышелъ въ отставку и женился, въ 1815 г. снова поступилъ на службу въ Военное Министерство. Первымъ литературнымъ произведеніемъ Нарѣжнаго въ его Петербургскую пору была трагедія: «Димитрій Самозванецъ». Это очень посредственное произведеніе однако любопытно потому, что является подражаніемъ «Разбойникамъ» Шиллера, какъ основательно доказываетъ Н. А. Бѣлозерская. «Разбойники» впрочемъ уже были извѣстны

тогда въ переводѣ Сандунова (1797 г.). Интересно, что у Нарѣжнаго не видать никакой склонности къ французской трагедіи, отъ которой Озеровъ позволилъ себѣ отступленіе только въ «Фингагѣ». Кстати объ Озеровѣ мы были удивлены заявленіемъ занимающей насъ книги о томъ, будто онъ написалъ въ 1804 г. трагедію «Димитрій Самозванецъ», отчего и Нарѣжный не имѣлъ успѣха. Извѣстно, что Озеровъ написалъ «Димитрія Донскаго», который появился въ 1809 г. Слѣдующимъ сочиненіемъ Нарѣжнаго были «Славянскіе вечера», при изученіи которыхъ мы находимъ въ біографіи любопытныя параллели съ поэмами Макферсонова Осіана, весьма распространенными тогда въ переводѣ Кострова. Здѣсь читатель ожидалъ бы общей характеристики господствовавшаго риторическаго воспроизведенія историческихъ событій, о которыхъ авторъ говоритъ кое-что во введеніи, но которое заслуживало бы болѣе подробнаго изученія, ибо связано и съ прозаическими эпопеями, въ родѣ «Кадма и Гармоній», «Арфаксадъ» и т. д., и съ трагедіями въ французскомъ родѣ. Къ этому роду можетъ быть отнесенъ и «Оскольдъ» М. Н. Муравьева, появившійся годомъ позднѣе «Славянскихъ вечеровъ» (въ «Вѣстн. Евр.» 1810 г.). Въ «Цвѣтникѣ» 1810 г. появились два разсказа Нарѣжнаго, принадлежащихъ къ тому же ряду «Славянскихъ вечеровъ», хотя не вошедшихъ и въ ихъ послѣдующія изданія. Любопытно, что одинъ изъ этихъ разсказовъ: «Георгій и Елена» основанъ на извѣстномъ преданіи объ основаніи Отрочь монастыря. Н. А. Блѣзерская этого не отмѣчаетъ. Стало быть у Нарѣжнаго было нѣкоторое знакомство съ старой русской литературой. Пользованіе «Словомъ о полку Игоревѣ» отмѣчено въ біографіи. Это замѣчаніе относится къ разсказу «Игорь», напечатанному по смерти автора въ изданіи «Слав. вечеровъ» 1826 г. Еще два «Славянскіе вечера» появились въ «Соревнователѣ просвѣщенія»: «Любославъ» (въ 1818 г.) и «Александръ» (1819 г.). Эти разсказы вошли въ позднѣйшія изданія «Славянскія вечера». Въ 1814 году вышли первыя три части «Россійскаго Жилблаза»; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія, запретившее дальнѣйшее печатаніе этой книги въ виду ея безнравственности. Хотя романъ возбудилъ, по свидѣтельству Греча, интересъ, вызванный его запрещеніемъ, но онъ остался неопѣненнымъ до появленія «Исторіи Русской словесности» А. Д. Галахова, гдѣ находимъ краткую, но внимательную оцѣнку, какъ самого романа, такъ и его отношеній къ «Жилблазу» Лесажа, о чемъ нашъ авторъ только слегка упоминаетъ.

За то въ его распоряженіи была ненапечатанная и недоконченная часть «Россійскаго Жилблаза», которую, съ перепечатаніемъ уже изданнаго, намѣренъ былъ издать М. И. Семевскій; къ сожалѣнію за смертю его это предположеніе не было исполнено. Н. А. Бѣлозерская излагаетъ все содержаніе романа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился и въ печатномъ изданіи, и въ рукописи, и дѣлаетъ любопытныя указанія, какъ напр. сближаетъ описаніе жизни князей - однодворцевъ съ личными воспоминаніями Нарѣжнаго, или картину засѣданій масонской ложи съ извѣстіями интересной, но рѣдкой книги: «Voyage de deux Français» Р. 1796 г. и пѣсни—съ пѣснями, сохранившимися въ «Сборникѣ масонскихъ пѣсенъ» С.-Петербургской Публичной Библіотеки. Такимъ образомъ изложеніе Н. А. Бѣлозерской, уступая въ критической точности и обстоятельности соответствующимъ страницамъ «Исторіи Русской Словесности» А. Д. Галахова, имѣетъ всетаки свои большія достоинства и значительно облегчаетъ трудъ будущихъ изслѣдователей.

Неудача съ «Жилблaзомъ» надолго задержала появленіе произведеній Нарѣжнаго, ибо кромѣ помѣщенныхъ въ «Соревнователѣ» его разказовъ, сочиненія его не встрѣчаются до 1822 г., когда вышелъ «Аристѳонъ или перевоспитаніе». Романъ этотъ при всей невѣроятности своей фабулы, указанной и Галаховымъ, и нашимъ авторомъ, представляетъ любопытныя, хотя нѣсколько карикатурныя портреты и сосѣдей помѣщиковъ, и городскихъ учителей-педагоговъ, изъ которыхъ одинъ (Полихроній) посвятилъ три урока довременному хаосу. Нѣсколько смягчивъ карикатурныя черты, можно бы указать такихъ ученыхъ и позднѣе первой четверти вѣка. Н. А. Бѣлозерская совершенно напрасно приписываетъ В. И. Семевскому сближеніе нарѣженскаго Гарпагона (панъ Тараха) съ Плюшкинымъ. Сближеніе это сдѣлано въ 1887 г., а въ 1875 г. читаемъ у А. Д. Галахова: «въ чертахъ этого малорусскаго Гарпагона, набросанныхъ Нарѣжнымъ, замѣчается фамиліное сходство съ Гарпагономъ великорусскимъ, художественно представленнымъ въ лицѣ Плюшкина» («Ист. Русск. Слов.» II, 183, изд. 1-е). Близкое знакомство съ книгою А. Д. Галахова, до сихъ поръ ничѣмъ незамѣненною въ изложеніи литературы XVIII и начала XIX в., обязательно для всѣхъ интересующихся этою литературою.

Сборнику повѣстей Нарѣжнаго, вышедшему въ 1824 г., гдѣ помѣщены «Марія», «Гурецкій судъ», «Невѣста подъ замкомъ», «Богатый бѣднякъ», «Запорожець», «Заморскій принцъ», авторъ посвящаетъ обстоятельный разборъ. Говоря о «Маріи», біографъ

указываетъ, что въ этой повѣсти, не смотря на ея общее сентиментальное направленіе, представляются и черты дѣйствительности, именно изображеніе старой барской жизни, и реальныя лица: графъ, графиня. При сценахъ «Невѣсты подъ замкомъ», повторяющихъ старый сюжетъ Мольера и Бомарше объ уходѣ молодой дѣвушки отъ стараго опекуна, отразившійся и у насъ въ «Сбитеньщикѣ» Княжнина, указывается переработка этихъ сценъ въ раннемъ произведеніи Некрасова: «Шило въ мѣшкѣ не утаишь». «Богатый бѣднякъ» наводитъ на сближеніе съ дѣтскими воспоминаніями Нарѣжнаго и съ сохраненною преданіемъ романической исторіею его сестры. Въ «Запорожцѣ» отмѣчается знакомство Нарѣжнаго съ бытомъ запорожья, о которомъ какъ и о гетманщинѣ онъ могъ знать не по письменнымъ источникамъ, а по живому преданію. Невѣроятный фарсъ: «Заморскій принцъ» подаетъ поводъ къ сближенію съ «Ревизоромъ», впрочемъ сходство ихъ весьма отдаленное. Пользуясь этимъ случаемъ, біографъ представляетъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній объ отношеніи Гоголя къ Нарѣжному, произведенія котораго могли иногда служить ему пособіемъ и грубые очерки котораго онъ уже возводилъ въ «перлъ созданія». Это можетъ быть примѣнено и къ отношенію «Двухъ Ивановъ», къ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», и къ отношенію «Бурсака» къ «Вію». Можетъ быть намеки нашего автора на связь изображенія казачества у Нарѣжнаго и Гоголя тоже не лишены основанія. Кстати о Гоголѣ: критикъ «Современника» полагалъ, что ни Гофманъ, ни Тикъ не могли имѣть вліянія на Гоголя («Очерки критики Гоголевск. періода», 141), а между тѣмъ Н. С. Тихонравовъ ясно доказалъ, что «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» передѣлана подъ вліяніемъ повѣсти Тика: «Чары любви», переведенной въ «Телескопѣ». (Соч. Гоголя, I, 533 и слѣд.).

Въ 1824 г. вышелъ «Бурсакъ». О немъ въ занимающей насъ книгѣ встрѣчаемъ обстоятельное изложеніе. Критикъ останавливается прежде всего на изображеніи бурсы, въ которомъ видитъ какъ мы уже замѣтили, воспроизведеніе личныхъ воспоминаній Нарѣжнаго. Бурса въ «Віи» конечно является отголоскомъ «Бурсака». Эта же сторона романа до сихъ поръ интересуетъ читателя и дѣйствительно, насколько извѣстны школы въ старой Польшѣ и и ихъ подражаніе малороссійскія, а позднѣе и великорусскія, школы, картина, набросанная Нарѣжнымъ, вѣрна дѣйствительности. Другою интересною стороною «Бурсака» является въ изложеніи Н. А. Бѣлозерской изображеніе нравовъ гетманщины, правда,

обставленное вымышленными фактами (такъ вмѣсто Хмельницкаго гетманомъ является Никодимъ) и запутанными приключеніями, въ чемъ Нарѣжнѣйшій отдалъ дань своему времени, повторяя романы съ приключеніями, а также взгляду на поэтическое воспроизведеніе историческихъ событій, освященному между прочимъ даже примѣромъ «Марыи посадницы». Разбирая «Бурсака», авторъ приводитъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мнѣніе о немъ критики того времени. За это нельзя не поблагодарить его, ибо кому же неясна польза ознакомленія со взглядами современниковъ на литературныя произведенія.

Послѣднимъ напечатаннымъ произведеніемъ Нарѣжнаго былъ романъ: «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ», появившійся за двѣ недѣли до смерти автора. Н. А. Бѣлозерская указываетъ въ этомъ романѣ на самобытную и подражательную часть, относя къ послѣдней запутанную интригу и правоучительное окончаніе. Самобытною частью авторъ справедливо считаетъ сюжетъ: тяжбу, ибо страсть тягаться сильна въ Малороссіи, и лица вѣрны дѣйствительности.

Нарѣжнѣйшій скончался 21-го іюня 1826 г. Современные журналы почти не упомянули объ его смерти. Есть извѣстіе, которое авторъ считаетъ требующимъ подтвержденія, будто бы онъ «былъ подобранъ пьяный, въ безчувственномъ состояніи подъ заборомъ». Если это правда, то этимъ объясняется молчаніе журналовъ.

Послѣ него осталось рукописное начало романа «Гаркуша», съ содержаніемъ котораго насъ знакомитъ Н. А. Бѣлозерская. Книга ея заканчивается краткою, но вѣрною характеристикою литературнаго значенія Нарѣжнаго. Книгу сопровождаютъ многочисленныя примѣчанія, официальные акты, касающіеся жизни Нарѣжнаго, и хронологическій списокъ его сочиненій.

Слѣдя шагъ за шагомъ за изложеніемъ Н. А. Бѣлозерской, мы приходимъ къ убѣжденію, что ею употреблено много труда: было просмотрѣно все, что только нужно просмотрѣть, отчего трудъ ея вполне вознагражденъ, такъ какъ ей удалось освѣтить ярче, чѣмъ было прежде, значеніе литературной дѣятельности Нарѣжнаго въ связи съ его біографіей. Если общій характеръ литературы той эпохи и того общества остается еще не вполне выясненнымъ, то это задача новыхъ труженниковъ. Намъ авторъ нашелъ только указанія, конечно очень плодотворныя, но самъ принужденъ былъ дѣлать обширныя разысканія. Вотъ почему считаемъ вполне справедливымъ ходатайствовать о присужденіи г-жѣ Бѣлозерской второй Уваровской награды.



V.

РАЗБОРЪ КНИГИ А. КАРНѢВА «МАТЕРИАЛЫ И ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ФИЗИОЛОГА»,

составленный орд. акад. Н. В. Ягичемъ.

Трудъ г. Карнѣва представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей литературѣ, небогатой монографическими изслѣдованіями. Онъ занимается сравнительнымъ изученіемъ одного вопроса средневѣковой христіанской литературы, въ которомъ и русская словесность принимала участіе наравнѣ съ многими другими литературами востока и запада. Это — судьба такъ называемаго *Физиолога*. Изслѣдованіе этого памятника въ полномъ объемѣ принадлежитъ къ самымъ сложнымъ и трудно исполнимымъ задачамъ. Но удачный выборъ какой-либо части цѣлаго можетъ увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ и въ то же время оказать большую услугу цѣлому. Такъ и поступили нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, посвятившіе свое вниманіе *Физиологу*. Одни стали изучать преимущественно греческіе или латинскіе, другіе—восточные, третьи—западноевропейскіе тексты его. Конечно, каждый изъ нихъ старался не потерять изъ виду естественныхъ сношеній между отдѣльными частями и цѣлымъ. Такимъ образомъ вопросъ о *Физиологѣ* въ новѣйшее время значительно выдвинулся и для многихъ литературъ пріобрѣлъ большой научный интересъ. Время отъ времени появлялись также ориентирующія статьи общаго содержанія, собиравшія совокупность вопросовъ въ одно

систематическое обозрѣніе. Ими поддерживалась связь между отдѣльными частями и въ то же время указывалось на пробѣлы въ изслѣдованіяхъ.

Весь этотъ ходъ занятій по вопросу о Физиологѣ совершался до сихъ поръ почти исключительно на почвѣ иностранныхъ литературъ, участіе наше было крайне ничтожное. Но этими образцами чужой дѣятельности былъ ясно намѣченъ путь, по которому слѣдовало русскому ученому направить свои занятія по тому же вопросу, если онъ со своей стороны пожелалъ способствовать къ освѣщенію той или другой еще темной стороны его. Г. Карнѣевъ внялъ этому указанію. Взявшись за изученіе этого предмета, онъ вскорѣ убѣдился въ томъ, что въ русской ученой литературѣ давно уже напрашивается на подробное изслѣдованіе Физиологъ въ различныхъ редакціяхъ славянскаго перевода, отчасти изданнаго, но не разобраннаго, отчасти же даже и неизданнаго. Какъ послѣдствія доказали, обильная жатва ожидала его. Въ похвалу ему мы должны сказать, что онъ не пожалѣлъ труда и большихъ усилій, за то и сочиненіе его вышло богатое результатами.

Укажу сначала на самое существенное. Г. Карнѣеву по-счастливолось отыскать полный русско-славянскій списокъ Физиолога въ той редакціи, которую мы, по соображеніямъ, излагаемымъ въ этомъ сочиненіи, въ правѣ считать древнѣйшею. О существованіи подобной редакціи до сихъ поръ не было ничего извѣстно, хотя общія указанія на славянскіе тексты Физиолога сдѣланы уже раньше въ изслѣдованіяхъ Ѳ. И. Буслаева, А. Н. Веселовскаго, Н. С. Тихонравова, Н. Баталина и др. Текстъ, найденный г. Карнѣевымъ въ рукописи XV столѣтія Троице-Сергіевой Лавры, изданъ имъ въ разбираемомъ здѣсь сочиненіи по упомянутому списку, обозначенному у него буквою А, и къ нему прибавлены разночтенія изъ двухъ другихъ списковъ той же редакціи, изъ рукописи Кирилло-Бѣлозерской (въ которой текстъ даже нѣсколько старше, чѣмъ въ А, но послѣднія главы его здѣсь утрачены) и изъ рукописи Новгородской Софійской бібліотеки (здѣсь сохранился только отрывокъ текста).

Г. Карнѣевъ изучилъ кромѣ того еще два русскіе списка Фیزیолога, не представляющіе уже той старшей редакціи, а примыкающіе къ греческимъ текстамъ позднѣйшаго типа. Оба изданы въ приложеніяхъ къ его сочиненію, одинъ по списку Царскаго, XVI вѣка, другой по списку Румянцовскаго музея, изъ собранія Дурова, тоже XVI вѣка.

Итакъ сочиненіе г. Карнѣева дало намъ, помимо всѣхъ прочихъ результатовъ, добытыхъ его изслѣдованіемъ, еще три славянскіе текста Фیزیолога, о которыхъ славянская наука или ничего не знала, или знала немного лишь по наслышкѣ. Скажу кстати, что всѣ эти тексты, на сколько я могу судить, напечатаны аккуратно и точно; не могу только увидѣть, какую пользу можетъ принести безтолковая интерпункція подлинниковъ, которую, не знаю почему, авторъ счелъ нужнымъ оставить нетронутою. Раціонально поставленные знаки препинанія во всякомъ случаѣ облегчили бы пониманіе текста.

Счастливою находкою полного славянскаго Фیزیолога древнѣйшей редакціи было намѣчено направленіе изслѣдованія. Найденный списокъ, на ряду съ однимъ греческимъ текстомъ той же редакціи (о немъ рѣчь впереди), внушилъ автору новую надежду на разрѣшеніе вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между различными редакціями Фیزیолога. И этотъ вопросъ былъ, правда, уже раньше затрогиваемъ разными изслѣдователями, но безъ преувеличенія можно утверждать, что никто доселѣ не окинулъ однимъ взоромъ столь обширную литературу, никто не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ въ столь широкихъ размѣрахъ, въ особенности если принять въ расчетъ важное звено славянское. Случайно вышло такъ, что одновременно съ сочиненіемъ г. Карнѣева появилась въ свѣтъ также книга Лаухерта: *Geschichte des Physiologus*. Она преслѣдуетъ отчасти тѣ же цѣли. Параллель напрашивается сама собою. Я не затрудняюсь высказать мое убѣжденіе, что трудъ г. Карнѣева превзошелъ сочиненіе нѣмецкаго ученаго широтою взглядовъ, внимательнымъ изученіемъ всѣхъ мелчайшихъ подробностей и, ко-

нечно, расширеніемъ задачи до естественныхъ предѣловъ ея, именно внесеніемъ элемента славянскаго. Въ одномъ только трудѣ русскаго ученаго уступаетъ нѣмецкому сочиненію, въ умѣньи излагать предметъ наглядно и отчетливо, стало быть, въ совершенствѣ формальномъ.

Какъ я уже замѣтилъ, главная задача сочиненія г. Карнѣева сосредоточена въ сравнительномъ анализѣ важнѣйшихъ рецензій Физиолога съ цѣлью точнаго опредѣленія старшаго типа его. Этой задачѣ посвящена большая половина сочиненія, страницы 161—392. Все предшествующее служитъ введеніемъ и приготовленіемъ къ этой части изслѣдованія. Анализъ распространяется на 49 главъ Физиолога, слѣдуя въ этомъ порядку и составу главъ славянскаго списка. Текстъ его выставленъ въ каждой главѣ на первомъ мѣстѣ, онъ послужилъ исходной точкой для послѣдующихъ сравненій. Предпочтеніе, данное этому распорядку главъ, вытекало прямо изъ убѣжденія г. Карнѣева, что въ найденномъ русско-славянскомъ текстѣ, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражается сравнительно древнѣйшій типъ греческаго Физиолога. Если спросить, какимъ путемъ авторъ дошелъ до этого убѣжденія, на это даетъ отвѣтъ и объясненіе первая часть сочиненія, въ которой изложена судьба Физиолога въ наукѣ, т. е. обзоръ научной разработки всѣхъ вопросовъ, затрогивающихъ этотъ памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства въ различныхъ литературахъ. Въ этой части своего труда г. Карнѣевъ выступаетъ какъ докладчикъ чужихъ взглядовъ и критическій обозрѣватель, но и здѣсь видны большія достоинства его сочиненія: обзорѣніе коснулось, за небольшими исключеніями, всѣхъ важнѣйшихъ литературныхъ произведеній по Физиологу, и оцѣнка ихъ сдѣлана съ большою внимательностью. Я долженъ вкратцѣ коснуться и этой части сочиненія, потому что намѣренъ на иные отзывы сдѣлать небольшіе замѣчанія.

Обозрѣніе начинается съ критики старшаго изданія греческаго текста, напечатаннаго испанцемъ Luis Ponce de Leon. Совершенно справедливо ставится ему въ упрекъ, что онъ напечаталъ

не какой-либо одинъ текстъ, а сводную редакцію изъ различныхъ списковъ, принадлежащихъ по большей части къ позднѣйшему типу греческаго текста (стр. 59). Къ изданію сирійскаго текста въ сочиненіи Тихзена (иногда фамилія автора Tichsen цитруется ошибочно въ формѣ Типень) вѣрно замѣчено, что отсутствіе въ немъ символическаго толкованія не доказываетъ того, что хотѣлъ выводить самъ издатель изъ этого случайнаго обстоятельства (стр. 66). Въ нашемъ столѣтіи продолжались какъ изданія текстовъ, такъ и научныя изслѣдованія Физиолога; они приводятся и обсуждаются въ хронологическомъ порядкѣ; въ каждомъ изъ нихъ г. Карнѣевъ обращаетъ преимущественно вниманіе на вопросы о происхожденіи Физиолога и о генетическихъ отношеніяхъ между отдѣльными текстами. Поэтому едва-ли было нужно на стр. 68 дѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Подробное разсмотрѣніе вопросовъ о первичномъ характерѣ Физиолога, эпохѣ его составленія и родинѣ, въ виду особой важности этихъ вопросовъ, могло бы составить содержаніе специальной главы». Изъ разныхъ отзывовъ г. Карнѣева не трудно убѣдиться, въ какую сторону клонятся его взгляды. Хотя онъ иногда даже черезчуръ осторожно оговариваетъ свою точку зрѣнія, что у него-де на первомъ планѣ «тогъ зоологическій матеріалъ, на которомъ остановились александрійскіе катехеты въ цѣляхъ эксегезы истинъ вѣроученія», и что «судьба этого зоологическаго матеріала, избраннаго изъ древняго языческаго Физиолога отцами церкви, составляетъ ближайшую задачу его изслѣдованія», — все же въ самой этой стилизаціи оговорокъ видно опредѣленное направленіе, замѣтно уже рѣшеніе вопросовъ въ смыслѣ ученія новѣйшихъ изслѣдователей. Я не понимаю даже, какъ можно бы интересоваться «судьбою» Физиолога, не затронувъ вопросовъ о первичномъ характерѣ, объ эпохѣ составленія и о родинѣ этого памятника. Правда, «разобраться въ хаосъ противорѣчивыхъ мнѣній» — дѣло нелегкое (стр. 73), но въ томъ-то и состоитъ заслуга ученаго изслѣдованія, что оно берется за рѣшеніе вопросовъ нелегкихъ. Говорю это не въ упрекъ автору; напротивъ, по моему, онъ тѣмъ и заслужи-

ваетъ большаго одобренія со стороны критики, что онъ не отклонилъ отъ себя критическаго разсмотрѣнiя хоть бы одной части вопросовъ по Физиологу. Когда же онъ излагаетъ намъ «эмбриологию» Физиолога, хотя бы по взглядамъ Нирреау (стр. 75—6), или же когда онъ повторяетъ со словъ новѣйшихъ изслѣдователей, что «первая христіанская обработка Физиолога состояла въ символическомъ истолкованіи баснословныхъ свойствъ животныхъ» (стр. 78), и что «внѣ этихъ толкованій» не существовало древне-христіанскаго Физиолога», что «лишь языческій Физиологъ, легшій въ основаніе христіанскаго Физиолога, существовалъ въ видѣ самостоятельнаго зоологическаго трактата» (стр. 79), — то мы могли бы спросить: что такое эти слова, какъ не отвѣтъ на вопросъ о первичномъ характерѣ Физиолога?

Разысканія французскаго ученаго Кайе важны главнымъ образомъ для латинскихъ текстовъ, а изысканія Питры для греческихъ. Отзывъ о послѣднемъ высказанъ не совсѣмъ опредѣленно: его сочиненіе, по мнѣнію г. Карнѣева, «вовсе не оказывается столь плохимъ, какъ полагали о немъ нѣкоторые изслѣдователи» (стр. 83). И только! Справедливѣе сказано на стр. 87: «во всякомъ случаѣ трудъ Питры по изданію греческаго текста представляется въ общемъ весьма добросовѣстнымъ». Въ этомъ отзывѣ высказана полная правда. Хотя въ послѣднее время появились новыя пособія и по греческому тексту Физиолога, но какъ было бы намъ обойтись безъ богатаго матеріала, подобранаго въ изданіи Питры? А если между прочимъ ставится въ упрекъ Питрѣ, что онъ не рѣшилъ вопроса, «что слѣдуетъ разумѣть подъ наименованіемъ Физиолога», — то я могъ бы спросить: имѣется ли точный отвѣтъ на этотъ вопросъ и нынѣ?

На стр. 91 авторъ передаетъ повидимому не только взглядъ большинства «серьезныхъ изслѣдователей», но и свой собственный, соглашаясь съ упомянутымъ большинствомъ въ томъ, что Физиологъ сложился такъ: «церковные писатели, катехеты и пр., независимо одинъ отъ другаго, утилизировали физиологическую сагу въ качествѣ подручнаго матеріала для символическихъ тол-

кованій, которыя и были собраны въ послѣдствіи *анонимнымъ компиляторомъ*: эта компиляція послужила прототипомъ *Физиолога*. Съ этими словами я не умѣю вполне согласовать то, что сказано на стр. 96 въ примѣчаніи: «мы (т. е. г. Карнѣевъ) стоимъ за *коллективное* составленіе *Физиолога*, а не за *единоличное* авторство, слѣдуя въ этомъ Ланду, Нотшел'ю и проч.». Какъ это понимать? По первому объясненію, символическія толкованія были собраны *однимъ* компиляторомъ, по второму же—отрицается *единоличное* авторство? Не виновата ли въ этомъ мнимомъ противорѣчій неточность выраженія? Вѣроятно, и г. Карнѣевъ не станетъ отрицать *единоличнаго* авторства, если подъ этимъ разумѣть именно послѣдняго анонимнаго компилятора. Мнѣ по крайней мѣрѣ сдается, что *единство* приемовъ, наблюдаемыхъ въ отдѣльныхъ главахъ, въ изложеніи какъ повѣствовательнаго, такъ и символическаго матеріала, лучше и легче объясняется при предположеніи *одного* анонимнаго автора. Матеріалъ, конечно, накоплялся въ теченіе времени, при участіи многихъ и разныхъ лицъ, но окончательная отдѣлка этого матеріала по приемамъ, отражающимся еще нынѣ въ старшей редакціи греческаго *Физиолога*, принадлежитъ, по всей видимости, *одному* лицу и *одному* акту дѣятельности,—нужды нѣтъ, что ни объемъ первой отдѣлки, ни лицо сочинителя не могутъ быть съ точностью указаны.

Продолжая исторію *Физиолога*, г. Карнѣевъ останавливается на очень содержательномъ этюдѣ Коллоффа, выставляетъ между прочими достоинствами его и то, что онъ «строго отличалъ Бестиарій отъ *Физиолога*» (стр. 98), но эта попытка еще не удовлетворяетъ нашего автора. Въ этомъ отношеніи онъ даже слишкомъ требователенъ. Онъ возвращается къ вопросу, что такое *Физиологъ* и что Бестиарій, еще нѣсколько разъ, не только въ разбираемомъ здѣсь сочиненіи, но также въ рецензіи на книгу Лаухерта (въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1890, январская книжка); но я долженъ сознаться, что доводы г. Карнѣева не могли убѣдить меня. По моему, его взглядъ и дефиниція *Фи-*

зіолога слишкомъ узки и примѣнимы только къ одному старшему типу этого памятника. Впрочемъ къ этому вопросу я долженъ буду еще возвратиться. Въ статьѣ В. Каруса о Физиологѣ, въ сочиненіи *Geschichte der Zoologie*, понравилась нашему автору болѣе всего попытка установленія генетическихъ отношеній между наличными редакціями Физиолога; онъ интересуется постановкою этого вопроса потому, что она составляетъ главную часть его собственнаго сочиненія. Но, понятное дѣло, при средствахъ, которыми располагалъ Карусъ, его результаты не могли выйти удовлетворительными. Лучше удалось рѣшеніе этого вопроса двумъ новѣйшимъ изслѣдователямъ восточныхъ изводовъ Физиолога, Ланду и Гоммелю. Первому авторъ воздаетъ похвалу за «основаніе научной разработки вопроса о генеалогіи текста» (стр. 113), второй же — по мнѣнію г. Карнѣева — рѣшительно способствовалъ къ опредѣленію старшаго типа Физиолога (122—124). Оба сочиненія, первое о сирійскомъ, второе объ эіопскомъ текстѣ Физиолога, разобрали критически два восточные перевода Физиолога, которымъ принадлежитъ чуть ли не первенство между всѣми изводами съ греческаго подлинника; поэтому результаты этихъ сочиненій должны были существенно повліять на опредѣленіе древнѣйшаго типа. Не будь изслѣдованій Ланда и Гоммеля, результаты которыхъ къ счастью очень близко сходятся въ указаніи одного типа греческаго Физиолога какъ его первообраза, даже великолѣпныя находки г. Карнѣева не имѣли бы рѣшающаго значенія. Трудъ его явился въ пору именно потому, что ему предшествовали Ландъ и Гоммель.

Не буду дальше слѣдить за историческимъ обзорѣніемъ г. Карнѣева, въ немъ есть даже кое-что лишнее. Напримеръ, едва ли стоило подробно разбирать такія статьи, какъ Аренса, о которомъ самъ авторъ отзывается такъ: «статья Аренса вноситъ лишь ненужныя недоразумѣнія въ научную разработку литературной исторіи Физиолога» (135). Но есть въ этой части сочиненія г. Карнѣева также недосмотры и пробы. Не придаю значенія пропуску относительно статьи проф.

Гебауера въ *Listy filologické* 1877, IV, 69—94: для даннаго вопроса она не имѣетъ значенія. Важнѣе и чувствительнѣе пробѣлы по вопросу о южнославянскомъ Физиологѣ. Г. Карнѣевъ зналъ сначала только о существованіи моего изданія одного сербскаго относящагося сюда текста, напечатаннаго въ III книжкѣ *Književnik*-а, новое, полное изданіе того же текста, вышедшее въ 1879 году въ XI книжкѣ «*Starine*» ускользнуло, къ сожалѣнію, отъ его вниманія. Это незнакомство съ полнымъ текстомъ отразилось невыгодно на ходѣ изслѣдованія г. Карнѣева, во второй части его, которая вслѣдствіе того вышла не такъ полна, какъ могла бы при похвальномъ усердіи автора. И объ этомъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже. Нельзя также не пожалѣть, что г. Карнѣеву не было извѣстно разсужденіе М. Гастера о румынскомъ Физиологѣ, напечатанное въ X томѣ «*Archivio glottologico italiano*» профессора Асколи (въ 1886—1888 г.), стр. 273—304. Близость отношеніи между румынскою литературою и южнославянскими (болгарскою, сербскою) съ одной стороны, и съ русскою съ другой, позволяетъ уже впередъ предполагать, что Физиологъ румынскій не далеко отстуетъ отъ той или другой редакціи славянскаго текста. Такъ и выходитъ на дѣлѣ. Сличеніе г. Поливки, которое является очень цѣннымъ дополненіемъ книги г. Карнѣева (оно напечатано въ XIV и XV томахъ моего журнала «*Archiv für slavische Philologie*») доказало большое сходство въ многихъ подробностяхъ между Физиологомъ румынскимъ и славянскимъ по списку Царскаго.

Во второй главѣ сочиненія г. Карнѣева, примыкающей къ анализу Физиолога какъ непосредственное введеніе къ нему, сдѣланы «перечень и описаніе текстовъ», а потомъ прибавлены и «выводы». Все это приведено въ исполненіе на стр. 141—160, что, въ сравненіи съ очень обширнымъ изложеніемъ исторіи вопроса, поражаетъ неожиданною сжатостію. Мы приступаемъ къ чтенію этихъ страницъ какъ-то неподготовленные, слѣдимъ внимательно за изложеніемъ автора, но не видимъ подробныхъ доказательствъ, почему все имъ излагаемое непременно должно быть

такъ, какъ онъ намъ рассказываетъ. Все это производитъ на насъ впечатлѣннѣе изложенія догматическаго. Еслибъ авторъ большую часть этого изложенія помѣстилъ ниже, т. е. за анализомъ Физіолога, то аргументація его, смѣю думать, вышла бы несравненно удобопонятнѣе и въ то же время убѣдительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно говорить, напримѣръ, о выводахъ раньше анализа, на которомъ построены выводы? Вотъ гдѣ по моему высказался упомянутый выше формальный недостатокъ сочиненія русскаго ученаго.

Г. Карнѣевъ создаетъ изъ массы текстовъ Физіолога, греческихъ и латинскихъ, славянскихъ и восточныхъ, четыре различныя редакціи или рецензіи. Онъ говоритъ и тутъ о своей попыткѣ очень скромно: «Не думая мечтать объ указаніи признаковъ исконнаго текста Физіолога эллинско-александрійской редакціи, я полагаю возможнымъ попытаться указать среди дошедшихъ до насъ рецензій Физіолога сравнительно древнѣйшій типъ нашего памятника» (141). Мы съ этимъ вполне согласны, пока рѣчь идетъ только о сравнительно древнѣйшемъ типѣ; прибавимъ отъ себя, что эта попытка отыскать между наличными редакціями древнѣйшую удалась автору вполне. Да она, какъ уже выше замѣчено, послѣ изслѣдованій Ланда и Гоммеля и послѣ находокъ, сдѣланныхъ самимъ авторомъ, и не представляла никакихъ особенныхъ трудностей: достаточно было внимательнаго сличенія. Другое дѣло — различить именно четыре редакціи, ни болѣе ни менѣе, т. е. помимо первой, старшей редакціи, особеніе которой не представлялось очень труднымъ, найти и выдѣлить во всѣхъ прочихъ текстахъ Физіолога, количество которыхъ почти необозримое, еще три различныя типа, отличающіеся не только отъ перваго, но и между собою, другъ отъ друга. Удалось ли автору и это? Признаюсь, я не могу отмѣтить утвердительно. Я не вижу для этого вполне убѣдительныхъ доказательствъ; не нахожу ихъ ни въ началѣ второй главы, ни въ подробномъ анализѣ всѣхъ 49 главъ. Вотъ чтò говоритъ самъ авторъ: «Ближе всего къ первой группѣ стоятъ вторая и третья рецензіи: четвертая рецензія

значительно расходятся съ названными тремя» (стр. 141). Уже это дѣленіе не отличается опредѣленностью. Еще менѣе удовлетворяет попытка отличить вторую редакцію отъ третьей: «Изъ нѣсколько дифференцировавшейся первой рецензіи развились вторая и третья рецензіи Физиолога. Вторая рецензія, въ общемъ, стоитъ ближе къ первой группѣ, нежели третья, хотя послѣдняя, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, заключаетъ черты древнѣйшія» (стр. 149). О третьей рецензіи читаемъ еще на стр. 154 слѣдующее: «Несходства ея съ первой группой большею частью тождественны несходствамъ второй рецензіи. Это послѣднее обстоятельство позволяетъ предположить, что нѣкогда вторая и третья группы восходили къ одной общей семьѣ». Согласитесь, что эти поясненія не заключаютъ въ себѣ очень много убѣдительности. Впрочемъ можно согласиться на двѣ рецензіи, или же нѣтъ, требовать соединенія второй и третьей въ одну: это не такъ важно. Точно такъ не важно, что авторъ для всѣхъ остальныхъ разновидностей, выходящихъ наружу помимо этихъ двухъ или трехъ старшихъ редакцій, устанавливаетъ лишь одну, четвертую рецензію. А между тѣмъ, при болѣе подробномъ изученіи относящихся сюда текстовъ, быть можетъ, изъ одной четвертой рецензіи разовьются новыя двѣ, три или четыре! Вѣдь авторъ самъ признаетъ, что позднѣйшія рецензіи «только до извѣстной степени могутъ быть совмѣщены въ одной группѣ» (стр. 155). Мы постараемся въ послѣдствіи напомнить автору эти слова.

Гораздо важнѣе спросить: на какихъ основаніяхъ создано это дѣленіе текстовъ? По собственнымъ словамъ г. Карнѣева, «главнымъ основаніемъ такого раздѣленія являются внутреннія отличія въ содержаніи, въ инвентарѣ, въ способѣ изложенія, смыслѣ и т. п.; наряду съ этого рода отличіемъ стоятъ внѣшніе признаки (порядокъ главъ)» (стр. 143). Къ сожалѣнію, и это лишь голословныя положенія безъ фактическихъ указаній; даже примѣты самой важной редакціи, первой или старшей, не обставлены подробными доказательствами. Мы читаемъ о нихъ слѣдующее разсужденіе: «Отличительные признаки этой (т. е. первой, стар-

шей) группы состоятъ въ слѣдующемъ: а) особый распорядокъ матеріала; б) исключительно этой группѣ принадлежащія главы; с) исключительно ей принадлежащія подробности извѣстныхъ сказаній; д) тождество символическихъ примѣненій, значительно разнящихся отъ соотвѣтствующихъ подробностей прочихъ группъ; е) отсутствіе извѣстныхъ сказаній (стр. 143). Не говоря уже о томъ, что эта характеристика составлена изъ положеній, доказательства для которыхъ разсѣяны по отдѣльнымъ главамъ въ анализѣ, — большая часть приводимыхъ здѣсь признаковъ вовсе не оправдываетъ выше сдѣланнаго опредѣленія, по которому главнымъ основаніемъ для классификаціи текстовъ должны служить отличія внутреннія. Изъ пяти пунктовъ, приводимыхъ здѣсь для характеристики, три: а), б) и е) принадлежатъ вовсе не къ внутреннимъ отличіямъ, а относятся къ признакамъ вѣшнымъ, которые должны стоять на второмъ планѣ, имѣя лишь аксессуарное значеніе. Остаются только примѣты подъ с) и д), но и онѣ высказаны только въ общихъ словахъ, безъ подробныхъ поясненій. То, что сказано подъ д), не можетъ даже претендовать на удобопонятность. Авторъ хотѣлъ, должно быть, сказать, что не только въ повѣствовательной части, но и въ символическихъ толкованіяхъ, первая редакція имѣетъ свои особенности, присущія ей одной. Это вѣрно; жаль только, что не представлено къ тому нѣсколько подходящихъ примѣровъ.

Я нахожу причину этой не вполне удовлетворительной передачи общихъ соображеній не въ отсутствіи аргументовъ, а въ неумѣннн группировать ихъ и выставить на показъ тамъ, гдѣ они нужны. Авторъ самъ сознаетъ свой промахъ тѣмъ, что отсылаетъ читателя къ «подробнымъ соображеніямъ, представленнымъ въ спеціальной части». Не слѣдовало однакожъ запутывать аргументы въ кучу мелочныхъ подробностей, изъ которыхъ сложились отдѣльныя главы анализа, переполненнаго, пожалуй, необходимыми, но, правду сказать, нѣсколько утомительными сравненіями, указаніями различій, пропусковъ, добавленій, замѣнъ и т. п. Кто внимательно изучилъ эту спеціальную часть — а въ ней-то

сосредоточено главное достоинство сочиненія — тотъ въ концѣ концовъ будетъ готовъ согласиться, что автору вполне удалось точное опредѣленіе по крайней мѣрѣ старшаго типа Физиолога; но не такъ-то легко будетъ ему вынудить у читателя согласіе на всѣ прочіе пункты предлагаемой аргументаціи. Книга г. Карнѣева, какъ я уже замѣтилъ и здѣсь долженъ повторить, не можетъ похвалиться наглядностью изложенія: она не отдѣлана окончательно, въ ней попадаются въ различныхъ частяхъ различныя оговорки, поправки, дополненія или измѣненія. Замѣчанія самаго важнаго свойства сдѣланы иногда вскользь, какъ бы по случаю и мимоходомъ. Напримѣръ, на стр. 195 сказано: «Кстати отмѣчаемъ одинъ изъ признаковъ древнѣйшей редакціи: начало извѣстныхъ главъ съ какого-либо священнаго текста». Замѣчаніе это вѣрно и важно, но — во первыхъ, о такой важной примѣтѣ для старшей редакціи Физиолога слѣдовало упомянуть выше, тамъ гдѣ по пунктамъ обрисовывалась характеристика первой группы текстовъ; во вторыхъ же, объ этомъ была уже рѣчь на стр. 189, гдѣ сказано: «Всѣ списки первой группы начинаютъ главу (рѣчь идетъ о 4-ой главѣ) священнымъ текстомъ: такъ начиналась первая глава, такъ же начинаются и многія изъ послѣдующихъ главъ». Итакъ два раза упоминается объ одномъ и томъ же, и при томъ оба раза собственно не у мѣста!

Несмотря на эти недостатки, не затрогивающіе, къ счастью, существенныхъ сторонъ вопроса, сочиненіе г. Карнѣева есть трудъ весьма почтенный. Оно не должно остаться незамѣченнымъ въ обширной литературѣ о Физиологѣ. Результаты, выводимые изслѣдованіемъ русскаго ученаго, были, правда, въ значительной мѣрѣ подготовлены уже предшествовавшими разысканіями; но и послѣ того, какъ изданіями Кайе и Питры положены прочныя основанія для греческаго и латинскаго текстовъ Физиолога, и послѣ того, какъ изслѣдованіями Ланда и Гоммеля вновь и точнѣе опредѣлены отношенія восточныхъ переводовъ къ греческому подлиннику, все еще не доставало подробнаго разбора славян-

скаго перевода. Вотъ эту-то задачу и выполнилъ г. Карнѣевъ, расширивъ ее въ общій для цѣлаго Физіолога очень важный вопросъ о древнѣйшемъ типѣ этого памятника. И на этотъ вопросъ полученъ нынѣ очень удовлетворительный отвѣтъ, который можетъ съ полнымъ правомъ рассчитывать на сочувствіе и согласіе со стороны компетентныхъ судей по этому международному литературному вопросу. Два обстоятельства способствовали въ высокой степени къ удачному рѣшенію. Во-первыхъ, задача была значительно упрощена тѣмъ, что найденный г. Карнѣевымъ русскій списокъ поразительно вѣрно передаетъ всѣ особенности греческаго текста древнѣйшей рецензии и соперничаетъ въ этомъ отношеніи съ лучшими текстами латинскаго извода и восточныхъ переводовъ (эіопскаго, сирійскаго). Во-вторыхъ же, г. Карнѣеву удалось кстати сдѣлать еще одно немаловажное открытіе. Онъ нашелъ въ Московской Синодальной библіотекѣ еще одинъ доселѣ неизвѣстный греческій текстъ Физіолога, принадлежащій, судя по составу и распорядку главъ и изложенію всѣхъ подробностей, безспорно къ той редакціи, которую нынѣ принято считать старшею. Этотъ текстъ, по наблюденіямъ г. Карнѣева, изучившаго его очень подробно, подходит иногда гораздо ближе къ теоретически возстановляемому первообразу Физіолога, чѣмъ списокъ А у Питры. Имъ подтверждаются нерѣдко чтенія славянскаго и даже эіопскаго перевода тамъ, гдѣ списокъ А уже уклонился въ сторону. Какъ жаль, что г. Карнѣевъ упустилъ случай издать этотъ греческій текстъ рядомъ со столь близкимъ къ нему славянскимъ. Но и тутъ онъ страннымъ образомъ предпочиталъ ссылаться на новый важный источникъ въ разбивку и такимъ способомъ ослабилъ значеніе не только его, но и своего сочиненія ¹⁾!

Подробный анализъ въ главахъ, на которыя уже указывалось какъ на существенную часть сочиненія, не ограничивается

¹⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ разборъ, г. Карнѣевъ восполнилъ очень удачно упомянутый здѣсь пробѣлъ въ *Byzantinische Zeitschrift*.

только внимательнымъ сравненіемъ славянскаго перевода съ греческимъ подлинникомъ старшаго типа; онъ входитъ также въ подробности всѣхъ прочихъ текстовъ негреческихъ, но поддерживающихъ старшій типъ, именно: латинскаго, эѳіопскаго, сирійскаго. Чрезъ это сравненіе получаютъ новыя данныя для взаимныхъ отношеній разныхъ переводовъ между собою и къ греческому подлиннику. Но анализъ автора идетъ еще дальше, онъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію также всѣ прочія редакціи, представляющія, какъ видно, отчасти только небольшія видоизмѣненія текстовъ старшаго типа, отчасти же совсѣмъ новыя мотивы, то въ замѣнъ прежнихъ, то въ придачу имъ. Провѣряя этотъ богатый сводъ сравненій, я легко убѣдился въ большой аккуратности и добросовѣстности этой кропотливой работы г. Карнѣева. Тутъ вы найдете очень много дѣльныхъ замѣтокъ и соображеній. Иныя главы разрослись у автора до размѣра отдѣльныхъ, тщательно разработанныхъ монографій — тамъ, гдѣ сказанія касались животныхъ, пользующихся литературною популярностью. Такъ напримѣръ, сказаніе о львѣ разобрано на 16 страницахъ, о ласкѣ на 14 страницахъ, о змѣѣ, муравьѣ и лисѣ на 10 страницахъ, о слонѣ на 9 страницахъ, о фениксѣ на 8 страницахъ. Наконецъ, анализъ автора не довольствовался еще всѣмъ этимъ физиологическимъ матеріаломъ; онъ затрогивалъ также другіе памятники русской словесности, въ которыхъ попадаются цѣльные отрывки изъ Физиолога, напримѣръ, Толковую Палею, Азбуковники, Шестодневы, и т. п.

Отдавая полную справедливость богатству всѣхъ возможныхъ указаній въ сравнительномъ анализѣ, я жалѣю только объ одномъ. Какъ уже выше замѣчено, я не могу согласиться съ г. Карнѣевымъ на счетъ дефиниціи Физиолога. По моему, это названіе не должно быть понимаемо въ столь узкомъ значеніи, что только тексты старшаго типа укладываются въ рамку Физиолога. Такъ или немного шире понимаетъ г. Карнѣевъ названіе «Физиологъ», вслѣдствіе чего у него выходитъ, что у южныхъ славянъ никогда и не было Физиолога, если не принять

въ расчетъ, что и русскій списокъ XV вѣка, по мнѣнію г. Карнѣва, южнославянскаго, собственно болгарскаго происхожденія. Тѣ же тексты, которые мы привыкли считать южнославянскою редакціею Физіолога, у г. Карнѣва, вслѣдствіе его строгой дефиниціи, исключаются изъ фیزیологической среды, и имъ предоставлено довольствоваться западнымъ названіемъ «Бестиарій». Авторъ придерживается такого воззрѣнія на Физіолога, что у него числятся подъ названіемъ этого памятника только тѣ тексты, составъ которыхъ не выходитъ изъ опредѣленнаго объема животныхъ греческаго Физіолога первой, пожалуй еще и второй да третьей редакцій. Но я нахожу тутъ нѣкоторую непослѣдовательность. Вѣдь г. Карнѣвъ согласенъ считать Физіологами и тексты такъ называемой четвертой редакціи; онъ и самъ допускаетъ, что въ этой четвертой, довольно неопредѣленной редакціи господствуетъ большое разнообразіе и что всѣ тексты не совмѣстимы даже въ одной редакціи, другими словами — одной четвертой редакціи съ опредѣленными примѣтами и нѣтъ. Итакъ, что же мѣшало автору причислить также южнославянскіе тексты фیزیологическаго содержанія къ одной особенной, скажемъ, позднѣйшей редакціи Физіолога, вмѣсто того, чтобы упорно настаивать на томъ, что это только — Бестиарій? Мнѣ кажется, тутъ вышелъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Замѣчу сначала, что г. Карнѣвъ зналъ, и во время своей работы могъ знать, только одинъ текстъ южнославянскаго типа Физіолога. Правда, онъ указываетъ по словарю Миклошича еще на второй списокъ, но этотъ послѣдній не былъ ему доступенъ содержаніемъ своимъ. Да, какъ выше упомянуто, и единственный ему доступный текстъ южнославянскаго Физіолога былъ ему извѣстенъ только по моему неполному изданію. На основаніи этого изданія, въ которомъ мною нарочно, но съ оговоркою, пропущены всѣ символическія толкованія, сложилась у г. Карнѣва мысль, что въ югославянскомъ текстѣ вообще символическихъ толкованій не было, т. е. онъ считалъ ихъ утерянными. Хотя впоследствии онъ познакомился — должно быть

слишкомъ поздно — съ изданіемъ Новаковича, которое могло раскрыть это недоразумѣніе, все же ошибка перваго заблужденія осталась неисправленною въ его сочиненіи (сл. на стр. 4 и 66). Да и на дальнѣйшій ходъ изложенія запоздалое знакомство съ изданіемъ Новаковича не могло не имѣть вліянія; у г. Карнѣева продолжало оставаться невѣрное воззрѣніе на южнославянскій текстъ, какъ на нѣчто очень позднее и неважное, гдѣ даже столь существенной части для Физиолога, какъ символическія толкованія, не оказывалось. И вотъ подъ вліяніемъ этихъ невѣрныхъ взглядовъ онъ написалъ слѣдующія слова: «Я не имѣю въ виду касаться здѣсь различнаго рода Бестиаріевъ, долгое время принимаемыхъ за славянскія рецензіи Физиолога: таковы — сербскій бестиарій, изданный Ягичемъ и т. д.» (4). Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ г. Карнѣевъ еще нѣсколько разъ высказываетъ недовольствіе о сбивчивомъ употребленіи названія «Физиологъ» и повторяетъ, что въ его изслѣдованіи рѣчь идетъ лишь о Физиологѣ «эллино-александрійской редакціи» (стр. 10, пр. 2; стр. 68—69). Но эта исключительная точка зрѣнія не только не оправдывается общимъ характеромъ мнимыхъ южнославянскихъ Бестиаріевъ, число которыхъ теперь уже доходитъ до шести или семи; она на дѣлѣ не могла быть даже выдержана. Какъ бы не хотя г. Карнѣевъ долженъ былъ въ своемъ сравнительномъ анализѣ сдѣлать уступку, онъ приводитъ иногда параллели и изъ Бестиарія; конечно, это отрывочное сличеніе не можетъ замѣнить того обстоятельнаго разсмотрѣнія, которое мы въ правѣ были бы ожидать и безъ котораго несомнѣнно не обошлось бы, еслибъ авторъ согласился признать въ этихъ южнославянскихъ текстахъ особую отрасль греческаго Физиолога.

Между Физиологомъ южнославянскаго типа и старшими редакціями его нѣтъ принципиальной разницы; она сводится къ объему цѣлаго (всѣхъ не больше 28 главъ), къ составу нѣкоторыхъ главъ (онѣ всѣ рассказываютъ исключительно о животныхъ, при чемъ въ замѣнъ отсутствующихъ изъ старшихъ редакцій приводится нѣсколько новыхъ, не попавшихъ въ Физиологъ старшаго типа)

или же вводятся новые мотивы при тѣхъ же прежнихъ животныхъ, въ толкованіяхъ же часто беретъ верхъ морализація, назидательныя поученія, вмѣсто прежняго такъ называемаго типологическаго примѣненія. Все это такъ, я не стану отрицать фактическихъ различій. Но, по моему, всѣхъ этихъ отличительныхъ особенностей слишкомъ мало для того, чтобъ оправдать отрицательное отношеніе къ южнославянскому, въ концѣ концовъ тоже греческому, физиологическому матеріалу, потому де что онъ принадлежитъ къ Бестіаріямъ! Я не придаю слишкомъ большого значенія нѣкоторому произволу, сказывающемуся въ томъ, что авторъ этимъ памятникамъ навязываетъ названіе, котораго они не знали, и игнорируетъ или отрицаетъ то, которое изстари водилось за ними; я знаю, что научныя разсужденія пользуются широкими правами, въ числѣ которыхъ и то, чтобъ отвергать старыя названія, если они не пригодны для научной классификаціи, требующей большой точности. Но въ данномъ случаѣ я не вижу такой необходимости стать въ разрѣзъ со старинною традиціею, а потому и привожу изъ заглавія текста Миклошичева — онъ напечатанъ цѣликомъ въ приложеніи къ этому отзыву — слѣдующее свидѣтельство: Слѣ за льва, ѿ црѣ свѣрствѣ“ физиологъ рѣ ѿ лвъѣ. ѿ блви. Вотъ искомое слово — физиологъ, а не — бестарій!

Въ подтвержденіе моихъ воззрѣній позволю себѣ привести доказательство изъ собственнаго примѣра г. Карнѣева. Онъ не затрудняется назвать списокъ Царскаго Физиологомъ (на стр. 36 онъ даже названъ Физиологомъ третьей рецензій). Онъ говоритъ на стр. 6: «мнѣ извѣстны славянскіе переводы двухъ другихъ рецензій Физиолога (не Бестіарія)», а на стр. 8, прим. 1: «этотъ текстъ представляетъ списокъ славянскаго перевода той греческой рецензій Физиолога, представителемъ которой до извѣстной степени можетъ быть принять кодексъ, означенный у Питры чрезъ Δ». Если тутъ высказанъ вполнѣ правильный взглядъ по отношенію къ списку Царскаго, то я не теряю надежды, что авторъ сдѣлаетъ уступку въ томъ же направленіи и по отношенію къ южнославянскимъ текстамъ физиологическаго содержанія. Вѣдь раз-

стояніе между спискомъ Царскаго и южнославянскими текстами такъ называемаго Бестиарія вовсе не значительное, и напротивъ того списокъ Царскаго нѣкоторыми частями ближе подходитъ къ текстамъ южнославянскимъ чѣмъ къ старшимъ Физиологамъ раг excellence. Въ рецензїи на книгу Лаухерта, напечатанной въ январской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. 1890 года, г. Карнѣевъ настаиваетъ, правда, все еще на названіи Бестиарій для южнославянскихъ текстовъ, но по крайней мѣрѣ допускается ихъ связь съ Физиологомъ: «наконецъ къ рецензїи типа Δ склонялся и тотъ славянскій списокъ Физиолога, который положенъ былъ отчасти въ основу Бестиарія Ягича-Новаковича» (стр. 180), и далѣе: «разсматриваемый памятникъ пользовался позднею рецензїею Физиолога» (207). Если авторъ въ полемикѣ противъ г. Мочульскаго указываетъ на то обстоятельство, что въ южнославянскихъ текстахъ попадаются сказанія о животныхъ, которыхъ не знаютъ даже позднія редакціи Физиолога, то это возраженіе не очень надежно. Развѣ мы уже знаемъ всѣ видоизмѣненія позднѣйшихъ текстовъ или, по классификаціи г. Карнѣева, четвертой редакціи Физиолога? Нисколько. Поэтому ни что не мѣшаетъ намъ предположить, что тѣ животныя (напримѣръ, соловей, волъ), которыя попали въ южнославянскій типъ Физиолога, и которыхъ не было въ древнихъ редакціяхъ Физиолога, — встрѣчались именно въ одномъ изъ греческихъ списковъ той, скажемъ, позднѣйшей редакціи Физиолога, откуда почерпнулъ ихъ южнославянскій переводчикъ. При этомъ вовсе не нужно предполагать, что, кромѣ греческой редакціи Физиолога, существовалъ еще какой-то особенный источникъ.

Въ новѣйшее время сдѣланъ г. Поливкою сравнительный анализъ нѣсколькихъ южнославянскихъ текстовъ Физиолога. У него приняты во вниманіе четыре южнославянскіе текста, потомъ списокъ Царскаго и румынскій текстъ Физиолога. Отсылая желающихъ познакомиться съ результатами этого сличенія къ статьѣ г. Поливки, замѣчу только, что число южнославянскихъ Физиологовъ не исчерпывается матеріаломъ, собраннымъ у

г. Поливки. Пятый списокъ, Миклошичевъ, печатается мною здѣсь въ приложеніи; шестой, находящійся въ рукописи проф. М. С. Дринова, еще не изданъ. Не имѣя возможности входить во всѣ подробности, представляю здѣсь по крайней мѣрѣ параллельный перечень главъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ и доступныхъ текстовъ, выходя изъ древнѣйшаго типа L (т. е. списка Лавры), присоединяя къ нему С (т. е. списокъ Царскаго), потомъ G (списокъ румынскій, Гастера) и за тѣмъ пять текстовъ южнославянскихъ: K (Кукулевичевъ), M (Миклошичевъ), Š (Шафариковъ), W (Вѣнскій) и S (Солунскій).

L.	C.	K.	M.
1 левъ	1 левъ (1)	1 левъ (1)	1 левъ (1)
2 кайманъ	2 антилопа (36)	2 зубръ (36)	2 зубръ (2)
3 харадръ	3 слонъ (44)	3 слонъ (44)	3 слонъ (3)
4 пеликанъ	4 олень (30)	4 орель (6)	4 олень (13)
5 ночный вранъ	5 орель (6)	5 горлица (28)	5 ендропъ (9)
6 орель	6 финиксъ (7)	6 дятель (С. 12)	6 орель (4)
7 финиксъ	7 куропатка (18)	7 выпь (8)	7 коршунъ (11)
8 выпь	8 горлица (28)	8 голубъ (35)	8 дятель (6)
9 онагръ	9 пеликанъ (4)	9 ендропъ (С. 20)	9 выпь (7)
10 ехидна	10 ластовица (38)	10 инорогъ (22)	10 аистъ (15)
11 змѣя	11 выпь (8)	11 коршунъ (19)	11 куропатка (18)
12 муравей	12 дятель	12 страусъ	12 горлица (5)
13 сирены-кентавры	13 лиса (15)	13 олень (30)	13 голубъ (8)
14 ежъ	14 аспидъ	14 аспидъ (С. 14)	14 волкъ (20)
15 лиса	15 горгона	15 аистъ (С. 19)	15 журавль (21)
16 пантера	16 змѣя (11)	16 соловей	16 морской ежъ (19)
17 китъ	17 голубъ (35)	17 ластовица (33)	17 змѣя (22)
18 куропатка	18 ехидна (10)	18 куропатка (18)	18 волъ (23)
19 коршунъ	19 аистъ	19 морск. ежъ (14)	19 инорогъ (10)
20 мраволевъ	20 ендропъ	20 волкъ	20 павлинь (24)
21 ласка	21 аистъ.	21 журавль	21 грифонъ
22 инорогъ		22 змѣя (11)	22 аспидъ (14)
23 бобръ		23 волъ	23 лиса (25)
24 (гіена)		24 павлинь	24 ластовица (17, 26)
25 выдра-крокодилъ		25 лиса (15)	25 жаба (27)
26 ихневмонъ		26 ластовица (33)	26 пчела (28).
27 вранъ		27 жаба (29)	(Цифры здѣсь указываютъ на К).
28 горлица		28 пчела.	
29 жаба			

L.

- 30 олень
 31 саламандра
 32 алмазь
 33 ластовица
 34 дерево периде-
 ксионъ
 35 голубъ
 36 антилопа
 37 кремень
 38 магнитъ
 39 пила
 40 три св. отрока
 41 ибисъ
 42 серна
 43 алмазный камень
 44 слонъ
 45 агатъ, жемчугъ
 46 онагръ, обезьяна
 47 индiйскiй камень
 48 цапля
 49 смоковница.

Š.	W.	S.	G.
1 левъ (1)	1 левъ (1)	1 зубръ (3)	1 { фениксъ (С. 6)
2 зубръ (2)	2 слонъ (М. 3)	2 слонъ (М. 3)	1 { орелъ (С. 3)
3 ендропъ (5)	3 зубръ (2)	3 орелъ (6)	2 пеликанъ (С. 9)
4 орелъ (6)	4 инорогъ (11)	4 олень (9)	3 фениксъ (С. 6)
5 павлинь (20)	5 ендропъ (3)	5 волкъ (10)	4 } слонъ (С. 3)
6 коршунъ (7)	6 орелъ (4)	6 лиса (11)	5 }
7 грифонъ (21)	7 коршунъ (6)	7 аспидъ (12)	6 олень (С. 4)
8 аспидъ (22)	8 страусъ (К. 12)	8 журавль (13)	7 орелъ (С. 3)
+ дятель (8)			
9 выпь (9)	9 олень (М. 4)	9 дятель (14)	8 аспидъ (С. 14)
10 лиса (23)	10 волкъ (15)	10 выпь (15)	9 горгона (С. 15)
11 инорогъ (19)	11 лиса (10)	11 змѣя (19)	10 зубръ (С. 2)
12 аистъ (10)	12 аспидъ (8)	12 аистъ (Š. 12)'	11 ендропъ (С. 20)
13 куропатка (11)	13 журавль (16)	13 голубъ (М. 13)	12 выпь (С. 11)
14 горлица (12)	14 дятель (8)	14 горлица (Š. 14)	13 выпь (?)
15 волкъ (14)	15 выпь (9)	15 соловей (К. 16)	14 дятель (С. 12)
16 журавль (15)	16 павлинь (5)	16 павлинь (16)	15 голубъ (С. 17)
17 морск. ежъ (16)	17 жаба (М. 23)	17 жаба (17)	16 павлинь (К. 24)
18 змѣя (17)	18 ластовица (20)	18 ластовица (18)	17 аистъ (С. 10)
19 волъ (18)	19 змѣя (18)	19 куропатка (Š. 13)	18 аистъ (?)
20 ластовица (24).	20 пчела (М. 26).	20 м. ежъ (Š. 17).	19 журавль (К. 21)
(Цифры здѣсь ука- зываютъ на М.)	(Цифры здѣсь ука- зываютъ на S.)	(Цифры здѣсь ука- зываютъ на W.)	20 м. ежъ (К. 19)
			21 змѣя (С. 16)

G.

- 22 вохъ (К. 23)
- 23 иворогъ (К. 22)
- 24 грифонъ (М. 21)
- 25 жаба (К. 27).

Этотъ перечень очень поучителенъ. Въ немъ бросается въ глаза одна общая черта, соединяющая всѣ прочіе списки сравнительно съ первымъ въ одну группу: пропускъ незоологическаго матеріала. Нумеровъ 32, 34, 37, 38, 40, 43, 45, 47, 49 нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ списковъ. Но и за вычетомъ этихъ незоологическихъ главъ, не весь остатокъ старшаго Физіолога вошелъ въ составъ позднѣйшихъ редакцій. Ни въ одномъ изъ послѣдующихъ списковъ вы не найдете сказаній о кайманѣ (2), харадрѣ (3), о ношномъ вранѣ (5), онагрѣ (9), о муравьѣ (12), о сиренахъ и кентаврахъ (13), о пантерѣ (16), о китѣ (17), о мравольвѣ (20), о бобру (23), о гіенѣ (24); о выдрѣ (25), о ихневмонѣ (26), о вранѣ (27), о саламандрѣ (31), о бисѣ (41), о сернѣ (42). Оказывается, что больше половины всего содержанія перваго списка не повторяется ни въ одномъ изъ послѣдующихъ. Остаются только главы: левъ (1), пеликанъ (4), орелъ (6), фениксъ (7), вышь (8), ехидна (10), змѣя (11), ежъ (14), лиса (15), куропатка (18), коршунъ (19), ласка (21), иворогъ (22), горлица (28), лягушка (29), олень (30), ластовица (33), голубъ (35), слонъ (44) и цапля (аистъ?) (48), то есть, двадцать животныхъ. Но тутъ я долженъ еще напомнить, что пеликанъ (4), фениксъ (7) и ехидна (10) сохранились только въ спискѣ Царскаго и отчасти въ румынскомъ Гастера, въ южнославянскихъ же текстахъ этихъ животныхъ нѣтъ. Такимъ образомъ общее число животныхъ, вошедшихъ въ южнославянскіе списки, оказывается не больше какъ семнадцать или почти столько же, если ласку (21) сопоставить со сказаніемъ, вошедшимъ въ главу о аспидѣ, и если считать главу о ежѣ (14) тождественною съ морскимъ ежемъ въ К (19) и главу о цаплѣ (48) съ аистомъ (въ С и К). Да и въ такомъ случаѣ сходство еще

не будетъ полное, потому что сказанія объ однихъ и тѣхъ же животныхъ не всегда совпадаютъ въ своемъ содержаніи.

Между тѣмъ, какъ видно, число главъ въ каждомъ изъ этихъ позднѣйшихъ списковъ превышаетъ тотъ выше упомянутый остатокъ. Ихъ выходитъ въ С двадцать одна, въ Š, W и S по двадцати, въ M 26, въ K 28. Любопытно прослѣдить и эти наросты. Въ С, т. е. въ списокѣ Царскаго, которому и г. Карнѣевъ не отказываетъ въ значеніи настоящаго Физиолога, появляются уже новыя животныя, знакомыя намъ изъ южнославянскихъ списковъ: дятель (С 12), аспидъ (С 14), аистъ (С 19) и ендропъ (С 20); къ нимъ присоединяется еще горгона (С 15 и G 9), которой въ южнославянскихъ текстахъ нѣтъ. Если это обогащеніе списка Царскаго не мѣшаетъ ему быть Физиологомъ, то почему же мы должны непременно возстать противъ дальнѣйшаго роста въ составѣ Физиолога, высказавшагося въ животныхъ списка К: страусъ (К 12), соловей (К 16), волкъ (К 20), журавль (К 21), волъ (К 23), павлинь (К 24) и пчела (К 26)? Развѣ не попадаетъ страусъ въ греч. кодексѣ В (Pitra с. XLIX), а павлинь въ кодексѣ Δ (Pitra с. LI)? Точно такъ пчела, правда, въ очень сокращенныхъ размѣрахъ, сохранилась у Псевдо-Епифанія (глав. XXI). Сказанія о журавлѣ, волѣ засвидѣтельствованы въ качествѣ физиологическаго матеріала румынскою редакціею Физиолога.

Стоитъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Списокъ К богаче числомъ главъ, чѣмъ всѣ прочіе; въ немъ насчитывается ихъ 28, да если повторяющуюся два раза главу о ластовицѣ считать за одну и прибавить, какъ 28-ю главу, сказаніе о грифонѣ (оно читается въ M 21 и Š 7), то можно списокъ этотъ (К) считать родоначальникомъ всѣхъ южнославянскихъ, потому что ни въ одномъ изъ прочихъ доселѣ извѣстныхъ южнославянскихъ текстовъ нѣтъ сказанія, которое не вошло бы въ составъ списка К. Не хочу этимъ сказать, что въ К уже найденъ нами прототипъ южнославянскій; нѣтъ, до этого еще далеко. Тексты К, M, Š, W, S все-таки не такъ близки другъ къ другу, что бы уже

теперь возможно было довести ихъ въ генетическую связь. Для этого желательно открытіе новыхъ текстовъ, новыхъ звеньевъ. Но во всякомъ случаѣ я считаю себя въ правѣ настаивать на принадлежности этихъ южнославянскихъ текстовъ къ общей семьѣ Физиологовъ, и поэтому мнѣ кажется справедливымъ требованіе, чтобы изслѣдователь, посвятившій цѣлое сочиненіе вопросу о Физиологѣ, не пренебрегалъ и послѣдними обломками его. Безъ нихъ судьба этого памятника останется неполною. Генеалогія рода не ограничивается только цвѣтущею порою его, она старается дать отчетъ и о его упадкѣ. Точно такъ разборъ Физиолога не долженъ ограничиться анализомъ только старшихъ и лучшихъ редакцій; изслѣдователю вмѣняется въ обязанность прослѣдить жизнь его хоть бы до послѣдняго предѣла.

Въ этомъ смыслѣ великолѣпный трудъ г. Карнѣва не доведенъ до конца: въ немъ остался пробѣлъ, про который можно только желать, чтобы онъ былъ восполненъ самимъ авторомъ, какъ очень начитаннымъ и опытнымъ изслѣдователемъ этого вопроса.

Возвращаюсь еще разъ къ главному тексту. Г. Карнѣвъ поднимаетъ, какъ и естественно было ожидать, вопросъ о времени перевода его, и отвѣчаетъ, въ самомъ концѣ сочиненія, такъ: «По всему вѣроятію, переводъ исполненъ былъ въ Болгаріи», и далѣе: «Родиной славянскаго перевода Физиолога была Болгарія, и стало быть, нашъ памятникъ вноситъ лишнее свидѣтельство въ фактъ древнѣйшаго общенія Руси съ югославянскою средой». Для подкрѣпленія этого вывода сдѣлано авторомъ «нѣсколько замѣчаній о языкѣ древняго славянскаго перевода Физиолога» (стр. XXXIV—LV «Приложенія»), изъ которыхъ, правда, видно, что заниматься чисто грамматическою стороною памятниковъ — для него дѣло непривычное, но и тутъ добросовѣстное исполненіе задачи заслуживаетъ похвалы. Конечно, не все приводимое здѣсь имѣетъ значеніе; рядомъ съ хорошими и важными указаніями попадаютъ замѣчанія лишнія, и на оборотъ пропущены важные факты,

подтверждающіе какъ разъ правильность высказанныхъ авторомъ взглядовъ. Но въ концѣ концовъ я вполне согласенъ съ предположеніемъ, что этотъ переводъ Физиолога, сохранившійся лишь въ спискахъ русскихъ XV столѣтія, сдѣланъ на югѣ, въ Болгаріи, должно быть—въ XII или XIII столѣтіи. Доказательства я беру не только изъ фонетическихъ или формальныхъ особенностей текста, которыя сами собою мало доказательны, а еще изъ слѣдующихъ данныхъ:

1) Есть нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно судить, что подлинникъ нынѣшняго списка былъ писанъ съ юсами болгарскаго употребленія, т. е. такого, гдѣ иногда ж и ѡ смѣшались и замѣнялись другъ другомъ, напримѣръ: *ячмы бо са прикладаеть к невѣрныѣ оучению а пшеницю къ правои кѣрѣ хѣѣ* (въ 12-ой главѣ, л. 162), здѣсь пшеницю можно понимать какъ буквальную передачу болгарскаго пшеницж, гдѣ ж написано *взамѣнъ а*, т. е. винительный падежъ *вм.* именительнаго. Точно такъ въ примѣрѣ: *ицѣтъ вежа или паѣвѣнницю* (въ рук. *паѣвѣнницю?* въ 15-ой главѣ, л. 163 об.) форма *паѣвѣнницю* становится понятною, если предположить, что въ подлинникѣ на болгарскій ладъ было написано какъ родит. падежъ *паѣвѣнницж вм.* родительнаго *паѣвѣнницѡ*. Въ примѣрѣ *оуслышоуть* (въ главѣ 16-ой л. 164) можно бы такимъ же способомъ предположить для подлинника форму: *оуслышжтъ* (т. е. съ ж *вм.* ѡ). Наоборотъ въ примѣрѣ *тлю творцаи* (издатель исправляетъ ошибку въ *творцоюю*) можно думать что въ подлинникѣ было написано *тльж творцаиѡ* (въ 34-ой гл. л. 173), а въ образѣ *и крѣтныи сѣсе* (въ гл. 41-ой л. 177) стоитъ *и* *взамѣнъ* болгарскаго *ѡ* *вм.* *ѡж*. Такимъ же болгаризмомъ, только изъ области склоненія, можно бы считать форму часть *лисеомъ* въ гл. 15-ой, если исправить опisku текста въ *лисовомъ*. Формы, какъ *колокомъ*, для дательнаго падежа *мн.* числа, могутъ быть засвидѣтельствованы древнеболгарскими памятниками XIII вѣка.

2) Важнѣе и надежнѣе ссылка на характеръ перевода много-

численныхъ цитатъ изъ Священнаго Писанія. Г. Карнѣвъ привелъ нѣсколько словъ, обращающихъ на себя вниманіе рѣдкимъ употребленіемъ ихъ, напр. *невесьскъ*, *вм. невесьнь*; но не въ этомъ сущность дѣла. Я обращаю вниманіе на характеръ цитатъ изъ Св. Писанія вообще. Въ нихъ отражается отчасти еще старинный переводъ, сохранившій слова, вышедшія потомъ изъ употребленія, отчасти же — и это самое главное — уже второе, можно бы сказать, именно болгарское наслоеніе, въ которомъ въ замѣнъ старинныхъ словъ первой эпохи вошли въ ходъ другія, болѣе употребительныя, попадающіяся какъ разъ въ южнославянскихъ памятникахъ XII—XIII столѣтій. Къ остаткамъ старины мы будемъ причислять глаголъ *оставити* *вм. поустити*, замѣнившаго его потомъ, напр. *кто оставитъ днвнѣ шслы* (въ гл. 9-ой), нынѣ «пустивый»; или како *оустави* (описка *вм. остави*, въ гл. 14-ой), гдѣ переписчикъ даже не понялъ стариннаго значенія слова и поэтому написалъ *оустави*. Или же глаголъ «възвестиса» *вм. позднѣйшаго възвыситиса*, напр. *снѣ родихъ и възнесохъ*, нынѣ *възвысихъ* (въ гл. 4-ой), *сл. еще въ гл. 22-ой къзнесетьса и т. д.*; или *исчадни єхиднова* (въ гл. 10-ой), нынѣ порожденіа (въ среднемъ періодѣ отроди). Точно такъ: *книгы глша* (въ гл. 16-ой) *вм. позднѣйшаго писанія*; *яко и оуродъ* (въ гл. 18-ой), нынѣ *везуменъ*; *Ѡ непригазни* (въ гл. 32-ой) *вм. позднѣйшаго отъ лукаваго, или отъ дигвола*; *весь миръ* *вм. миръ* (напр. въ гл. 34-ой *миѣ весь миръ пропаѣ и азъ есъмоу мироу*, нынѣ: *миѣ миръ распаса и азъ мирѣ*); *къ ѡтробѣ приметъ* (въ гл. 44-ой) *вм. позднѣйшаго въ чрѣвѣ*, которое читается въ гл. 22-й; *поправъ ю минеть* (въ рук. описка *минить*, но въ Кир. Бѣлоз. вѣрно «минеть») *вм. позднѣйшаго мимо идеть* *ib.*; *в печи* (читай *пици*, догадка издателя не имѣетъ основанія) *ранстѣи* (*єν τριφῆ*) *вм. въ кърмли* (*ibid.*); *въ забтренага годины* (въ гл. 45-ой) *вм. часы*; *нъ пастоухъ чеша сѣкаминны* (въ гл. 49-ой), нынѣ: *пастырь ягодиѣа шбирал* (*сл. Лук. VI. 44: не чешѣтъ смоквы* — чтеніе сохранившееся до сихъ поръ).

Рядомъ съ этими остатками старины, попадаютъ ясныя слѣды второго, болгарскаго, наслоенія, отпечатлѣвшагося многими выраженіями, которыми старинный, первоначальный переводъ на югѣ измѣнялся и передѣлывался. Приведемъ примѣры этого рода: послоушествовати вм. прежняго съвѣдѣтельствовати, напр. соломонъ послѣдшествовати (въ гл. 1-ой, 3-ей и т. д.); болю кто (βοῦλον) вм. болынъ встрѣчается въ очень древнихъ памятникахъ перваго болгарскаго періода (въ гл. 3-ей), жизнь вѣчноую (въ гл. 4-ой, 11-ой) вм. прежняго животъ, а слово животъ употребляется здѣсь часто и рядомъ съ формою животъно въ значеніи τὸ ζῶον. Въ этомъ значеніи слово встрѣчается въ очень древнихъ памятникахъ болгарскаго періода (сл. въ гл. 15-ой шко аьстивъ животъ есть: ζῶον ἐστὶ δολερόν, гдѣ русскій переписчикъ внесъ словечко *ея* передъ словомъ животъ, думая, что рѣчь идетъ о жизни; точно такъ въ гл. 16-ой вм. *ω* животѣ пандирокѣ сначала было: *ω* животѣ пандирѣ; см. еще въ гл. 22-й: малъ животъ есть, гл. 23: есть животъ глѣмы воеръ, и т. д.); поубожиса вм. прежняго съмѣритиса (въ гл. 5-ой); взати ю вм. старшаго приати (въ гл. 7-ой; сл. *Starine* XX, 222) и разгнѣвашаса вм. прогнѣвашаса *ibid.*; въ той же 7-ой главѣ: трѣвице (βωμός), въ старшихъ олтарь, въ новѣйшихъ капице; *ib.* за *ιερεύς* переводъ чиститель принадлежитъ старшему болгарскому періоду вм. прежняго икрей, и замѣнившаго его потомъ жьрьць; слово пастоухъ вм. пастыръ отражаетъ то же явленіе (въ гл. 9-ой и пр.); алъчьба вм. постъ (въ гл. 11-ой и т. д.), порода вм. рай (въ гл. 11-ой, 44-ой), кормла вм. пица (въ гл. 12-ой, 48-ой); кажется и форма грезнъ (въ гл. 14-ой: до грезнѣ грезнѣ) имѣетъ свой ограниченный кругъ употребленія вм. гроздъ и грознъ; тѣскъ (гл. 14) замѣнило старшее точило (сл. *Starine* XX, 200), и пронырликъ стоитъ вм. обыкновеннаго ажкавъ (въ гл. 14-ой, сл. *Vondrák, Altslav. Stud.* 45), лоукавый читаемъ въ гл. 34-ой; книгъчни въ гл. 15-ой вмѣсто книжникъ; безъ вѣсти теорити (въ гл. 15-ой) для передачи греческаго ἀφανίζω при-

надлежитъ къ любимымъ выраженіямъ Супрасльскоѣ рукописи; оуродъ (въ гл. 18-ой) вм. древнѣйшаго воуи, сл. тамъ же и форму оуродитъ; вещи дѣла (въ гл. 20-ой) можетъ быть названо болгаризмомъ (попадается также ради) сл. Vondrák, Altslav. Stud. 16; часто повторяющееся слово жителниъ отиѣчено уже г. Карнѣевымъ какъ выраженіе Супрасльскоѣ рукописи; калъ (сл. помажетъ каломъ, шшеть калъ въ главѣ 25-ой) замѣнило старшее выраженіе врѣникъ (въ евангельскихъ текстахъ XII—XIII столѣтія встрѣчается калъ); въ Физиологѣ есть и глаголъ покалатиса (въ гл. 26-ой), который читается и въ Супрасльскоѣ рукописи; рядомъ со словомъ ошнѣ (оурá) попадается также опашъ (въ гл. 26-ой), въ Болгаріи до сихъ поръ говорится «опашка»; своръ нюдѣискъ (въ гл. 27-ой) вм. старшаго сънѣмъ; прѣблудникъ дивволъ (ὁμοιχός διάβολος) вм. прѣлюбодѣи, въ памятникахъ XII—XIII стол. стоятъ блудникъ, блудница часто въ этомъ значеніи, сл. Starine XX, 198; кажется, что и глаголъ испрати (въ гл. 30-ой) вм. попрати имѣетъ нѣкоторое значеніе; паница (ῥάβδος) замѣнила старшее жъзлъ (въ гл. 32-ой), въ переводѣ евангелія нѣтъ еще паницы, но въ апостолѣ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ текстахъ (рядомъ съ жъзлъ, сл. I. Кор. 4. 21 и Евр. 1. 8); доубъ (джеъ) въ значеніи дрѣва (сл. въ гл. 34-ой ш дѣѣ, естѣ дѣѣ: περί δένδρου, ἔστι δένυρον, сл. еще гл. 44-ая) является тоже въ болгарскихъ текстахъ XII—XIII стол. (сл. Starine XX. 197, часто въ Супрасл. рукописи); пропатыса (въ гл. 34-ой) вм. распатыса — впрочемъ объ этомъ выраженіи можно быть различнаго мнѣнія, сл. Вондракъ, Altslov. Stud. 73; поприце (въ гл. 39-ой) вм. прежняго стадин; сколка (κόγχος) въ гл. 45-ой принадлежитъ южнославянскому словарю, точно такъ и опница (въ 46-ой главѣ) — югозападнославянскому (обезьяна). Укажу еще на слово млатѣи, подтвержденіе котораго находится въ одномъ несомнѣнно древнеболгарскомъ текстѣ (сл. Описание синод. рук. II. 2, 147).

Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу предположенія, что пер-

вый переводъ Фізіолога должно отнести ко времени не позже XII в. или, какъ самый крайній предѣлъ — къ XIII столѣтію. Нѣтъ ни малѣйшей причины въ этомъ сомнѣваться; я готовъ даже идти дальше и допустить, что переводъ могъ быть сдѣланъ еще раньше, напримѣръ въ XI столѣтіи. Однако положительныхъ доказательствъ въ пользу такой ранней эпохи нѣтъ а потому я предпочитаю придерживаться золотой середины. Гдѣ переводъ сдѣланъ, сказать нельзя. Обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ — въ Болгаріи. Для большинства случаевъ, вѣроятно, такъ и надо думать. Но можно допускать и то, что иногда призывали южнославянскихъ знатоковъ какъ греческаго, такъ и церковнославянскаго языковъ прямо въ Россію, напримѣръ, въ Кіевъ, изъ Болгаріи, съ Аэона и т. п. И эту возможность надо имѣть въ виду. Меня наводитъ на эту мысль то замѣчательное обстоятельство, что до сихъ поръ найдено на югѣ, какъ выше изложено, уже шесть списковъ Фізіолога, но ни одинъ изъ этихъ списковъ не представляетъ старшаго типа Фізіолога, всѣ они предполагаютъ одну или нѣсколько позднѣйшихъ редакцій того же, только значительно видоизмѣненнаго памятника греческой, византійской, письменности. Эти видоизмѣненія очевидно произошли не на почвѣ славянской, но на основаніи бывшаго уже старшаго славянскаго перевода. Южнославянскіе тексты не обнаруживаютъ ни малѣйшаго знакомства съ этою, въ Россіи уцѣлѣвшею, старшею редакціей. Это былъ особый, самостоятельный трудъ, независимый отъ прежде сдѣланнаго перевода. Но такъ какъ списки новаго труда тоже указываютъ на время не очень позднее (вѣдь они изъ XVI столѣтія), да кромѣ того, во всѣхъ въ нихъ безъ исключенія попадаются многочисленныя описки небрежныхъ переписчиковъ, то мы въ правѣ, съ большею долею вѣроятности, считать по крайней мѣрѣ первую половину XV столѣтія, если не хотимъ спускаться ниже, въ XIV вѣкъ, временемъ перваго появленія въ свѣтъ этого второго перевода Фізіолога. Можно бы спросить: для чего же понадобился новый переводъ, когда уже существовалъ старшій? Но это еще не такъ важно.

Важнѣе во всякомъ случаѣ то, что наличное число Физиологовъ новаго, позднѣйшаго типа все-же показываетъ, что чувствовалась потребность и существовала нѣкоторая популярность этого памятника. Какъ же при такихъ условіяхъ могло случиться, что экземпляры Физиолога старшей редакціи безслѣдно пропали у себя, дома на родинѣ, а переводъ второго, младшаго типа Физиолога сохранился? Вотъ мои сомнѣнія, которыя впрочемъ можетъ разсѣять счастливая находка если не цѣлаго списка, то хотя бы отрывковъ, принадлежащихъ старой редакціи. Тогда, конечно, и я успокоюсь на Болгаріи. Но до тѣхъ поръ, лучше сказать — *non liquet*¹⁾.

Преслѣдуя отчасти другія, болѣе широкія цѣли, г. Карнѣвъ поднималъ также вопросъ объ отношеніи къ Физиологу тѣхъ физиологическихъ вставокъ, которыя попали въ разные списки Толковой Палеи. Полемизируя съ Успенскимъ и Ждановымъ, которымъ вопросъ о Физиологѣ, конечно, не былъ еще вполне ясенъ, г. Карнѣвъ доказалъ окончательно, что Палейныя вставки стоятъ въ связи съ редакціею старшаго типа. Но для нашего вопроса этотъ результатъ сравненій не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ. Несмотря на большую близость изложенія иныхъ Палейныхъ отрывковъ къ тексту Физиолога по русскому списку XV вѣка, все-таки нельзя утверждать,

¹⁾ Надежды оправдались. Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, появился еще одинъ южнославянскій текстъ (сербской редакціи) Физиолога (онъ изданъ профессоромъ А. Александровымъ въ Казани 1893), близкое сходство котораго съ первой, старшей рецензіей Физиолога не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Достаточно сказать, что изъ общаго числа главъ его (48) — большинство (36) совпадаетъ по содержанію съ первой редакціей. Въ главахъ, совпадающихъ содержаніемъ, въ большинствѣ случаевъ виденъ также одинъ и тотъ же переводъ. Говоря точнѣе, въ основаніи обоихъ текстовъ, русскаго (синодальнаго), списавнаго съ древнеболгарскаго источника, и сербскаго (аеонскаго) — лежитъ одинъ и тотъ же старинный южнославянскій переводъ, сдѣланный очень рано въ предѣлахъ Болгаріи или Македоніи. Надо только еще выяснитъ вопросъ, зналъ ли компиляторъ сербской (аеонской) редакціи (сохранившейся въ рукописи XVI столѣтія) кромѣ текста перваго, старшаго, Физиолога также текстъ Физиолога позднѣйшаго южнослав. состава. Вообще подлежить изслѣдованію вопросъ, откуда аеонскій списокъ, изданный А. Александровымъ, взялъ то, чего онъ не могъ найти въ текстѣ старшей редакціи.

что Палейныя вставки сдѣланы на славянской почвѣ и по образцу славянскаго перевода. Стало бытъ, Палейныя части Физиолога не могутъ быть приводимы даже въ русской словесности въ доказательство шикораго знакомства древнерусской литературы съ этимъ типомъ Физиолога. Кажется, что типъ Царскаго — то-есть, типъ позднѣйшій, ближе подходящій къ южнославянскимъ спискамъ — былъ нѣсколько популярнѣе. Неужели только въ одномъ спискѣ Царскаго существуетъ эта редакция Физиолога въ Россіи? Отношеніе ея къ румынскому и къ южнославянскимъ спискамъ еще не вполне для меня выяснилось. Не только послѣ сочиненія г. Карнѣева, но и послѣ упомянутой статьи г. Поливки, остается много открытыхъ вопросовъ. Между прочимъ надо будетъ рѣшить вопросъ: когда же этотъ типъ Физиолога переведенъ? Раньше ли или позже южнославянскаго перевода? Въ зависимости ли съ нимъ, или же вполне независимо? Однимъ словомъ, мы все еще не знаемъ, ни сколько у насъ переводовъ Физиолога, ни когда они и въ какой очереди появлялись.

Благодарю усердію г. Карнѣева теперь разработанъ и объясненъ какъ нельзя лучше лишь первый, т. е. такъ называемый *rag excellence* Физиологъ. Къ изданному тексту я хочу сдѣлать еще нѣсколько критическихъ замѣчаній и этимъ закончить мой разборъ.

Можно вполне одобрить автора за то, что онъ попытался исправить иныя испорченныя мѣста текста; но въ этой попыткѣ замѣтна нѣкоторая неравномѣрность и непослѣдовательность. Иногда онъ вноситъ поправки текста прямо въ строку, иногда только указываетъ подъ строкою, какъ надо читать. Но это не мѣшаетъ. Со всѣми предлагаемыми поправками я не могу согласиться, но и нѣкоторыя поправки, не предлагаемыя издателемъ, кажутся мнѣ несомнѣнными.

Въ главѣ 1-ой вм. *исповѣда* есть надо читать: *исповѣдаеть* или же *исповѣдалъ* есть. Точно такъ въ главѣ 3-ей *подоба* есть я предлагаю исправить въ *подобаеть*.

Въ главѣ 6-ой *ωσλεπѣ еста* издатель предлагаетъ читать: *ωσλεпѣ еста*, но можно бы исправить также *ωσлепѣета*.

Въ главѣ 8-ой надо было указать на недоразумѣніе переводчика, передавашаго *πατραλοτα* черезъ *Щцеловесници*; очевидно, онъ прочелъ *«πατρολόγω»*. Хорошо переведено въ главѣ 10-й: *Щццоувициѣ, мѣредвициѣ*.

Въ главѣ 9-ой укажу на оборотъ *ωστακитѣ* на *пѣема*, какъ на фразу, до сихъ поръ хорошо понятную въ серб.-хорватскомъ нарѣчїи *оставити за племе*.

Въ главѣ 10-ой до *чресъ* надо читать до *чреслъ* или же по крайней мѣрѣ оговорить: сл. въ гл. 13-ой до *чреслъ*.

Въ главѣ 12-ой слова *вижъ мравню ω лѣниѣѣ* не передаютъ греческаго подлинника. Мнѣ кажется, что *мравню* слѣдуетъ считать не винит. падежомъ женск. рода, а дательнымъ мужеск. рода; вѣроятно, *виждъ* невѣрный переводъ или описка *вм. иди*: *лѣниѣѣ*, конечно, надо читать какъ звательный падежъ *лѣниѣѣ*; цитата переводится еще нынѣ такъ: *иди ко мравню ω лѣниѣѣ* (Притч. VI. 6). Въ той же главѣ къ тексту: *но вса то въ огна мѣсто да вы ми излѣзлъ ичмы* замѣчено (въ примѣч. 1), что здѣсь опять что-то пропущено, а въ слѣдующемъ примѣчанїи сказано, что слова *но вса то* суть слѣдствїе какого-либо недоразумѣнїя переписчика. Последнее вѣрно, но только не надо было говорить о пропускѣ. То, что кажется пропускомъ, слова *ὁ ἰὼβ ἔλεγε*, кроется именно въ опискѣ *но вса то*, которую не трудно исправить такъ: *ноѣъ глѣтъ*. Было бы интересно прослѣдить, кому мы обязаны ошибкою въ *огна мѣсто* *вм. въ пшеница мѣсто*.

Въ главѣ 13-ой слѣдовало отмѣтить ошибку въ цитатѣ, *вм. тлать во ωвѣчига бл҃ги бесѣдами злыми* надо читать: *тл. в. ωв. в. бесѣды злы*.

Въ главѣ 14-ой укажемъ на — *ἀπαξ εἰρημένον*: *весь сатъна* несомнѣнно надо исправить по Кир. Бѣлос. списку въ *весь сатънатъ*, а это значитъ *ὀλόχευτρος*. Мнѣ кажется, что въ *сатънатъ* описка одного изъ очень равныхъ переписчиковъ, и что непонятное слово надо исправить въ *жалънатъ*, такъ какъ

хѣντρον переводится словомъ жало. Какъ отъ перо образовалось прилагательное перынатъ, такъ могло быть отъ жало жальнатъ.

Въ главѣ 18-ой противъ глагола излжеть не надо было возражать; это слово какъ разъ еще до сихъ поръ считается правильнымъ выраженіемъ для высиживанія въ сербохорватскомъ нарѣчіи. Въ этой же главѣ я бы исправилъ испорченное мѣсто такъ: егда же на мужество станути оублажать Ѡца, но и поправка г. Карнѣева даетъ тотъ же смыслъ.

Въ главѣ 20-й не мѣшало бы напомнить, что яко прежде имать надо читать яко прежде имать; прежде обозначаетъ здѣсь переднюю часть или сторону, прсл. прѣжда (см. словарь Миклошича). Въ слѣдующемъ издатель не вѣрно понялъ текстъ: только первое родитъ надо исправить въ двойств. число родитя, въ соотвѣтствіе греческому γεννήσωσι, все же прочее передано правильно: егда бо родитя мравольва, родитя и [мравольва] двѣ вещи могоуца; здѣсь не и (винит. падежъ αὐτόν) является лишнимъ, а повтореніе слова мравольва. Замѣтимъ кстати, что вещи дѣла Ѡца можно бы истолковать какъ новгородизмъ вм. вещи дѣла Ѡца, въ соотвѣтствіе предыдущему: вещи дѣла мѣрна.

Въ главѣ 22-ой слова сию рѣче приложите я читаю такъ: сию рѣчь приложите; мнѣ кажется, что переводчикъ фѣретаи могъ прочесть какъ 2-ое лицо фѣрете, поэтому и перевелъ: приложите.

Въ главѣ 28-ой стоитъ правильно лжеть, потому что предшествуетъ глаголь насѣдаеть; издатель, желая исправить въ излжеть, упустилъ изъ виду, что въ главѣ 18-ой сказано насадеть и излжеть, стало быть, глаголами однократнаго вида, а здѣсь говорится: насѣдаеть и лжеть.

Въ главѣ 33-ей стоило замѣтить, что слав. переводъ ласто-вица зимѣ прешедши весноу швельеть не передаетъ вѣрно греческихъ словъ τῷ ἔαρι φαίνεται; надо было перевести веснѣ швельетьсѧ. Не знаю, опечатка ли въ слѣдующей строкѣ свершенне вм. ожидаемаго свершени?

Въ главѣ 35-ой поправка г. Карнѣева мнѣ также непонятна, какъ и первоначальный текстъ; надо было оговорить поправку. На страницѣ 346, въ строкѣ 3-ей ~~и~~ надо исправить въ ~~и~~; это должно быть только опечатка.

Въ главѣ 36-ой не слѣдовало ~~е~~мь исправлять въ ~~е~~моу, потому что синтаксисъ требуетъ при глаголѣ ~~приблизитса~~ не 3-го, а 7-го падежа! Въ строкѣ 7-ой ~~играи~~ должно быть опечатка ~~вм.~~ ~~играи~~.

Въ главѣ 37-ой не слѣдовало исправлять ~~взгоритса~~ въ ~~менѣ~~ правильное ~~взгорит~~. Въ строкѣ 4-ой ~~вм.~~ ~~растонт~~ читать надо двойственное число ~~растонт~~. И въ предыдущей строкѣ я прочелъ бы такъ: ~~естьство~~ же ~~има~~ есть такою, двойственное число потому, что потомъ слѣдуетъ: ~~мѣжскоу~~ ~~полоу~~ и ~~женскоу~~. Въ строкѣ 5-ой могло остаться рукописное ~~иждеть~~ съ подлежащимъ, подразумеваемымъ изъ предыдущаго предложенія ~~сладость~~.

Въ главѣ 38-ой ~~вѣщяются~~ надо исправить въ ~~вѣ~~ ~~шяются~~.

Въ главѣ 39-ой надо было точно указать чтеніе рукописи; поправки издателя не во всемъ убѣдительны. ~~Вѣсто~~ ~~пригнеть~~ можно читать также ~~пригнеть~~, ~~вм.~~ ~~оутрудившася~~ могло бы остаться ~~оутрудить~~, въ сочетаніи съ подлежащимъ ~~китъ~~.

Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что сочиненіе г. Карнѣева вполне достойно того, чтобы ему была присуждена одна изъ премій, находящихся въ распоряженіи Императорской Академіи Наукъ суммъ. Я могу только предложить это съ самою теплою рекомендаціею.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Текстъ физиолога среднеболгарской редакціи XVI вѣка.

Л. 7.

Съ бгѣ починае. житіа ѡ всь съставѣ слѡ
ѡ всь вещь ходещи. и летещи. слѡ
за льва, ѡ при свѣрстѣ. фиксѡгъ рѣ ѡ лвъ ѡ бѣви.

Лвъ ѣ имѣѣщи дѣла великаа. три
къ стѣи трѣ(и)ци примленъ лвоу ѣ
прво (грьбо сод.) дѣлѡ. ѣга рѣжаеть лвица
и сѣдитъ на ни три дни. и доходѣ,
лвъ и дѣнетъ на ни трищъ и ѡжи-
воу. тако и невѣрнѣи родъ. въ третѣ
днѣ га нашего іу ха на вскрѣненѣ его
прогнѣвахъ за крщеніа радѣ. слѣпи
и мрътви наричетъ се въ имѣ гнѣ на въ-
скрѣненѣ прозжъ (sic) лвица ѣ стѣ дхъ
такоо ѣ. ѣга доидеть лвъ и доунѣ
тако и стѣ дхъ дѣнѣ (выскоблено) живѡ доунѣ

и ѡживѣхъ изидоше вси изъ ада
второ дѣло лвовѡ. ѣга спитъ зрѣ
вѣжѣи его .ѣ. странѣ. разѣмѣе та се оу
тврѣжаеть ѡ ловца. та и гѣ нашъ
іу хѣ. ѡ иудеѣе распетъ се а діавола
поправъ тѡго рай и гла за прѣкѣи
іако сѣдѣщи бѣчимá зрехъ:

Трѣтѣе дѣло лвовѡ ѣга бѣжить
ѡ ловца покриваетъ си слѣ съ ѡпашѣ
да не идѣтъ ловци по немъ.

Тако и тѣ безѣмни чѣвче строеще

мѣтиню нѣ что се хвалиши. правдоу си погоублѣши. а дшѣ си не насладиши. нѣ аще даеши със деснож рѣкъ. да те не знаеть лѣваа. да те не прѣблзнить дѣавѣ. понеже ловѣ е дѣавѣ. ѡпашь бо есть

- Л. 8. львовѣ твоѣ двѣра дѣла. поуть бо е львовѣ члвчаа мѣтинѣ. да не прѣблзнить те дѣавѣ. нѣ въ прѣковъ приходи члвче рѣ бо прѣкъ дѣвѣ. не оумрѣ нѣ живѣ бѣ. аще и ти добро дшѣ оустройши. не оумрешѣ нико лиже. правѣникъ не оумираеть въ вѣки амѣнь. Братѣ о сиѣ вещь и архаггль Ѣриль повѣсть 'Ісѣанъ бѣгословѣ.

2.

Слѣ ѡ зебрѣ рекшѣ идропось ѡ блѣви. Есть себрь великъ свѣрь ѡ всѣй свѣрей. имающее лѣпотѣ страшнѣ сѣлѣ. трѣса емѣ дивнѣ. чело его страшно. ѡ всѣхъ свѣрей чудно и възорно. въ сръчбѣ приплащаетъ се. къ дрѣвоу. рогѣ би-еще о дрѣва. обиваетъ вѣие дрѣвѣ

нѣ единѣ свѣрь ѡбладѣеть ѡ немѣ трѣпѣть жѣжѣ водѣ при водѣ сто-жѣщи. ѡбоневаетъ землѣ. еѣга на-пѣетъ се ѡпѣнитъ се и вѣлитъ се. паки къ земли приникъ тако и вѣ ѡбрѣтающе повѣтиѣ и събираѣь

и вѣлеще се. оувнѣть главу свою. и тѣло свое. приходитъ же ловець. и обрѣтаетъ его завита. и тако прииметь его: — Тако и тѣи безумни члвче. разумѣи ѡти помощь на тебѣ гѣ сътвори. и прѣдаде ти всѣ. два рога даде ти. два закона ветхи и нови. и рогове въ неволнѣи ти мощи крѣть гнѣ. да не приближитѣ къ тебѣ врагъ. рѣ за прѣрка два тебѣ е землѣ на покои и

- Л. 9. вода бѡ и звѣрѣ а тебѣ бгѣтство вода избавити еже звѣрѣ помѣнѣвшоу гредѣщоу ловцѣ. ловець е дѣавѡш та обрѣтаетъ тебѣ завита. въ мѣрстѣи жизни. бгѣ не боещи се. дѣи добро не сътвориша та прѣблажнѣе тебе.

3.

Словѡ ѡ слонѣ повѣство: —

Есть бо звѣрь именовъ слонѣ. велѣи сѣло дѣла велика имать ѡ себѣ. тако и мѣстѣи и питѣе. прѣчѣно всѣхъ звѣрей. за тогово дѣлоо почитаютъ етѡ всѣи звѣрѣе. не имать ставж костѣ не мѡжетъ гѣбати се. ключеве ногѣ его въ едино сѣтъ. приходитъ же къ женскомѣ полоу и стаѣт се. събравши же се. ѡбрѣтаѣ женскѣи звѣрь билѣе. и оукѡшаѣ ѡ него та се ражежѣ

и приходитъ къ мѣжѣ и грающи и гѣбеть и приходитъ и съсѣхрепѣ-

т се. и еѣа приближаеѣ се днѣ ро-
жѣства еи. приходитѣ въ водѣ
великѣ. и ѣзмѣрить водѣ. еѣа бѣ-
детѣ вода до чрѣво еи. тоѣа да
ражаеѣ телѣа. да аще родить
на земли не можетѣ стѣти. понеѣ
не ѣмѣтъ колѣ. а еѣа родить на
водѣ. тоѣа поѣмлетѣ его рилѣ
и плава по водѣ доѣде ѣкрѣпитсе
и дрѣжить подѣ чрѣво сопашкоу.
и дойтѣ еѣо. да еѣа стѣнетѣ на земли.
походѣ съ родителѣ своимѣ. еѣа щѣ
да почиѣ. приходитѣ къ дрѣвоу грѣ-
бавѣ. и почиѣ. кой приемлетѣ его
ловецѣ. прѣиходитѣ бо ловецѣ

- л. 10. прѣже. и поѣтирати дрѣво. и въсло-
нитѣ се починѣти. ꙗко и еѣва снѣ-
де и даде ѣдамѣ. ꙗко и слоница
снѣсть и ражѣижет се. ꙗкоже въ-
слонит се и падеѣсе тов. и не възмо-
жетѣ се въздвигнѣти. приходитѣ
ловецѣ. и поѣмлетѣ. и аще не би ꙗ-
ко сътвориль. ловецѣ никоѣ дѣлѣ
не би оухитиль слона. ꙗко ловецѣ
не приспѣетѣ а кличетѣ. и чѣѣе его
слонѣ голѣми. прѣидѣ дѣвигнѣти
еѣо. и не възможѣ. и кличетѣ ѣбѣа
и придошѣ .д. слонове дѣвигнѣти. и не
могше. възъпише въси. и прѣдо-
ше. вѣ. и не могше дѣвигноутѣ еѣо
и възъпише въси и прѣидѣ мали сѣлѣ
и въздвигнѣ ии :

Протлькѣ за прѣвозаданнаго а́даа.

ѿ е́вва ꙗко е́вва прѣво снѣде ѿ дрѣ-
 ва ѿ даде ѿ дрѣва а́дамъ ѿ бѣ
 ѿзвѣ ѿ рай дѣаволь ихъ. прѣльсти
 то повѣда е́вва ѿзвикъ змиенъ
 кто бѣ слонъ кой паде ѿ не възможе
 встати. ѿ вѣ. 'Адамъ. Кто ѿ
 слонъ пришѣ прѣжѣ; Моусей.
 Кто соу д. слоновъ д іеултий.
 Кто сътъ. вѣ. слоновъ. вѣ аплы
 Кто ѿ малии слонъ; іу хс възви
 же ама ѿ ада.

4.

Сло ѿ елени повѣсто.

Елень ѿ имѣеще лѣпотъ. възоромъ
 дѣвѣемъ. ѿ рози его е́динолѣтнѣ.
 живеть лѣ .н. по тѣчѣ прѣборже
 горѣ ѿ въ врытнѣ ѿ долове, ѿбонѣ-
 ваеще въсѣ свѣрѣ. ложка да гдѣ

- л. 11. Обрѣтаеть змию коѣ се ѿ трѣщъ съ-
 влачила. познаѣ ѿ рѣзумѣеть ю
 рикаеть трѣщъ чѣлми. поставлѣ-
 етъ сѣ носъ на дупкѣ. ѿ поиметь
 дшѣ в сѣбѣ възметъ въ нозрѣ змию
 ѿ погльнетъ ю. того ради нарѣтъ се
 елень зѣне ѿзмѣ змию. ѿс камика
 да ѿще бѣдетъ змиа въ каменѣ
 та ю не възможе. не възможе.
 ѿзетѣ. ѿ ѿщеть водѣ ѿще е ѿ надѣ-
 лече ѿ носитѣ въ стѣ. ѿ заливаеть
 ложѣ змие. та ю ѿзметъ ѿ погльнѣ.

нозрими. аще не обреще водѣ скро
да пьетъ оумираеть. аще ли обреще
и пие водѣ. и живеть дрѣгы. ꙗко ꙗко
за того ради прркъ двѣ глѣ. ꙗко е
елень жежаеть на источнице во нѣе.

Таксо и ты безумни члвче. три ве-
лики дѣла даде ти бѣ. крщеніе и
просвѣщеніе. и възлюбленіе бжїе
покаяніе. текущѣ еленѣ на водѣ
течи на покаяніе къ оучителю на-
оученіемъ. вода е бжїе словеса. на-
поеніе е. къ добрѣ прѣдающисѣ
жѣа е мисли ѡ цркви. да аще
течеша въ црковь. ꙗко еленъ на
водѣ. поновиши си дшѣ ѡ грѣхъ.
не тѣмо ти нѣ и сѣме твое. ꙗко
елень оумираеть безъ водѣ. та
и ты не любещи бжїе страха:

Л. 11 в.

5.

Слово за ѡндрѡпа иже въ мори:

Есть ѡндрѡпъ сѣ въ мори ꙗко и
Фариа. е ѡ прѣди глѣпо велми.
а ѡ половинѣ къ ѡпашѣ. ꙗко и

риба глѣпотѣ имать темнѣ бо хо-
дѣ въ морѣ. е бо воиникѣ морски
всѣ рибѣ. взоръ его е ꙗко и риба
въ нѣкой земли е риба заѣта взорѣ
е бо еи все злато ꙗже лежѣ въ еди-
но мѣстѣ. и походѣ ѡндрѡпъ къ
ней. и все риби походѣ по немъ. къ
рибѣ той златои. приходѣ ѡндрѡпѣ

Л. 12 а.

и поклонѣетсе ей ꙗко и прю. еднѣшь
 въ годинѣ. такоже и вси рыбы по не-
 мѣ и пакы възвращаютсе вѣса тѣа
 въ свои си мѣста. гредѣ мѣскаа
 напрѣ мѣтѣюще сѣмена своаа. гре-
 дѣ женскаа по слѣдѣ. възимають
 сѣмениа и свадѣт сее. Тако и прѣказ'е.
 Индропъ е оучитель прѣковнѣи
 риба сѣ д. люе. риба зла е вѣра

1. 12 в. крѣщена хрѣстіанскѣа вѣщъ е кланѣ-
 ють. ты е приходещи въ прѣковъ.
 члѣче прѣа почитаи прѣз днѣ бѣ се
 моли въ ноцѣ. прѣ бо лѣтѣ (зіс рго тѣлоу) сѣдѣтъ
 бѣ дѣши сѣдѣтъ. бѣ оугодивѣ прѣ
 тебѣ почететь:

6.

Сло за ѡрѣла.

Есть ѡрель прѣ летѣщѣи вѣщемъ. ѡ-
 рель добрѣ естъ за рѣ лѣ безъ печѣ-
 ли живеть. сѣстарѣв се ѡхирѣв'е.
 и заливаецсе ѡчи томѣ. и не возмо-
 жѣ ловѣ сѣбѣ. и зависѣтсе въ ѣбѣиѣ
 сѣиѣ. и падѣ на кротѣки каменѣи
 и станеть вѣсѣ хира на камѣи. и ѡнь
 кѣнетсе въ породимѣ блатѣ. и сѣ-
 дѣи противѣ слѣнцѣ и днѣи. еѣа се ра-
 спарѣѣ ѡ слѣнца. тоѣа сѣ и ѡ ѡчи-
 щениѣ. и бѣдетъ ꙗко и младѣ.

1. 13 а. Тако и ти безѣмнѣи члѣче. еѣа
 оумножѣтсе грѣси твои прѣ-
 теци кѣ прѣкви ѡти тебѣ е ка-

мѣ црковъ. а снѣце ти ѣ молитви
црковни. а породѣ ѣ мѣтви за-
повѣ^а дховна ти ѡца. а вѣсина тѣ
ѣ по правѣрно. старость бо сѣ
грѣси:

7.

Слѣ за випа како ѣ жѣтѣ ѣ

Вѣпъ ѣ много знающѣ лѣкав'-
ствѣа пѣ всѣ^х вещей похрьло ѣ по-
велико. такѣ ѣ дѣло. поствѣсе а-
аще не ѡбрещѣ сѣѣ за мѣ дни. ѣ пѣи
ѣга ѡбрѣщеть за мѣ литръ ѣзѣда
та пльнѣ мѣ пота. тако ѣ ти безъ-
мнѣ члче потишисе мѣ дни. чека-
еще вскрѣнѣе гнѣ. та лѣкавство
агонѣсѣши. да изгѣбѣ по мѣ дни

да насосаши злѣ щѣ си дѣбро твори.
випъ бо сѣдѣ на непоколѣбимѣ
мѣстѣ на камѣ. гледающе къ се-
верѣ вѣтрѣ. ѣга се оустрой гдѣ мръ-
ша. ваѣстваетѣ емѣ десной носѣ
нокти. ѡ крови скота того. та
разумѣеть ѡ ѣ мръша ѣ. всходѣ
на висинѣ. за тѣ випъ нарѣтѣ. зане
ѡ змлю на висотѣ всходитѣ. та
се стрѣйтѣ прѣ нѣ бѣлѣгѣ дрѣгѣ
яко свѣза велика. пѣро на глѣвѣ
емѣ грѣть прѣ. ѣ ѡводѣ его къ мръ-
ши. тако ѣ випица ѣга приближа-
етѣ днѣ рожьнѣю ѣи. сѣдитѣ на
гнѣзѣ ѣ не можѣ снести. походѣ
випъ въ нѣкою землю. тамо ѣ про-
па дльбока. ѣ вьлазѣ въ про^асть

л. 18 в.

Л. 14 а. и възимаѣтъ изъ глѣбини камѣ
 и приносѣ на гнѣздо тѣ ради ража
 ражаеть випица. тога випь ѿно-
 сѣ камѣ на ѡпѣ. тако и ти безъ
 мни члѣче. еѣга въпаднеша въ грѣ.
 и пойдеша въ тѣмъ кромешнѣю. а г
 блюди и теци къ вѣрачу да сцѣлѣи
 твои ранѣи. вѣрачь бо ѣ оучитель.
 а ранна грѣси. випь бо сѣдѣи на камѣ
 ѡжидающа мѣшь. а ти члѣче ѡжи-
 даеша сѣмръть. випь възимаѣтъ
 камень за чедо свое. а ти дѣи своеи
 агѣнисуоѣ. тебѣ бо ѣ мѣтви црковнѣю
 сирота. члѣче оубо гѣ съ богатѣи сѣдѣ-
 т' се. оубогъ на помощь бѣдѣ гѣ бо
 ѡббѣгъ бѣ:

8.

Слѣ ѡ дѣтѣа. ѣ дѣтель

Л. 14 б. чѣдолюбно парѣи въсѣхъ вѣщехъ и
 походѣи мѣжскѣи женѣскомѣ
 и строита гнѣздо походить. дѣтел'
 за хранѣ породнѣю. дѣтлица сѣдѣи
 на гнѣздо. любеща пѣнѣи своее
 прииметь тѣхъ любеща. и продль-
 баеть имъ ребра. и оумираютъ. гѣ
 днѣ приходѣи самецъ. и ѡбрѣта-
 етъ и мрътви. бѣлѣи сѣрцемъ ѡ ни
 жално. та продльбеть сѣбѣ ребра
 и каплетъ кровь свою на ранѣ
 тѣхъ. и ѡживеть. тако и гѣ и ѣ
 хс продльбѣ ребра своа за на. и изи-
 де кровь¹⁾ ѣ. и ѡжихѣ. и жи-

¹⁾ Въ рукописи прибавлено и вода, но зачеркнуто и замазано.

вотъ намъ дарѣва третїи днѣ. въ
скрѣси мртѣвию. тако ѿ ти безѣ-
мни члѣче. гѣ за нѣ распеѣ се. ѿ ребра
своа прободѣ. помѣни то̀го

ѿ сира не ѡсѣди ѡ сиромѣ не оу̀зми
того ради зло̀ нѣпакоститѣсе мѣтиню
строи ѡ ѿманїа своего понеже землѣ ѣ
ѿмѣнїе. въ землї ѡстанеть. а̀ ти дшї
что̀ добро оустроиши. то̀зи твое бѣѣ-
ть. ти знаеши ѡи въскрѣпка те бѣ
поставилѣ ѣ всѐ что̀ ѣ на землї. да ѣ
тѣлоу твоемѣ на пищѣ. слѣнце ѿ мѣѣ ѿ
ѣвѣзи тебѣ ра̀ сѣтворѣа сѣ̀. да ѡно̀гѣ
житїа оустроиши дшї пѣть не заблю-
жѣши: — Дѣтель бо пѣстра пѣтица ѣ
летѣѣ ѡ дрѣва до дрѣва. редѣ кльвѣ
ѡхомь слишитѣ да а̀ще ѣ допно дрѣво
ѿскльветѣ ѿ вселитсе въ. ѿ тоу̀ прѣби-
ваѣ. а̀ще ли ѣ тврѣдо дрѣ(sic) бѣжїѣ ѡ него
та̀ ѿ дѣаволь ходитѣ ѡ члѣка до члѣка рѣ-
рѣ кльвѣ. а̀ оухѣ слишї. да а̀ще ѣ члѣк

Л. 16 а.

не боеще се ба̀. (и)не строеще мѣтиню всѐ-
литса вънь. ѿ тоу̀ прѣбываѣть. а̀ще ли
ѣ члѣк боещи се ба̀. ѿ притечешї въ прѣ
сѣ всѐ сѣрцемь бежитѣ. нѣ то̀кмо ѡ нѣ-
го нѣ ѿ сѣсѣдї его.

Л. 16 б.

9.

Слѣ за попѣнца....

Поупѣнецѣ ѣ пѣстра пѣтица завивающї
гнѣзо. ѿзводї пѣтенце свое. приносї
пищю ѿмь. ѿ хранитѣ такѣ. ѣга ѿзле-

тъ и пойдѹть хранити сѣбѣ. то́га ро-
дителя ихъ внидоуть въ гнѣзо. и смѣ-
нѹть своа перѣга. и бѣдѣ ꙗко и млаи
и пакѣ чедѣ имъ носоу пищѹ и хранѹтъ
и донѣже порастѹтъ перѣга и бѹть ꙗк
и прѣжѣ. Та́ко и ти безѹмни члѣче
съхрани родителя своего. донѣже
прѣда́си его на смѣръ. родителя
не pazi ба ѿвръзеша се. поне́ роди́тель вто́ри бѣ.

- 17 а. твое ѣ. члѣче прѣими родителноу
мѣтвѹ. а ѿ ба блгѣть прѣемлеша. члѣ-
вчѣ въ ноци родитель да ѣ близѹ тебе.
да оугажаеша смѹ верѣ и соутра. да прѣ-
меша ѿ ни мѣтви. да и аггль не прѣ-
спѣеть имъ. а ти ѣ неугодене бѹѣ-
ши. о́ горе тебѣ члѣче что сѣтво-
тъ тебѣ ѣрѣмь.

10.

Слово заа стрька́ именемъ пеларгѹ:

Стрь ѣ рѣкши пеларгосъ. чедолюбѣ
много ѿ половинѹ долѹ ѣ тѣнѣкѣ
а ѿ половинѹ грѣѣ ѣ дебель. и не ли-
псва ѿ гнѣза своего. ко́га мѣска́ же-
на. та́ко и гѣ нашъ ꙗꙋ хс не
липса ко́га долѹ ко́га грѹ. ни ѿ не-
бѣни. ни ѿ земли не липса. тако
и ти безѹмни члѣче. грѣхи стровиши
не прѣста́еша не вѣсѣ ли ко́га ѿи въ
безаконіе не отаишисе. ко́и ѿвѣ
хощеша да́ти члѣвче. вѣсѣ блга гѣ
тебѣ раи сѣтвори. ѣвѣрне и ско-
ти летещей и ходещей. и плѹ ѿ

Л. 17 в.

земли все тебѣ на покоище. сътвори. да и ти сътвориши дѣла свои добро. понеже что дѣла даси то и е твое. члче злато и сребро носиши на себѣ. та оубога убийши. не вѣси ли ѿи то все калъ е. а оубогъ гѣ е. что обогъ даеши то бѣ даеи.

11.

Слѣ за еребице. еребица е много

чѣдна вещь. еѣа сътворитъ гнѣзо себѣ. еребица ражаеъ гѣца себѣ не досити своа. нѣ ходиъ и краде гѣца. изъ ино гнѣзо. яко

такѣ е. за то еребица нарѣтсе зане доситѣ и гѣца своа нѣ и чюжа възимать къ себѣ. такѣ и ти безумни члче еѣа сътвориши мѣтню. теци иномъ исповѣдаи се и наплни си срѣце. а не похвалисе. понеже хваливъ члкъ яко и мѣхъ надоуень е мѣхъ надѣень ви т се пльнь. да еѣа пустиши не виши пльнь е. такѣ и члкъ хваливъ. ни члѣки наслажае то ни себѣ. нѣ ни бѣ любить его.

18 а.

12.

Слѣ за грѣлицъ:

Грѣлица е любезни ва за мѣжи ходитѣ заедно ѿба и строить гнѣзо себѣ еѣа тѣхатсе изгибнетъ единый ѿ ни. блюдетъ единого грѣга(sic) своѣо.

и жалѣеть его до смерти и чистѣ
водѣ не плетъ. тако и ти безумни
ни члѣче. егда оумножьтъ ти се грѣси

- Л. 18 в. притеци къ покаянію не рѣци ѡты
многа грѣха сътвори. не имамъ
прошеніа. но покаиса ѡ своего
срѣца. и прошеніе ѡбращеши.
члѣче ба слави. вѣ—кратъ въ нои.
ако не можъ. а ти г. въ дни и въ
нощи праведники нарѣшиса. члѣче
не вижъ, женскои красотѣ. по-
мѣни іако нѣкоа, жена въ раи
мѣжа не введеа. ни погуби его
тако и ти безумни члѣче позавиди
грьлицѣ.

13.

Слѣ за гольба. Гольбѣ е

добрѣиши всѣхъ пѣць. всѣи за ед-
но лѣтаю. та блюдытъ се ѡ гострь-
ба. да тѣ нѣ оуловить. вѣтъ бо іа-
стреба летаютъ дори го избѣтъ.
тако и ти члѣче притеци въ прѣковъ

- Л. 19 а. да не ѡбращете вра слабе-
на и оуловить тебѣ тако. и вовѣтъ
тебѣ въ свое си хѣтѣніе. члѣче
вижъ како се пазитъ дивїи сѣвѣ-
рь ѡ ловца блю се тако и ти ѡ вра
врагъ бо ино дѣлоо не творить. въ
члѣка ловить. члѣче стрѣпи ѡби-
дѣ члѣчю. вѣнець ѡ ба прѣимешъ
а ба его прѣлагая. бѣ бо тебѣ пом-
щїи бѣдетъ. како е гольбѣ такоо

и ти буди. не скѹпи се ѿ бж҃іего
дара. ѿи гдѣ го си си събралѣ. тоу
го щешь и ѿстави. скѹпѣ чл҃кѣ ѣ
домъ г҃ко и темнаа нощь. невѣи-
тѣ что ѣма. тако и не оузнаетѣ
камѣ ѿходѣи. чл҃вче пауны ѣ при-
чны златоу и сребрѣ и аг҃гли трѣси

и зависѣтсе томоу ѣмъ да егда
погледа на земли. и вѣтъ ѿи землѣ
все ражаа. тако снзѣтсе ѿ¹⁾
висинѣ до полѣ. тако и ти чл҃вче
не зависи сѣ ѣмъ въ богатство
нѣ помѣни ѣе землю еси и пакѣ
въ земли пойдешѣ. а бг҃атство
ѿстанеть. гдѣ же ѣ било прѣже
нѣ птѣцамъ гата нѣ къ вл҃хамъ
ходѣи. чл҃вче дѣ аг҃гли дръжьтъ
прѣстолю гнѣ. та и ти е не знаю
щѣ бѣ мислитѣ.

Л. 19 в.

14.

Слово за вл҃ка

како живеть. Вл҃къ ѣ похваг҃лѣ
звѣрь да аще нѣ обрещеть мршѣ
да се наѣсть. изидеть на пространѣ
мѣсто. на нбо и възплѣеть къ боу
гласѣ велиѣ. глеще гѣ ты ме ѣи

сътворишь. ты рекьль еси мнѣ сѣко жѣ
не даль еси мнѣ трѣвж пастѣ нѣ дрѣво гри-
сти. вѣ ѿ жѣва хранитисе. поли на гѣ

Л. 20 а.

1) Здѣсь слѣдуетъ съ текстъ землѣ, но перечеркнуто.

посли. чюетъ же ѿ менши дрѹзи его. едїногла̀но всѣи възꙋвоу. послѣ на́ гѣ послѣ то́га гѣ поуща́еть ѿ храни. ѿ не оꙋскѣдетъ ѿ. тако ѿ тѣ члѣе послѣшаи прѣкони́ гла. ѿ възꙋви кѣ́ гѣ боу. бѣ не оставитъ те свою́ си мѣть. ѿ приꙋститъ тебѣ́ храни́ дшїи. храни́ бо е́ дшїи мѣтвѣ́ прѣкони́е. гла́ твой да́ та́инно въздыханіе. рѣ́ бо гѣ́ просещо́ да́тсе. тлѣкꙋщо́ ѿвръзетсе члѣе не рѣди многогрѣшенъ е́смь не ѿмамъ прѣщени́е. нѣ́ теци кѣ́ покаанію. ѿ прио́брещеши покааніе. всегѣ́а́ бо грѣшниковъ каю́щесе. помѣ́ванъ боу́ть. такоже ѿ тѣ́ не ѿложп. нѣ́ дрѹзній. ѿ гѣ́ помѣ́етъ те.

15.

- Л. 20 в. Слѣ́ за жерава́ како́ жѣ́. Жѣ́равъ е́сть многогла̀на ꙗ́тца. събирающї́ се вѣрꙋ. е́га боудѣ́ ѿмъ на́пастї́ испꙋстѣтъ стражꙋ́ себѣ́. да сꙋрѣ́жъ и́. ѿ възима́ въ е́но ногꙋ́ камикъ. ѿ възвѣ́ гѣ́ дрѹжї́ егоо на единꙋ́ ногоу́ стоеще. е́га задрѣ́мѣтѣ́ испѣа́етъ камї́. ѿз ногꙋ́ его. ѿнь възꙋпї́е велї́е гла́сѣ́. емꙋ́ дрѹзи́ е́ пробꙋ́тсе ѿ о́стрѣ́жть. тако ѿ тѣ́ члѣе. е́га чюеши гла́ прѣкони́ дръзай. стрѣ́жи себѣ́ ѿ́ дѣавѣа прѣковъ́ бѣ́ е́ стража́ тебѣ́. клепало възꙋвѣ́ азъ́ бѣ́ въ горѣ́ дрѣ́во. скожь повито. вѣ́е о́дѣгано ѿ́ листвѣ́емъ оукрашеннꙋ́. приде члѣ́къ ѿ́ порꙋти ме на слꙋ́жбѣ́ прѣкви́. да зовꙋ́ грѣшнї́ на покааніе. а́ превѣ́дн кѣ́. на спенїе. да дрѹзи ѿ́ браа. слї́шите гла́ моего. не́ дрѣ́жайте себѣ́. нѣ́ дрꙋ́ите
- Л. 21 а. кѣ́ стѣ́и прѣкви́. ѿ́ ѿ грѣ́хъ сꙋ́вобо ѿ́бръщете.

16.

Сло за хїнеа. Хїнеи ѣ въ морѣ. не им̄а ногѣ
ни періа. ѣ бо тако и кльбо на кѣпѣ. трѣса ѣ
тако ѣ ежа. стои бо на єдино мѣсто. да ѣ-
ѣа разѣмѣеть сѣверѣпеще се море приби-
раѣ каменіе и покриваѣ сѣбѣ. да го море не
измѣнетъ понѣ оусїлно мѣ ѣ възвратїти ѣ
на своѣ мѣсто. тако и ти члѣче бѣди до-
брь къ дрѣжїнѣ своей. и сладкъ жїем̄
да ѣга ѡбрѣщѣ тебѣ невола твоа. Ѡ госпѣ-
дара илї ино щѣ. да покрїтъ тебѣ дрѣзѣ
твой да не погїбнешн. брѣте не рѣци
тако бѣгѣть ѣмѣ и великъ мѣти им̄а
Ѡ гѣпѣара моѣ. не ѡзираешн сѣ на поме-
нїшн свои. не весн кога прїдетѣ ти скрѣ-
бѣ члѣче мала и велка гостѣ им̄ашн.

17.

Слово ѡ змїи. Змїа ѣ люта вещь парѣ.

всѣхъ вещей. гдѣ им̄ающе лютѣтъ. Ѡ вѣ-
сего мнѣ. и сѣтвори бѣ вражѣ межоу
змїю и межѣ члѣкомѣ. ѣга змїа поїдетъ
вѣ пнѣ. изблюеть гдѣ свои на краи да
не сѣ гдѣ вѣнїдѣ вѣ вѣ. понѣ вѣ хочѣ
наладїи. тако бн пнѣ вѣ то мрѣтъ
бѣетъ то рѣ гдѣ свои изблюѣ на краи.
такѣ и ти безѣмнн члѣче. ѣга им̄ашн гѣ.
на срѣце своѣ. ѡстави того не вѣхѣ сѣ гѣ
вѣ стою црѣвоу. да не фармакосашн
стїхѣ илї сѣбѣ илї аггѣа своего Ѡлѣ-
чншн Ѡ сѣбѣ. нѣ сѣ всѣкн се прѣстї и ѣ-
мирн срѣце твоѣ. тога вѣнн вѣ црѣвоу.
члѣче змїа ѣга вѣ члѣка. бѣгаеть

Л. 21 в.

мно́го е́га би о́брѣла гѣ́ съхранити се
да а́ще съхранѣ́ гла́вѹ свою. па́къ и́
трьпѣ́ съ главо́ю и́сцѣлѣ́е. а́ще гла́вѣ́ и́

- л. 22 а. порази́ь. то́га всѣ́мъ тѣ́лѹ погибѣ́ прихѣ́ѣ.
та́ко и́ ты́ безѹ́мни члѣ́че. съхранѣ́ни дшѣ́
сво́ю. а́ще ти всѣ́ тѣ́ло пора́женно бѣ́
а́ дшѣ́ твоа́ съхранѣ́на бѣ́дѣ́ и́ права къ́
бѣ́у всѣ́ тѣ́ло хо́щѣ́ дшѣ́ и́сцѣ́литы́. а́ще дшѣ́
сво́ю погуби́ши. всѣ́ твоа́ погубле́на
бѣ́детъ. и́ гѣ́ тебѣ́ прибѣ́жище бѣ́тъ:

18.

Слѣ́во за вола. Во́ль е́ на́ слѹ́жбѣ́ члѣ́комъ
въ́ срѣ́дци своѣ́ безѹ́бо́на вещь. всѣ́ добре
вещь ми́слиты́ то́ ра́ во́ль наре́тсе. и́-
ма́ срѣ́це на́порливо́ и́ глѣ́ великъ и́ма́
е́га ѡ́брѣ́тае́ мѣ́сто гдѣ́ е́ крѣ́вь волѣ́
възвива́е изъ́ срѣ́ца выпі́еть къ́ бѣ́ землю́
о́бонѣ́вающе. и́ глѣ́ще сла́ тебѣ́ влѣ́о
сѣ́твориви на́ ѡ́ землю. па́ки въ́ земли
пойде́. и́ ни́ слы́ше гла́ е́. варѣ́ють
дрѹ́ дрѹ́га. выпі́ю. изъ́ срѣ́ца сла́вещи ба́.

- л. 22 в. Та́ко и́ ты́ безѹ́мни члѣ́че. чѣ́моу не-
на́ви́ши дрѹ́га. нѣ́ помѣ́ни се ѡ́ зе-
млю́ е́си и́ въ́ земли поидеши. щѣ́ не
прова́ждаеши дрѹ́га́ своего́ съ́ слѣ́за-
ми сла́вещи ба́. щѣ́ на́ добро бѣ́дѣ́ тебѣ́
нена́ви́ши дрѹ́га́ своего́ дшѣ́ погублѣ́-
еши. и́ въ́ ѡ́мразѣ́ ѡ́станеши. нѣ́ поза-
ви́жь во́лѣ́ та́ко́ пожа́ли дрѹ́га́ своего́.

19.

Слѣдѣ ѡ ѣдинорогѣ како ѣ жѣе егѡ.

Ѣдинорогѣ ѡвѣръ ѣ имать дѣло
вѣлико сѣло. носъ егѡ прѣпѣль ѣ. Ѣста
ѣ по брадѣ егѡ досежѣ. трѣвою
пѣсетъ стоющѣе. ѣзикѡ досе-
тъ. ѣга виѣтъ ѡвѣра достигнетѣ егѡ
и пробадаеть егѡ. ѣ носитъ егѡ на ро-
гѣ своемъ. да ѣга вѣсмрьдитѣ се. ѣ ра-
згнѣете. тоѣга нагажаеть ѣ каплѣ

Ѣнѣ же поѣмлѣ ѣзикѡ ѣ гастъ. ала ра-
зѣмѣите братѣа. какѣвѣ мѣкѣ ѣ-
мать ѡ хранѣ сѡеи. тако ѣ тои наа
днѣ. трѣщъ вѣстанеть глѣдающе
вѣстѡкъ ѣ прославѣ ба. съ въздыханѣе
ѣ паки насмиваетѣ се. вѣсѣ вѣщемъ сѣ-
бѣ хвалить, тако ѣ ти бѣзѣмнѣ члѣе
разѣмнѣ добра ѣ тебѣ бѣ поставиль
ѣ весь жѣвотъ твой. нѣ заблѣди оумъ
свой вѣ бѣгатѣствѣ. нѣ помѣни ба ѣ
вѣсе хвали твоѣ на ба дасѣ. не надѣи
се на великѣ крѣпѡ свою. нѣ на величѣ-
ство своѣго. нѣ вѣли се ѡ правѣ. бѣ ѣ
правѣ помощнѣкъ.

Л. 15.

20.

Слѣдѣ за паѡна.

Паѡунѣ ѣ прѣкрасна вещь. паѣри вѣсѣ
вещеи. тако ѣ паѡунѣ. ѣмѣе лѣпотѣ
вѣлику. ходеще съ красотѣ великѡ.

срамлѣюще се красотѣ своей. ѣ

Л. 15 в.

потресетъ се въ гѣзахъ своихъ. и възвѣситъ се съ мѣлоу. егда виѣтъ нозѣ свои. велими въздыхнѣ жалостно жалить бо ногѣ свои. и рѣтъ гѣ чѣмъ нѣтъ. тако и тѣло та и ногѣ. тако и члѣвче. блѣши всѣ красна. коа ти даде бѣ. та зависиши оумъ свои. а не помѣнешѣ ꙗкъ кдѣ пришло е к тебѣ. виши зла то и сребро на себѣ. а оубога не помѣнешѣ. ала възми ꙗ много дара бжѣа и створи дши си вѣчни животъ. члѣче аще ранѣ приѣмешѣ. врача ищешѣ и да исцѣлитъ тебе ꙗ болести. исцѣли ранѣ дши своей. врачъ бо е дши цркъо и мѣтинѣ. члѣче ба въ срѣце си имѣи. кои те свѣ да. члѣче с дни те даде бѣ дѣло

Л. 23 а. а стѣе нѣле бѣ прѣдъстои съ страхѣ. и ꙗпоуѣтти се грѣси.

21.

Сло ѡ грипѣсѣ. Грипѣсѣ (sic) е вѣ и всѣхъ ꙗптици лѣщѣ. та бо е въ ѡни земли въ рѣцѣ никитѣнскѣи. егда синѣ слнцѣ изъ води глыбокѣи. и просипѣ зарѣ слнѣнѣю. простерѣ крылъ свои. и застаѣ зарѣ слнѣною дрѣгѣи же грипо приходѣтъ къ немѣ. и ставѣше при нѣ и тоби приѣмета. тако глѣ прииди свѣтодавѣ дай мѣрови свѣ. тако и даль еси бжѣтву. такоже стоить грипо. тако и архангѣле михаиль. и сѣа бѣа за миръ хрѣстѣанскѣи. того раѣ размѣи члѣче. кто станѣ тебѣ на помощь. тамо бо что дши дасѣ. и стѣхъ почитаѣши тебѣ на

помощь бѣдетъ. съ ђбогы^м мѣщи^т се ѿ любе-
щї^т. ѿ на помощь никого не призываѿ разв^ѣ
ба.

22.

Слѣ ѿ аспидѣ. Аспида ѣ имѣеще лѣп-
тѣ дивнѣ. ѣ мѣжко на вѣстоцѣ. а женскѣ
на западѣ. еѣа же ѿ прихѣ^т днѣ растїтїе

прїходї жена ѿ запа^т а мѣ ѿ вѣстокъ прихѣ^т Л. 23 в.
днѣ. насрѣ землю. ѿ ђгѣсть мѣжѣ женаа
главѣ. и ѡтѣть мѣ ѿ оумреть. еѣа родить
птенце свое. съхранить тѣ^т. ѿ оугадѣ мате^р
сї главѣ. ѿ та ђмираѣ. еѣа възрастѣ пте-
нїца. походить мѣско на вѣстокѣ. гакѣ ѿ рѣ^т
теле и^т. догдѣ приидѣ врѣме рашенїю ихѣ
гдѣ лежї же на гѣбно землѣ изгараѣ ѡкѣ
нею. ѿ дшї тоѿ горї землѣ гѣ съжнї. ѿ
чѣ лѣбо назираѣ всѣ изгараѣ. ѿ кой дѣлѣ
ђхватѣ то исполи. прихѣ^т ѿ исполинѣ на
мѣсто гѣ лежї. ѿ покрываѣ сѣбѣ съ трѣвѣ
зеленѣ. ѿ поливаѣ трѣвѣ тѣ съ ѡцетомѣ.
за 3 днї. ѿ догдѣ натрїпнѣ трава ѿ ѡцетѣ
възимѣ палицѣ .гѣ. лактей. ѿ приходитъ
на ѡчи ей. ѿ вѣтра да не зађдї дшї его ѿ нею
ѿ ѿ далѣ наповѣдавши сѣ. прїближаѣсе томѣ^т
лѣкатъ же имѣлю нанѣ. ѿ съжежѣ ѿ тї из'орї^т

второе лѣчи исшї тоѿго. до д-то лѣ^т канїе Л. 24 а.
съжежѣ то. ѿ до .з. е лѣченїе не възможеть.
иматї ѡгнѣ. такоже приближитъ и к' ней
ѡна же покрывает се съ ѡпашїю. да не сли^т
глѣ исполинѣ. ѿ оуши затичѣ. аще слышитъ
оумираѣ. за то члѣкѣ ѡчи ѿ оуши имать

яко пророкъ ре. ѿслиша слухъ твой и оубоаѣсе
 въземъ исполнии палицѣ свою. ѿиметь о-
 па ѿ очію ей и ѿ оушій. и вызовѣ велии. о-
 на же чювши и оумрѣтъ. възметъ ѿ него. еѣ ѣ
 на потрѣбѣ. тако іюдеи мльвѣхъ въ та врѣ
 о гмѣ нашій іухвѣ. яко іаспидѣ въ врѣме
 рашеніе ей. ѿ чеди свои оумрѣ. іюдеѣ про-
 поа да мѡѡсѣи. ѡни же не вѣрѡваше гѣ бѡу
 рождѣшъ се ѿ двѣи мрѣи. тако всеже затико
 оуши и ѡчи свой. да не слышѣтъ гла. га ба іс
 ха. яко исполнии лѣкаше имелеѣ. да оугаси
 аспидѣ. тако и рѡ хрїстіанскіи. лѣкатъ

л. 24 в. ѿ стго іевліа. рѣче къ іюдеѣ оугасѣ и такѣ.
 оцѣтъ лѣкатъ аспидѣ. евреѣ же ѣ жалѡ
 великаа ѡ словесе га нашего иіс ха. такоже
 и сконѣшѣ ѡ реи пррка мѡѡсеа.

23.

Сѣ вѡ

О леси. Лисица ѣ много технита вещь. еѣа
 не ѡбретаѣ да гастѣ кой дѣлѡ хранитѣсе прѣ-
 хѡтъ на присоіе. и ѡмрѣветѣ се тако. и ѡ-
 дръжїи дїѣ въ себѣ. прѡвляюще дїѣ въ себѣ
 и надѣваѣ се яко и мрѣтва. прїходїи вещи ле-
 тѡщени. и прїничѣ къ неи. кльватї ю мнѣшїи
 мрѣтва ѣ. ѡна же вѣстѣвши брыже прѣем-
 ши ѿ ни. и снѣсть. тако дїаволь. еѣа цетѣ
 члѣвка да прѣблазни. и да го ѡбратитѣ въ свое
 сї хотѣніе. прѣво ѡблѣпитѣ єго да не идѣ
 въ црѣкѡ. второе поидѣ къ вѣрѣжалица. и къ влѣ-
 хва гатанїю. члѣвче д архаггїи дръжѣ
 прѣстоль гнѣ глѣще стѣ с с гѣ. не знаютѣ
 что ѣ хотѣніе бѣ ѡ члѣ. а тї члѣче что ѣ

сѣблазнь твоѧ. то ѣ тебѣ любовно. ꙗко рече Л. 25 а
 пррк не бждѣте ꙗко и мсьскъ. нѣ бѣдете
 ꙗко и гольбіе чисти. члче по миту сѣди^{ни}
 комъ пакы митѣ дати. да не въ тмѣ поиде^{ши}
 злато или сребро землѣ ѣ и въ земли Ѹстанеть
 нѣ дѣ безъ пакости да всели^и те гѣ въ црѣтво
 нѣбное:

24.

Слово ѡ ластовици (сод. ластовивѣ)

Ластови^{ца}

ѣ незлобива^тца пр^биваетъ же пль годищ^а
 въ поустинѣ за чедѧ рѧ^н прихѣ^ть въ мѣрь. еѣа
 въскрани тѣ^х. похѣ^ть маті тѣ въ поустиню
 и приносить биліе. и полагаѣ и на ѣчи и прозрѣ^т:
 ꙗко и тѣ члвче. ищи ѣчимѧ своимѧ просто-
 ры ѣ га^н ба. еѣа ѣмножьт се гр^ѣси твои. гр^ѣси
 бо соѣ тебѣ слеп^ѣта. нѣ прѣтеци къ оучите-
 лю. да и ти заповѣ^ню ѡчистиши грѣхи свою
 и ѣчи сво просвѣ^тиши. не бѣ^т ꙗко и ѡдръ въ-
 сѣ злѧ дши прѣимеши. нѣ дръзающі прѣте^н
 къ врачю. да и^с бѣ^тши болесті дшѣвнихъ

ненавидещі те люби. да твои бѣ^теть ласто- Л. 25 б.
 вица пѣзмѧ имать съ змѣю за лю^н того рѧи
 къ люѣ прихѣ^ть.

25.

Сло ѡ жабе сѣщовни и вѣ^н

Жабѧ соушевна ѣ соушыци на слнцѣ и на мѣра-
 зѣ и на вѣтрѣ и на свѣзѣ. и все трѣпять ко-
 пѣса мнѣ. а вѣна жаба не можѣ трѣпѣти
 тако. нѣ зѣмѣ ѧгониса въ глыбинѣ. еѣа
 ѡгрѣваѣ слнцѣ исхѣ^ть на ѡгрѣвалище. еѣаа
 прижежѣ ей слнцѣ пакы въ водѣ вълазить:

такo и члѣци вѣзѣмають калѣгерство нѣо
 жѣ трѣпѣ^{тѣ} гла^{тѣ} жьжѣ и наготѣ. оудрѣжа-
 нѣе и смѣренѣе и неупранѣе и сѣхожденѣе
 обидѣ. и слезы не можѣ. дръжатѣ аггѣлкѣ
 образѣ. аггѣлки образѣ странѣ е. а оутрѣпѣ
 то въ истинѣ боле дѣло ѿ ка^{тѣ}герско нѣ
 развѣ и мнѣ. годѣнѣ не свѣршѣвъ по^{тѣ}. въ
 истина рѣ мнѣ добра сѣтвори^{тѣ}. та^{кѣ} вѣзицѣ
 хранѣ. гакo неправѣно. гакo и вѣна жаб^о.

л. 26 а. вѣспрѣбираѣ гдѣ е тѣлѣ понарочно. аще
 щѣ сѣщо калѣгерство. бу^{тѣ} гакo и сѣшовна
 жаб^а. гадѣ тѣлѣ а дѣи не протѣвить. нѣ
 вѣпѣ немльчно гакo и злѣ чрѣнецѣ.

26.

Слѣ ѿчѣ.

Пчела е чѣона вещь. рѣ бо ѣзекѣа пррѣкѣ по-
 мала е ѿ вѣсѣ^{тѣ} вещи летѣщи^{тѣ}. парѣвѣ вѣсѣ^{тѣ} го
 блѣгѣ е трѣдѣ еѣ. нѣ разѣмѣетѣ нѣкто дѣлу
 тою чѣона е въ ѿчию. трѣ^{тѣ} ею прѣвѣщаетѣ
 стѣ^{тѣ} прѣковѣ. и нарѣтѣ се дѣи хрѣстѣанскои
 на сѣсенѣе. нѣ пасѣще ю нѣ ѿблающе ю. тои е
 данно болшѣю ѿ вѣсѣго. вѣсе гѣа чѣка рѣ^{тѣ} бѣ
 того рѣ^{тѣ} бѣ. въ житѣ^{тѣ} своемѣ чѣче помѣнѣи
 сѣмрѣтѣи ѿвѣ. како хѣщѣши ѿвѣщати. ѿ-
 станѣ ѿ злѣхѣ. и прѣими се за блѣгое. даже дѣвѣ-
 рѣ не затворѣтѣ се. и вѣнедѣ ѿстанѣши^{тѣ}.

